

ВЫХОДИТ 4 РАЗА В ГОД 4(12)/2006

МОСТЫ

журнал переводчиков

Читайте в этом номере:

Д.И. Ермолович

Хоть довинчивай

Б.Н. Климзо

Роль переводчика в построении эквивалентов для заимствуемых иноязычных терминов

Е.К. Масловский

Так дальше жить нельзя.
О бездумных иноязычных заимствованиях в научно-технических переводах

Е.В. Бреус, З.Н. Волкова

Преподавание перевода в высшей школе: нынешнее состояние и перспективы

МОСТЫ

журнал переводчиков
№ 4(12)/2006

выходит 4 раза в год

Издатель:
ООО «Р.Валент»

Главный редактор:
З.В. Зарубина

Редакционная коллегия:

Мишель Берди
Линн Виссон
Д.И. Ермолович
М.А. Загот
И.В. Зубанова
Б.Н. Климзо
В.К. Ланчиков
А.И. Никольская
П.Р. Палажченко
И.И. Убин
М.Я. Цвиллинг
Н.Г. Шахова

Зав. редакцией:
В.Р. Колесниченко

Редакторы:
Н.Г. Богомолова
В.П. Кочин

Корректор
А.И. Никифорова

Подготовка макета
Т.И. Родионова

Почтовый адрес редакции:
105062, Москва,
ул. Покровка, д. 38а
105062, Москва,

Подсосенский пер., д. 23
Тел./факс: 916-67-03
e-mail: publisher@rvalent.ru
rvalent@online.ru
yandex@rvalent.ru
www.rvalent.ru

ISBN 5-93 439-212-3

Номер подписан в печать 25.12.06

Цена свободная
Тираж 1000 экз.
Заказ № 3200

Отпечатано в ОАО «КТС»
Калуга, ул. Московская, 256
Перепечатка материалов – только
с разрешения «Р.Валент»

© 000 «Р.Валент» 2006

В номере:

Отвечает *И.В. Зубанова* 3

В.Н. Комиссаров. Перевод и языковое посредничество 7

Т.П. Некрасова. Предлоги и налоги:
переводим «досадные мелочи» 13

Б.Н. Климзо. Роль переводчика в построении эквивалентов
для заимствуемых иноязычных терминов 20

Е.К. Масловский. Так дальше жить нельзя. О бездумных
заимствованиях в научно-технических переводах 28

В.К. Ланчиков. «...Не стараясь угодить».
Ещё один взгляд на «Параллельные миры» 35

Н.Г. Шахова. Записки не верблюда 40

И.В. Полуян. Учение Г.И. Гурджиева
и синхронный перевод 43

Э. Шайффеле, М.Ю. Бродский. Как важно быть серьёзным...
при переводе на психотренинге 47

Т.В. Ларина. A Smile Opens Many Doors:
Эмоции в коммуникации и переводе,
или К вопросу о выражении эмоций в разных культурах 50

Е.В. Бреус, З.Н. Волкова. Преподавание перевода
в высшей школе: нынешнее состояние и перспективы 56

Д.И. Ермолович. Хоть довинчивай (окончание) 64

У.Я. Полуэктович. Дюжина вилок в спину мэйнстрима. 70

С.С. Польская. Переводческий дебют,
или «Наше сотрудничество будет очень-очень плодотворным» 72

О книге *И.А. Беляева* «Англо-русский словарь трудностей
научно-технической лексики» 74

..... 77

..... 78

Дорогие друзья!

Редколлегия журнала «Мосты» сердечно поздравляет вас с Новым Годом!
Желаем вам много-много счастливых дней, интересной работы и больших творческих успехов!
Новый год – ещё одна ступенька на длинной-длинной лестнице восхождения к профессиональному мастерству и исполнению жизненного предназначения. Не споткнитесь на ней, а споткнувшись, – проявите решимости идти дальше и выше. Будьте здоровы, оптимистичны и по возможности активны. Главное – сохраняйте способность удивляться всему необычному и приобретать новые навыки без оглядки на трудности и возраст.

М.Я. Цвиллинг, переводчик с 60-летним стажем.

Дорогие коллеги! Желаю вам в Новом году много интересных и выгодных заказов на перевод. Но будьте осторожны: если вас пригласят поработать на проекте достройки Вавилонской башни, требуйте 100% предоплаты!

Д.И. Ермолович

Один американский клиент попросил меня написать, что говорят русские свиньи – он собрался написать новогодние поздравления с хрюканьем на разных языках. Я старательно изобразила «хрюк-а-а-а» и при этом заметила, что свиньям без переводчика не объясниться – настолько наш язык отличается от американского “oink, oink”. В ответ он пообещал при случае порекомендовать меня организаторам свиного конгресса.

Желаю всем читателям и писателям «Мостов» интересных и неожиданных заказов в Год Свиньи!

Н.Г. Шахова

Дорогие коллеги-переводчики! Желаю вам в Новом году много дружбы (со стороны коллег по профессии), уважения (со стороны работодателей) и любви (со стороны клиентов)! Желаю вам и интересных впечатлений, которыми так богата наша профессия!

И.В. Зубанова

Желаю коллегам-переводчикам счастья в работе и здоровья в личной жизни.

П. Палажченко

Вот такое замечательное поздравление поступило в адрес редакции журнала «Мосты»:

«Р. Валент, подобно химическим элементам, характеризуются валентностью. Р. Валент, то есть обладает исключительной способностью присоединять к себе авторов статей. Один из них, скрывающийся под псевдонимом «Стихоплёт», шлёт вам следующий дружелюбный привет:

И читатель, и клиент
И учёный, и студент
Обожают Р. Валент
Потому что Р. Валент
Ценных книжек эмитент
И прогресса инструмент
И культуры компонент
И влияния агент
И халтуре оппонент
А это – высший комплимент!
Услышав лишь про Р. Валент
Дрожит издатель-конкурент
Благословим же тот момент
Когда родился Р. Валент
Но больше нету слов на «ент»
Гип-гип ура, салют, привент!

Отвечает Ирина Владимировна Зубанова

— Почему вы стали переводчиком?

— Вообще-то по образованию я преподаватель. Окончив английский педагогический факультет московского Инъяза (сегодня МГЛУ), по распределению осталась там преподавать английский язык. Я очень благодарна своим институтским преподавателям, которые не только вложили в нас знания из области грамматики, фонетики, лексики и тому подобного, но и научили тому, как самостоятельно учиться дальше, причём всю жизнь. Но я довольно рано поняла, что «хороший человек со знанием английского языка» — это не профессия. Было обидно только учить других по-настоящему пользоваться языком, но не делать это самой, поэтому стала искать пути и тропинки, которые в итоге привели меня в перевод, причём в перевод именно устный.

— Что вам дала профессия переводчика?

— Дала чувство собственной нужности, радость служения — если не побояться высоких слов. Устный переводник, в отличие от письменного, всегда находится в непосредственном контакте с теми людьми, для которых работает, с говорящими и слушающими. И реакция этих людей, их радость от понимания сказанного на незнакомом для них языке, их благодарность по отношению к переводчику сторицей окупает все энергозатраты этой непростой профессии. Помню, как впервые остро осознала это. Много лет назад на Московском кинофестивале я переводила фильм в кинотеатре и вдруг поняла, что огромный зал смеётся в ответ не на то, что сказал герой Аль Пачино, а на то, что сказала я. И тут же с ужасом подумала: а что если не справлюсь и всех подведу, и Аль Пачино, и зрителей? Жуткая ответственность.

С опытом приходит уверенность в своих силах, какое-то спокойствие. Но не дай бог, если оно перейдет в успокоенность, в безразличие, если переводчику станет всё равно, хорошо он справился со своей работой или нет. Тогда всё потеряет смысл, останется только зымаывающий труд и смесь цинизма и комплекса собственной неполноценности. Мне приходилось видеть переводчиков, которые «утратили искру»; это очень тяжелое зрелище. Надеюсь, что со мной это никогда не случится.

На самом деле, я сохранила обе свои профессии: по-прежнему много преподаю, учу молодых переводчиков премудростям синхронного и последовательного перевода. Коллеги часто в шутку (а некоторые и всерьёз) спрашивают меня: зачем ты трагиваешь на это своё время и силы, да ещё и конкурентов плодишь? Отвечаю, что хочу повысить общий уровень переводческой профессии, сделать так, чтобы кругом было больше хороших переводчиков и меньше «разных». На самом деле, в преподавательской работе для меня есть большой смысл.

Восемь вопросов профессионалу

Необходимость постоянно отвечать на вопросы студентов заставляет искать ответы на них и для себя, не даёт расслабиться и халтурить. Очень важно, чтобы преподаватель перевода сам был действующим переводчиком и мог на собственной практике проверять, работает ли то, чему он учит других. С другой стороны, всеми своими переводческими находками, наблюдениями, маленькими «открытиями» я делюсь не только с друзьями-коллегами, но и со студентами; тащу им для упражненной материалы мероприятий, которые переводила. Так что ничего зря не пропадает, одна половина моей профессиональной личности подпитывает вторую, и наоборот.

– Кто был ваш первый учитель?

– Гелий Васильевич Чернов, профессор Инъязы, многие годы возглавлявший Высшие курсы переводчиков в МГПИИЯ, а позже один из основателей Московской международной школы переводчиков. О том, как стала его ученицей, я уже писала в этом журнале (см. «Мосты», №№ 1, 2/2006 г.). У Гелия Васильевича я училась не только собственно переводческому ремеслу, но и самому главному – равнодушию, неустанному стремлению к новому, неиссякающему удивлению перед тем, как много ещё можно узнать. А ещё уважению к своей профессии и к тем людям, которые пользуются нашими услугами. Именно эта привычка уважать себя и других заставляет переводчика ответственно подходить к своему делу, готовиться к каждому мероприятию, работать над собой.

Другой мой учитель, Лев Елисеевич Ляшин, стремился показать нам, как важен для переводчика артистизм, кураж – то, что он называл словом «подача». И ещё он учил нас, что переводчик обязан быть эрудитом, знать огромное количество разнообразных вещей, от деталей устройства международных организаций до стихотворных цитат. Всё это должно помочь ему не просто справиться с переводом, но ещё и сделать это красиво – чему сам Лев Елисеевич был эффективным примером.

Обоим своим учителям я благодарна ещё и за то, что они не бросили меня по окончании учебного курса, а вывели в свет – взяли с собой на мероприятия, посадили рядом с собой в кабину. Эта помощь и поддержка бесценна для начинающего переводчика. По мере сил стараюсь продолжить эту традицию со своими учениками.

– Книги, которые у вас всегда под рукой?

– Я читатель, что называется, всеядный. Могу с удовольствием читать и классику, и детективы, и фантастику, и книги для детей – лишь бы было талантливо написано. Выбирая книгу в магазине, наугад открываю её в середине, прочитываю страницу, и сразу понимаю, хочу я это читать или нет.

Один из моих любимых видов литературы – книги по истории, то, что называется «историей повседневности». Мне интересно узнать и понять, как жили и о чём думали люди в разных странах и в разные эпохи: чем интересовались, о чём тревожились, откуда узнавали новости. А потом где-нибудь в командировке попасть на экскурсию в средневековый замок и ясно представить себе, как здесь должна быть расставлена мебель и какая должна звучать музыка, и почему. Да и вообще, знание истории – это очень важная часть общей эрудиции переводчика.

Что касается английского, то когда от бесконечных переводов про *casualty building*, *networking* и *stakeholder empowerment* начинаст казаться, что нормальный человеческий язык я начинаю забывать, то беру с полки книги Джейн Остин. Эффект потрясающий – как в чистом лесном озере искупался.

– Словари, которые у вас всегда под рукой?

– Я переводчик устный, то есть, в отличие от коллег-письменников, словари мне нужны не во время работы, а заранее, на этапе подготовки к ней. Поэтому очень ценю словари, которые можно читать и что-то запоминать на будущее: словари цитат, лингвострановедческие словари,

энциклопедии. Их у меня много. Ну, и ещё целый шкаф самых разных специализированных отраслевых и языковых словарей – как, наверное, у всех, кто занимается языками. Компьютерными словарями пользоваться не люблю – отсталый я человек. Мне уютнее с книгами: по крайней мере их можно открыть сразу несколько, разложить на столе все одновременно.

– Самый трудный случай в вашей практике?

– Синхронисты иногда говорят, что если дадут пару дней на подготовку и хоть какие-то материалы к предстоящему мероприятию, то перевести можно что угодно – и это почти правда. Можно, конечно, вспомнить ситуации с самыми разными осложняющими обстоятельствами – то кабина поставлена так, что из неё вообще не видно ни оратора, ни экрана со слайдами; то оратор со страшной скоростью зачитывает по бумаге текст с огромным количеством цифр, а у переводчика нет экземпляра речи; то участники начинают в ходе конференции рассказывать непередаваемые анекдоты, приговаривая «не знаю уж, как переводчики с этим справятся...». Всё это, разумеется, отражается на качестве перевода не лучшим образом. Но, с другой стороны, это ожидаемые трудности, характерные для работы синхрониста.

Лучше расскажу не о самом трудном, а о самом, пожалуй, специфическом примере своей работы. Вот уже несколько лет я как последовательный переводчик время от времени помогаю английским психоаналитикам юнгианской школы работать с русскими клиентами. В тихой комнате по несколько часов в день происходит нечто, похожее на исповедь; люди говорят об очень личном, нередко эмоциональном. Задача переводчика – насколько возможно, не нарушить атмосферу интимного контакта и не исказить влиянием своей личности то, что хочет сообщить клиент аналитику. Причём для юнгианцев чрезвычайно важно, не только что было сказано, но и какими словами, с использованием какой образности – их больше интересуют проявления работы подсознания... Для меня это уникальная возможность отшлифовать и выверить все свои переводческие навыки, научиться быть прозрачной, как стекло, и как можно меньше привносить в ситуацию себя. Своего рода минималистической переводческой экстрим.

– Самый поучительный случай в вашей практике?

– Это было больше десяти лет назад. В Нижнем Новгороде шел недельный семинар для бухгалтеров по основам рыночного ценообразования, который вели, сменяя друг друга, два преподавателя. Один был очень милый толстый весёлый американец, профессор из небольшого университета во Флориде. Он говорил просто и доходчиво, готов был объяснить, если было непонятно – короче говоря, переводить его было одно удовольствие. Второй преподаватель был гражданином Великобритании, но сыном чеха и польки, которых судьба как-то забросила в эту страну. Это был какой-то клубок из нервов, честолюбия и комплексов; видно было, что человек всю свою жизнь посвятил самоутверждению. Самое ужасное, что, в силу своих славянских корней, он полагал, что понимает русский язык и, следовательно, имеет право поправлять переводчика.

Те, кто переводит с английского языка на русский, знают, что при этом часто приходится переставлять местами части предложения, чтобы, в соответствии с нормами русского языка, самая важная новая информация заняла в фразе последнее место – что я и делала, по привычке, стремясь как можно яснее донести мысли лектора до аудитории. Когда он в очередной раз потребовал, чтобы я вернула части предложения на место, чтобы «было так, как он сказал», я не выдержала. Вместо того чтобы спорить, – а это просто недопустимо для переводчика – я решила... сделать именно так, как он требует! Преподаватель продолжил свою лекцию, очень, кстати, скучную, а я принялась, в тон ему, выдавать дословно точные, но не обработанные целочки слов.

Восемь вопросов профессионалу

Я не ожидала такого эффекта. Буквально через несколько минут слушатели заерзали на своих местах, ручки постепенно замерли над блокнотами, взгляды остекленели, поникающие головы всё хуже держались на подпирающих их руках — видно было, что люди безуспешно борются со сном. Лектор с удивлением обвел аудиторию глазами — и тут сзади раздался отчётливый храп. Его коллега-американец, сидевший в уголке, уснул, развалившись на стуле! Делать было нечего, пришлось лектору объявлять непредвиденный перерыв на кофе. Что произошло, он так и не понял.

А я была одновременно в восторге и в ужасе. Никогда раньше мне не приходилось так наглядно видеть, какую огромную власть имеет переводчик, и как легко этой властью злоупотребить. Разумеется, я «простила» этого неприятного оратора, и он, под мой перевод, дочитал свои лекции, не вызывая больше у слушателей такого гипнотического эффекта — но, впрочем, и он больше не пытался указывать мне, как правильно делать моё дело.

— Ваши пожелания молодым коллегам?

— Вот пара вечных истин, о которых я всегда напоминаю своим студентам. Во-первых, сначала вы работаете на свою репутацию, а потом она работает на вас. Если вы с самого начала суместе не только словом, но и делом убедить работодателя, что работаете достойно и надёжно, то к вам не станут приставать с мелкими придирками, и сакраментальный вопрос о повышении статуса переводчика решится сам собой.

И во-вторых, любите свою профессию, находите в ней источник радости — иначе вам всю жизнь придётся заниматься *нелюбимым* делом! Или по-английски: You've got to love what you do, so you don't have to do what you hate!

Говорящие коробочки

До начала небольшой конференции несколько минут. У задней стены зала — синхронная кабина, в ней два переводчика в полной готовности. Рядом стол звукотехника, на нём разложены инфракрасные приёмники с наушниками для слушателей. Организаторы громко, на английском и русском языках, объявляют: «Все желающие воспользоваться синхронным переводом могут получить приёмники под залог удостоверения личности. Первый канал — русский, второй — английский». Выстраивается небольшая очередь, все разбирают приёмники, возвращаются на места, идёт проверка каналов. Вдруг напротив звукотехника возникает возмущённая дама, которая на ломаном русском вперемешку с ломаным английским кричит: «Я — немка! Я из Германия! Дайте мне наушник, который говорит по-немецки!» Дама явно не видит разницы между приёмником, передающим синхронный перевод, и аудиогидом в музее...

От всей души (моя любимая история)

Участник семинара, одобрительно весь день наблюдавший за работой молоденькой последовательной переводчицы, во время последнего перерыва на кофе решил сделать ей комплимент. И сказал: «Девушка, я вот за вами всё смотрю: здорово вы переводите. Вы небось весь английский язык наизусть знаете. Или всё-таки иногда думать приходится?»

Блаженны не ведающие, что глаголят уста их!

Д. Толмачёва-Драгоманова

Перевод и языковое посредничество*

В.Н. Комиссаров

Вален Наумович Комиссаров (1924 – 2005 гг.) – известный специалист в области теории перевода и методики обучения переводчиков, ведущий представитель школы лингвистической теории перевода, автор 10 книг и более 80 научных статей по проблемам теории перевода, семасиологии и английского языка. Его имя хорошо известно теоретикам и практикам перевода, как в России, так и за её пределами. Закончил Военный Институт Иностранных Языков (ВИИЯ), заведовал кафедрой теории, истории и критики перевода в МГЛУ, в течение полувека занимался исследованиями переводческой деятельности, преподаванием теории и практики устного (обычного и синхронного) и письменного переводов. Им опубликовано свыше 100 научных работ и учебников, среди которых такие книги, как «Слово о переводе» (1973), «Лингвистика перевода» (1980), «Теория перевода» (1990), «Естественность художественного перевода» (1991), «Теоретические основы методики обучения переводу» (1997), «Общая теория перевода» (1999), «Современное переводоведение. Курс лекций» (1999–2000), «Лингвистическое переводоведение в России. Учебное пособие» (2002), «Современное переводоведение. Учебное пособие» (2004)

Развитие научной дисциплины предполагает постоянное уточнение её предмета, более чёткое определение отдельных разделов, выявление и описание её «стыков» со смежными дисциплинами. Эта задача весьма актуальна и при научном изучении такого сложного и многогранного явления, как переводческая деятельность. При определении понятия «перевод» необходимо учитывать, что задачи, которые ставит перед собой переводчик, способы решения этих задач и достигаемые результаты весьма неоднородны. В своей практической деятельности переводчик может заниматься не только «собственно переводом», но и осуществлять речевые действия иного характера.

Часто говорят, что перевод обязательно предполагает максимальную верность оригиналу. И, действительно, во многих случаях переводчик стремится как можно полнее вос-

произвести оригинал. Известно, однако, что в других случаях переводчику вменяется в обязанность обеспечить воспроизведение в переводе коммуникативного эффекта оригинала, того воздействия, которое автор оригинала хотел оказать на получателей сообщения с целью вызвать у них определённую реакцию.

Многие авторы считают воспроизведение коммуникативного эффекта главным условием любого «правильного» перевода. Но это означает, что на первом плане в процессе перевода находится не столько оригинал, сколько Рецептор перевода. Как указывают Ю. Найда и Ч. Тейбер: «Даже на старый вопрос “Правилен ли этот перевод?” следует отвечать вопросом: “Правилен для кого?”»¹.

Поскольку реакция получателей сообщения зависит в значительной степени от характера, знаний и предыдущего опыта самих получателей, переводы одного и того же ори-

* См. Комиссаров В.Н. Перевод и интерпретация. — В сб.: Тетради переводчика, вып. 21, М., 1984.

¹ См. Nida E., Taber Ch. The Theory and Practice of Translation. Leiden, 1974, p. 1.

гинала, предназначенные для разных типов Рецепторов, естественно, должны быть разными. И, действительно, переводчики подчас идут на сознательные отклонения от оригинала во имя достижения желаемого воздействия на Рецепторов перевода. В таких случаях ориентация на оригинал дополняется, а порой и заменяется ориентацией на определенный тип получателей. Теоретикам перевода пришлось для объяснения подобных фактов отказаться от принципа исчерпывающей передачи содержания и экспрессивно-стилистических особенностей оригинала и ввести понятие «динамической эквивалентности» (Ю. Найда) или «прагматической адаптации» (А. Нойберт) при переводе. Понятно, что наличие «динамической эквивалентности» следовало обнаруживать уже не сопоставлением с оригиналом, а путем проверки реакции получателя.

Далее выяснилось, что переводчик нередко вовсе не старается воспроизвести тот же коммуникативный эффект, который текст оригинала оказывает на получателей сообщения на исходном языке. Порой такое первоначальное воздействие трудно определить, а в других случаях перевод предназначен для совершенно иной социальной, профессиональной или возрастной категории получателей, нежели оригинал, и речь может идти не о воспроизведении воздействия оригинала, а о достижении желаемого воздействия именно на данную группу людей. Это желаемое воздействие может совпадать с намерениями автора оригинала (как их понимает переводчик), а может и не совпадать, поскольку он не имел в виду Рецепторов перевода. В последнем случае характер воздействия, которое должен оказывать перевод, определяется самим переводчиком или заказчиками перевода. Получается, что действия переводчика далеко не всегда определяются стремлением к максимальной верности оригиналу. Нередко они преследуют иные цели в соответствии с конкретными условиями и поставленными задачами. В результате, понятие «перевод» приходится расширять до такой степени, что оно не поддается единому определению.

Так, ориентируясь на достижение желаемого результата, придётся признать переводом такие действия переводчика, описанные в литературе, когда он добивается необходимого воздействия, значительно расширяя и приукрашивая переводимую речь (Ф. Вейс-Лавале); когда, учитывая цель оригинала, он переводит фразу «Я живу на первом этаже», обращённую к ожидающим в лифте людям, как «Он с нами не поедет» (Р.К. Миньяр-Белоручев); когда вообще отсутствует оригинал и переводчик просто выполняет на ПЯ указание, данное на ИЯ, например: «Постарайтесь узнать, где используется это оборудование» (Л.К. Латышев). Фактически, здесь переводом считается всё, что делает переводчик в рамках межъязыковой коммуникации.

Деятельность переводчика имеет, по определению, вторичный, посреднический характер. Её значимость определяется, в первую очередь, тем, в какой степени она обеспечивает возможность общения между коммуникантами, пользующимися разными языковыми системами. Поэтому характер и результат действий переводчика определяются не его личными намерениями, а условиями и задачами межъязыковой коммуникации. Конечно, возможность выполнить поставленную цель зависит от таланта и уровня профессиональной подготовки переводчика, но эта цель и способы её достижения задаются факторами, внешними по отношению к переводчику. Вторичность деятельности переводчика, в частности, означает, что он действует не для собственного удовольствия или самовыражения, а выполняет социальный заказ либо самих участников межъязыкового общения, либо иных лиц (заказчиков), заинтересованных в том, чтобы коммуникация состоялась. Однако межъязыковая коммуникация, как и речевое общение с помощью одного языка, может осуществляться с разными целями и с разной степенью полноты и завершённости.

Наиболее полное общение между «разноязычными» коммуникантами осуществляется путём создания на языке перевода текста, коммуникативно равноценного иноязычному

оригиналу, т. е. путем его перевода. Понятие «коммуникативная равноценность» двух текстов крайне важно для понимания механизма речевого общения вообще и механизма перевода в особенности. Коммуникативная равноценность двух текстов заключается в их функциональном и структурно-семантическом отождествлении коммуникантами, для которых эти два текста выступают в качестве равноправных форм существования (ипостасей) одного и того же сообщения. Наиболее полно сущность коммуникативной равноценности раскрывается в процессе речевого общения коммуникантов, пользующихся одним и тем же языком. Известно, что участники любого акта речевого общения не идентичны в лингвистическом плане. Каждый из них в разной степени владеет языком, на котором осуществляется общение. У каждого имеется свой запас слов, в разной степени развитые навыки говорения и понимания, разный языковой, литературный, культурный и жизненный опыт. Каждый обладает индивидуальными психологическими особенностями памяти, внимания, темперамента и т. п. У каждого свои ассоциации, предпочтения, реакции, связанные с определёнными языковыми формами и их значениями. В результате подобных различий два человека никогда не создают или не воспринимают речевое произведение абсолютно одинаково, и в акте речи то, что говорит один, не полностью идентично тому, что понимает другой. Высказывание и содержащееся в нём сообщение как бы существует в двух видах, в двух ипостасях: текст для говорящего и текст для слушающего. Но сами коммуниканты обычно не осознают этого различия. Для них обе ипостаси текста представляют один единый текст, они отождествляют их в процессе общения и считают, что коммуникация обеспечивается тем, что полученное сообщение идентично переданному. А это и означает, что обе ипостаси текста оказываются коммуникативно равноценными, что их общность (их инвариантная часть) значительно больше и важнее, чем их различие, что для целей и условий данного акта общения обе ипостаси

могут рассматриваться как один и тот же текст. Такая общность создаётся прежде всего потому, что оба коммуниканта пользуются одной и той же языковой системой с одинаковым набором единиц с более или менее устойчивым значением, которое они одинаково интерпретируют.

Несколько иной характер имеет коммуникативная равноценность текстов, обнаруживаемая в процессе межъязыковой коммуникации. И здесь создаваемый переводчиком текст отождествляется коммуникантами с другим текстом — текстом оригинала. И здесь участники общения игнорируют возможные (и реально существующие) различия между двумя текстами. Они обращаются с переводом так, как будто он и есть оригинал (печатают его под именем автора оригинала, цитируют, оценивают, критикуют оригинал по переводу и т. п.), считая, что по форме и по содержанию они имеют дело с одним и тем же сообщением. Текст перевода и текст оригинала рассматриваются, таким образом, как две ипостаси одного и того же текста. Как и при «одноязычном» общении, подобное отождествление основано на значительной структурно-семантической общности обоих текстов. Однако здесь отношения коммуникативной равноценности устанавливаются между текстами, созданными на основе разных языковых систем из единиц, не совпадающих ни по форме, ни по содержанию. Поэтому расхождения между этими ипостасями обуславливаются уже не столько индивидуальными различиями коммуникантов, сколько различиями между языками. Конечно, индивидуальные различия тоже существуют, но они отступают на задний план. Перевод ориентируется на своего рода «усреднённого» Ресептора, и переводчик учитывает возможные расхождения в понимании коммуникантами передаваемого сообщения не в связи с их индивидуальными особенностями, а в силу того, что они представляют разные языковые коллективы.

Степень общности разноязычных текстов, объединяемых в процессе межъязыковой коммуникации, зависит от соотношения

Наследие

систем и правил функционирования языков, участвующих в этом процессе. Поскольку сущность перевода заключается в создании на ПЯ текста, коммуникативно равноценного оригиналу, сама возможность и закономерности перевода также обусловлены соотношением ИЯ и ПЯ. Именно поэтому перевод может рассматриваться как лингвистический процесс, в основе которого лежит соотносённое функционирование двух языковых систем².

Таким образом, перевод обеспечивает межязыковую коммуникацию путём создания на ПЯ текста, выступающего в качестве полноправной замены оригинала. Однако далеко не во всех случаях общение между людьми, говорящими на разных языках, осуществляется при помощи перевода. Перевод является лишь одним из видов языкового посредничества (Sprachmittlung), при котором билингв-посредник в той или иной форме создаёт текст, ориентированный на иноязычный оригинал.

Общим для всех видов языкового посредничества является вторичный характер создаваемых текстов, предназначенных для репрезентации текста на другом языке. Однако, в отличие от перевода, другие способы такой репрезентации лишь частично воспроизводят оригинал, не создают ему коммуникативно равноценной замены, не дают основания для полного отождествления разноязычных текстов. Иначе говоря, при передаче сообщения, содержащегося в оригинале, происходит некоторое изменение, адаптация передаваемого. Необходимость такой адаптации обусловлена особыми задачами, которые ставит перед собой билингв-посредник, тем типом межязыковой коммуникации, который он стремится обеспечить. Эти задачи связаны либо с ориентацией на особый тип Рецепторов (стремление обеспечить понимание, практическое использование или необходимое воздействие создаваемого текста для указанной группы лиц), либо с заданным объёмом и формой изложения извлечённой из оригинала информации. При решении этих задач происхо-

дит не только транскодирование информации с одного языка на другой, но и её преобразование с целью изложения в форме, определяемой не объёмом и организацией этой информации в оригинале, а типом межязыковой коммуникации. Эти виды языкового посредничества обычно именуется «перенос с переработкой содержания» (inhaltsbearbeitendes Übertragen) или «адаптивное транскодирование» (adaptives Übertragen).³

Поскольку при адаптивном транскодировании иноязычного текста информация, содержащаяся в тексте на одном языке, должна быть передана средствами другого языка, этот процесс носит паратергический характер: он как бы совмещает в себе элементы перевода и преобразования информации. Теоретически адаптивное транскодирование можно осуществить в два этапа: сначала перевести оригинал, а затем проделать необходимые преобразования текста перевода.

Нередко переводчику приходится не только выполнять собственно переводческие функции, но и осуществлять различные виды адаптивного транскодирования. Порой же действия переводчика в процессе межязыковой коммуникации выходят даже за рамки языкового посредничества. Различные виды паратергической деятельности в неодинаковой степени сохраняют близость к переводу и соответственно воспроизводят оригинал с большей или меньшей полнотой. Наиболее полно обычно воспроизводится содержание оригинала, но наличие адаптации исключает возможность смыслового отождествления создаваемого текста с оригиналом, не говоря уже об отождествлении структурном или функциональном. Уже само название конкретного вида адаптивного транскодирования указывает на то, что он не предназначен для полноправной замены иноязычного оригинала.

В несобственно переводческой деятельности переводчика можно выделить четыре основных случая.

² См. Комиссаров В.Н. Лингвистика перевода. М., 1980.

³ См. Kade O. Die Sprachmittlung als gesellschaftliche Erscheinung und Gegenstand wissenschaftlicher Untersuchung. Leipzig, 1980, S. 152–159.

1) Прежде всего отметим **упрощающую адаптацию**, в основе которой лежит функциональное транспонирование текста. Осуществляя упрощающую адаптацию, переводчик (точнее, «языковой посредник») ориентируется на иную группу Рецепторов (читателей), чем та, для которой был написан оригинал. Его задача — упростить содержание оригинала, чтобы сделать его доступным для читателя, не обладающего необходимыми познаниями, уровнем подготовки или жизненным опытом для понимания исходного сообщения. Наиболее распространённой формой подобной адаптации является уменьшение при передаче на другом языке степени научной сложности, специального или «технического» характера оригинала с целью сделать его доступным для читателя-неспециалиста, а также упрощение формы и содержания «взрослого» оригинала, перевод которого предназначается для детской аудитории. Этот вид адаптивного транскодирования наиболее близок к переводу. Ему присущи некоторые признаки функционального отождествления конечного текста с оригиналом (опубликованные под именем автора оригинала), и его обычно именуют «сокращённым переводом» или «адаптированным переводом».

2) Второй вид адаптивного транскодирования можно назвать **воздействующей адаптацией**. В этом случае переводчик тоже ориентируется на определённую группу Рецепторов перевода, ставя себе цель добиться определённого воздействия на членов этой группы. Для достижения такой цели необходимо перестраивать передаваемое сообщение с учётом особенностей восприятия тех лиц, для которых предназначен текст на языке перевода. Подобная перестройка требует более серьёзных преобразований содержания, чем простое упрощение. Здесь уже приходится прибегать к различным способам модуляции смысла и осуществлять не просто функциональное транспонирование текста, а его модуляционное транскодирование. Наиболее распространённой формой воздействующей адаптации является преобразование текста рекламы при воспроизведении его на других

языках. Как правило, форма и содержание рекламы, обеспечивающие её действенность в условиях одной культурно-исторической общности, оказываются недостаточно эффективными, когда необходимо воздействовать на людей иной культуры, психического склада, с иными ассоциациями, взглядами, жизненными установками и ценностями. Адаптация рекламы при её передаче на другом языке часто бывает весьма значительна, порой она выходит даже за рамки адаптивного транскодирования и превращается в составление параллельного текста на ПЯ, который должен обеспечить необходимое воздействие (co-writing).

Указанные два вида адаптивного транскодирования можно, вслед за О. Каде⁴, именовать «текстопреобразующими» (Textumformung), в отличие от двух других видов, которые О. Каде называет «информативно-преобразующие» и которые отличаются от первых по цели и способу адаптации. Они ориентированы не на особенности восприятия какой-то группы Рецепторов, а на специфическую задачу языкового посредничества, определяющую степень полноты и форму организации информации, которая должна быть извлечена из оригинала и воспроизведена на ПЯ. Здесь уже речь идёт не о каком-то преобразовании исходного текста, а об отборе части содержащейся в нём информации и передаче её на ПЯ в совершенно иной форме.

К информационно-преобразующим видам адаптации относятся:

3) **Редукционно-описательная адаптация**, которая преследует цель сообщить Рецептору о том, какого рода информация имеется в иноязычном тексте, не передавая содержание этой информации и не оценивая её. Характер подобной адаптации определяется заданным объёмом, который всегда значительно меньше объёма оригинала: от одной-двух строк библиографической аннотации до нескольких абзацев реферативной аннотации или резюме. Адаптированные таким образом тексты дают возможность читателю узнать, о чём

⁴ Указ. соч., с. 169.

идёт речь в оригинале, и решить, есть ли там интересующая его информация. Для получения самой информации потребуется перевод или иной более детальный способ знакомства с содержанием исходного текста. Типичным примером подобной адаптации может служить краткое резюме, на одном или нескольких иностранных языках, которое обычно приводится в конце или в начале статьи в научном журнале.

4) **Редукционно-информативная адаптация**, которая должна в сокращённой форме сделать доступным для читателя основное содержание оригинала. В этом случае, помимо определённого объёма, формулируются и некоторые правила отбора и организации передаваемой информации. Как правило, переводчик должен уметь выбрать из оригинала информацию, отвечающую определённой теме, содержащую новые или важные сведения, интересующие заказчика, а порой и дать оценку передаваемой информации, её значимости или достоверности. Такая адаптация осуществляется путём составления различного рода рефератов. Реферативное изложение содержания оригинала заменяет для Рецептора оригинал в том смысле, что он обычно не нуждается в более полной передаче его содержания, хотя и здесь он может, в случае необходимости, заказать полный перевод. Понятно, что это совсем иная замена иноязычного текста, чем та, которая происходит при переводе: Рецептор не выступает в качестве полноценного участника межъязыковой коммуникации, а лишь получает часть информации, содержащейся в оригинале.

Этот краткий перечень основных видов адаптивного транскодирования, разумеется, не является исчерпывающим. Достаточно вспомнить, например, о многочисленных типах пересказа или переложения содержания текста на других языках, передающих это содержание в разной форме и с различной полнотой.

Таким образом, адаптивное транскодирование, как и перевод, является формой языкового посредничества. Обе эти формы передачи иноязычного содержания, несомненно, связаны друг с другом и часто выполняются

одним и тем же лицом — переводчиком. При адаптивном транскодировании отдельные части оригинала могут полностью переводиться, а в процессе перевода переводчик подчас использует, вольно или невольно, некоторые приёмы адаптивного транскодирования. Фактически, человека, осуществляющего языковое посредничество в разных формах, следовало бы называть не «переводчиком», а «языковым посредником» (ср. немецкое „Sprachmittler“), но вряд ли стоит покушаться на традиционное употребление термина. Дело, конечно, не в названии. В конце концов, можно всё, что делает переводчик, называть переводом и различать «собственно переводы», «переводы-рефераты», «упрощённые переводы», «сокращённые переводы», «прагматически-адаптированные переводы» и т. д. Важно лишь чётко разграничивать процесс создания текста, коммуникативно равноценного тексту оригинала в указанном выше смысле, и всевозможные иные способы передачи содержания иноязычного текста. Каждая из форм языкового посредничества требует особых знаний, умений и навыков, и будущих переводчиков надо специально обучать различным способам репрезентации иноязычного оригинала. Квалифицированный переводчик должен хорошо знать специфику как перевода, так и отдельных видов адаптивного транскодирования, и не смешивать их при решении конкретной задачи по обеспечению межъязыкового общения. Это тем более важно, что в своей деятельности переводчик, особенно устный, порой выполняет некоторые функции, выходящие за рамки самого широкого понимания языкового посредничества: даёт всевозможные разъяснения, выполняет различные указания коммуникантов, задаёт уточняющие вопросы и т. д.⁵ Правильное понимание неоднородного характера переводческой деятельности будет способствовать совершенствованию подготовки переводчиков и повышению качества их работы.

⁵ См. Комиссаров В.Н. Перевод и интерпретация. — В сб.: Тетради переводчика, вып. 19, М., 1982.

Предлоги и налоги: переводим «досадные мелочи»

Т. П. Некрасова

Бывает ли так, что правильная с юридической точки зрения фраза не совсем грамотна с точки зрения языкового оформления? Бывает и, к сожалению, нередко. Формулировки, встречающиеся в российских законах, актах выездных налоговых проверок, судебных решениях, экспертных заключениях и иных официальных документах, огромное множество которых мне доводилось переводить, свидетельствуют о том, что правовая корректность далеко не всегда «дружит» с грамматикой и логикой, а здравая юридическая мысль не всегда может быть выражена адекватными языковыми средствами.

Я не буду приводить здесь в качестве примеров те фразы, что не поддаются ни переводу, ни разумению. Поломав над ними голову, бессильно опускают руки даже мои коллеги-юристы. Приведу лишь те, в которых юридическая корректность неоспорима, а лингвистически мысль оформлена весьма своеобразно.

Возьмём такую фразу:

Налоговым органом были предъявлены претензии по неправомерному применению компанией вычета по налогу на добавленную стоимость по расходам на аренду.

С точки зрения налогового права всё абсолютно верно. С точки зрения стилистики русского языка налицо некоторый перебор с использованием одного и того же предлога, а с точки зрения смысла в двух случаях из трёх предлог *по* использован, строго говоря, не совсем корректно, что может дать неправильный посыл для перевода. Так сложилось, так говорят, мыслят и пишут практически все,

кто занимается вопросами налогообложения: и налоговые юристы, и разработчики налогового законодательства, и авторы различных подзаконных актов о налогах и сборах, и «творцы» различных ведомственных документов, прекрасно понимая при этом друг друга. Покажите эту фразу любому из них, и ни вопросов, ни нареканий ни у кого из них она не вызовет. Нарекания эта фраза может вызвать у стилиста, а вопросы — у переводчика, не очень хорошо знакомого с налоговой тематикой. Определённый опыт «налоговых» переводов позволяет мне поделиться некоторыми соображениями о том, что и как здесь лучше перевести.

Начнём с того, что менять язык налогового права в угоду ревнителям русского языка, никто, естественно, не будет. Поэтому для переводчика остаётся только один выход — разбираться в сути, докапываться до глубины и уже потом искать переводческое решение.

Адекватно перевести вышеприведённую фразу можно, только понимая смысл написанного, а смысл *вычета по налогу на добавленную стоимость по расходам на аренду* заключается в том, что расходы на арендную плату вычитаются *из* суммы подлежащего уплате НДС. Не понимая этого, пришлось бы использовать те английские эквиваленты русского предлога *по*, к которым прибегают тогда, когда значение этого самого *по* не совсем понятно — *with respect to*, *in respect of*, *in relation to*. Это не самый плохой выход из ситуации, особенно тогда, когда время не позволяет долго размышлять над смысловыми головоломками. Минус заключается в том,

Анализ практики

что все эти варианты трёхсложные, и перевод они утяжелят, а к сути вопроса не приблизят. Поскольку коротко и ясно представители российских налоговых органов в большинстве своём не изъясняются, пишут длинно, витиевато, и одно предложение запросто может разрастись у них на полстраницы, — переводчику, на мой взгляд, лучше избегать дополнительных «утяжелителей» подобного рода. Улучшать исходный текст мы, конечно, не обязаны, но если всё-таки ставить себе задачу сделать перевод по крайней мере удобоваримым, понимание смысла позволяет эту задачу решить. Разобравшись в смысловых связях внутри этой фразы, уясняем себе, что речь идёт о *wrongful deduction of rent costs for VAT purposes*.

При переводе всего предложения следует учитывать то, что в отличие от русского языка, который ориентирован на использование существительных, английский больше оперирует глаголами, поэтому потребуются определённые трансформации:

The tax authority claimed that the company had wrongfully deducted its rent costs for VAT purposes.

Результатом всех этих усилий является правильная передача смысла наиболее адекватными языковыми средствами. Под наиболее адекватными языковыми средствами я подразумеваю те средства, которые в подобном контексте с большой вероятностью использовал бы носитель языка, а он в данном случае использовал бы глагол там, где в русском языке используется конструкция «глагол + существительное»: *применить вычет* — *to deduct*. Это не означает, конечно, что существительное *deduction* не используется. Используется, и ещё как! *Иметь право на налоговые вычеты* — *to be entitled to tax deductions*, *отказать в применении налогового вычета* — *to deny tax deduction(s)*, *предъявить НДС к вычету по расходам на рекламу* — *to claim a VAT deduction for advertising expenses* и так далее.

Нужно сказать, что предлог *no* в переводе вообще очень коварная штука. Встречаются ситуации, когда для его перевода не подходят даже те «обтекаемые» английские аналоги этого служебного словечка, которые мы привели

чуть выше, а между тем этот предлог в юридическом обиходе один из самых частотных.

Как вы думаете, что означает *льгота по налогу на прибыль по убыткам прошлых лет*? В финансово-бухгалтерской литературе эта льгота может фигурировать в самых разных вариантах:

- льгота по налогу на прибыль на покрытие убытков прошлых лет;
- льгота по налогу на прибыль при погашении убытков прошлых лет (предлог при в переводе ещё более коварный, чем *no*, но об этом чуть позже);
- льгота по налогу на прибыль в части убытков прошлых лет.

И как выбрать из длинного синонимичного ряда *allowance, preference, benefit, concession, exemption, relief...* наиболее подходящее слово, тем более что все существительные в этом перечне (который, кстати, можно продолжать) прекрасно сочетаются с прилагательным *tax*? Для этого переводчику опять же нужно вникать в смысл написанного, который заключается в том, что компания-налогоплательщик вправе (при определённых условиях) вычитать убытки прошлых лет из налогооблагаемой базы, уменьшая таким образом свои налоговые платежи. То есть по сути это не льгота в отношении убытка прошлых лет, как можно было бы предположить, исходя из значения предлога, а льгота, которая появляется у компании при наличии или в результате наличия, точнее, благодаря наличию убытка, это польза от этого убытка, вернее, от возможности его переноса с одного отчётного периода на другой. Поэтому это не что иное, как *tax benefit of carrying forward prior years' losses* или *tax benefit of loss carry-forward*. Но перевод — вещь контекстуальная, и однажды найденный удачный вариант, выручив нас в одной ситуации, может оказаться не совсем к месту в другом контексте.

Пока компания просто имеет *льготу по налогу на прибыль по убыткам прошлых лет* или вправе претендовать на нее, это *benefit* для компании. Как только компания начинает реализовывать своё право на эту льготу,

например, заявляет её в отчетности, абстрактно-размытое *benefit* обретает конкретные формы, подразумевая уже *вычет*, и в переводе более уместным будет *deduction*. Исходя из этого, корректным вариантом перевода предложения

Налогоплательщик заявил льготу по налогу на прибыль по убыткам прошлых лет

представляется следующий:

The taxpayer claimed a profit tax deduction for prior years' losses

В принципе, глагол *to claim* сочетается с существительным *benefit*, и в несколько ином контексте эти два слова составят прекрасный альянс, скажем, *to claim the benefit of a treaty*, *to claim the benefit of a contractual provision* и т.п. В такой фразе, как, например,

Under these circumstances, the company may claim the benefit of the Double Tax Treaty

юридически вполне корректно перевести *claim the benefit of...* как *воспользоваться льготами (или преимуществами), предоставляемыми Соглашением об избежании двойного налогообложения*, хотя ни *use*, ни *apply*, ни других прямых аналогов глагола *воспользоваться* в английском тексте нет, но ведь мы переводим не слова, а смысл.

Немного разобравшись с тем, что вкладывают в понятие «льгота» специалисты в области налогообложения и бухучёта, взглянем на прилагательные, образованные от этого слова и имеющие хождение в финансово-бухгалтерском языке. Это будет некоторым отступлением от темы, но мы рассмотрим их в налоговом контексте, так что общую «сюжетную линию» это не нарушит.

С переводом прилагательного *льготный* особых проблем не возникает:

льготное налогообложение – *preferential* или *privileged taxation*

льготные условия – *preferential terms*

льготный тариф – *preferential* или просто *reduced tariff*

льготный проезд – *subsidised travel*

А вот прилагательное *льготуемый* может заставить переводчика помучиться, поскольку найти его в словарях, даже специализированных, весьма проблематично, а на поверхности лежит лишь одно значение этого слова, вытекающее из его формы – имеющий право на льготу, пользующийся льготой. Это значение является не единственным. К тому же на практике в этом значении прилагательное *льготуемый* употребляется гораздо реже, чем в других, «скрытых» значениях. Сравним:

Самое очевидное значение: *льготуемые категории граждан*

Менее очевидные значения:

льготуемое имущество

льготуемая прибыль

льготуемые расходы

льготуемый убыток

В подтверждение употребительности этого прилагательного приведём фразу, взятую непосредственно из российского законодательства:

Размер *льготуемых* расходов на НИОКР составляет 0,5% доходов (валовой выручки) налогоплательщика.

(*НИОКР*, кстати, расшифровывается как научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки, однако, это тот счастливый случай, когда у русской аббревиатуры есть прямой английский аналог – *R&D*, что означает *research and development*, но в переводе можно не расшифровывать, поскольку специалистам будет понятно).

Поиски в различных источниках и расспросы коллег – бухгалтеров и юристов, специализирующихся на налоговом праве, дали следующие результаты:

Льготуемое имущество – это имущество, которое не облагается налогом в течение определенного времени и при определенных условиях. Исходя из этого, *tax-exempt property* представляется самым корректным вариантом перевода.

Льготуемая прибыль – это та часть прибыли, которая освобождается от налогообложения, опять же при определенных условиях. К таким условиям относится использо-

Анализ практики

вание этой части прибыли на покрытие убытка, а убыток, позволяющий уменьшить общую сумму подлежащего уплате налога на прибыль, называется льготным. Для того чтобы прояснить этот вопрос для себя окончательно, обратимся к комментариям юристов к закону о налогообложении прибыли:

В Законе Российской Федерации от 27.12.1991 №2116-1 «О налоге на прибыль предприятий и организаций» предусматривается налоговая льгота на покрытие убытков прошлых лет. Как указано в пункте 5 статьи 6, «для предприятий и организаций, получивших в предыдущем году убыток..., освобождается от уплаты налога часть прибыли, направленная на его покрытие, в течение последующих пяти лет». В абзаце 2 пункта 5 указанной статьи разъясняет порядок подсчета суммы убытка, подлежащего вычету.

Пусть не в самом законе, а в комментариях к нему, но нужная нам с точки зрения перевода мысль всё-таки прозвучала! Получается, что *льготная прибыль* — это *tax-exempt profit*, а *льготный убыток* — *deductible loss*. Значение прилагательного *льготный* в данном случае — это не имеющий право на льготу, а, как ни странно, дающий это право, обеспечивающий возможность использования льготы. Тот же смысл будет и у словосочетания *льготные расходы* — расходы, которые уменьшают налоговые платежи, т.е. те, которые вычитаются из налогооблагаемой базы.

Таким образом, у прилагательного *льготный*, помимо того значения, в котором оно является синонимом прилагательного *льготный*, есть ещё как минимум два финансово-бухгалтерских значения: 1) *tax-exempt* (в отношении имущества и прибыли) и 2) *deductible* (в отношении расходов и убытков).

Если в ряду однокоренных слов к существительному *льгота* и есть слово, которое может доставить переводчику больше хлопот, чем прилагательное *льготный*, то это глагол *льготировать*, весьма употребляемый среди бухгалтеров и финансистов. Вот *льготировать проезд* — с этим всё ясно, но вопрос, как перевести предложение: *Не погашенную в течение последующих пяти лет часть убытка налогоплательщик льготировать не может.*

Здесь вполне можно опереться на результаты того мини-исследования, которое мы

провели, выясняя для себя значение прилагательного *льготный* в сочетании с существительным *убыток*. Эти результаты позволяют понять смысл вышеприведённого предложения, а понимая смысл и тщательно отобрав терминологию, воспроизвести это предложение на английском уже не составит особого труда. При переводе, правда, потребуется перестройка всей синтаксической конструкции, но эти преобразования — уже мелочи по сравнению с решением смыслового ребуса:

The losses that remain outstanding over the next five years cease to be deductible for the taxpayer (вариант: become non-deductible)

Сказав чуть выше про коварность предлога *при*, мы несколько не преувеличили. Чтобы это утверждение не звучало голословно, приведём несколько примеров. По правилам русского языка словосочетание *облагать налогом* употребляется с беспредложным дополнением: *облагать налогом прибыль, имущество, операции с ценными бумагами* и т.д. Логично было бы предположить, что и существительное *налогообложение* должно употребляться с беспредложным дополнением. На практике же это слово чрезвычайно часто употребляется с предлогом *при*. При чём только не бывает налогообложения! При заключении сделок с землёй, при безвозмездной передаче основных средств, при добыче полезных ископаемых и недропользовании, при реализации товаров на территории РФ, при проведении лотерей, при инвестировании средств в строительство, и все другие *при, при, при*. Проблема здесь заключается в том, что подобное построение фразы не всегда позволяет понять, что именно облагается налогом, а значит и дать правильный перевод, поскольку в английском всё гораздо конкретнее. *Taxation of ...* предполагает чёткое представление об объекте налогообложения, и аналога русского *при*, такого же абстрактно-обтекаемого, там просто нет.

Если говорится о *налогообложении при покупке недвижимости*, то понятно, что речь идёт о взимании налога с операции купли-продажи и *taxation of real estate acquisition* в качестве перевода подойдёт.

Если Правительством РФ был утверждён *Перечень кодов видов продовольственных товаров, облагаемых налогом на добавленную стоимость по ставке 10% при реализации на территории РФ*, то, имея некоторое знакомство с предметом, догадываешься, что облагается по сути дела реализация (т.е. продажа) товаров. Перевести это предложение можно так:

The Russian Government has approved the list of codes for food products the sale of which is subject to VAT at a rate of 10% in Russia.

Я бы назвала это традиционным вариантом перевода. Чтобы перевод звучал более идиоматично и современно, можно предложить несколько иные варианты:

... the sale of which attracts a VAT rate of 10% или ... the sale of which attracts VAT at a rate of 10%.

Для полноты картины можно привести и такой новомодный вариант, как

... the sale of which is VATable at a rate of 10%.

Годится он, правда, только для письменного перевода, где может выручить тогда, когда все другие варианты уже исчерпаны, до конца текста ещё далеко и хочется хоть как-то «расцветить» монотонность налогового повествования.

А вот если встретится *налогообложение* при выполнении соглашения о разделе продукции (СРП), как быть в этом случае? Являться объектом налогообложения сам процесс выполнения соглашения, строго говоря, не может. По-английски, в принципе, допустимо сказать *taxation of agreements*. На мой взгляд, не будет ошибки, если так и перевести: *taxation of production sharing agreements (PSA)*. Однако, на тот случай, когда возникают сомнения в правильности собственной логики или когда объект налогообложения не совсем понятен (возьмем *налогообложение при инвестировании средств в реконструкцию недвижимости*), есть весьма удобный, очень простой и практически универсальный выход. Говорю так, потому что этот вариант всегда выручал меня в тех случаях, когда налоговые обязательства лексически несколько завуалированы. Вместо *taxation* можно воспользоваться словосочетанием *tax treatment*,

что переводные словари не всегда предлагают, и даже Multitran этот вариант не дает. Между тем именно этот вариант позволяет не только избежать искажения смысла, но даже сохраняет определённую «размытость», которая есть в русском.

Этого же эффекта можно добиться, воспользовавшись словосочетанием *tax implications*. Если говорить строго, то *tax implications* — это налоговые последствия, точнее, потенциальные налоговые последствия (если налоговые последствия уже наступили, это, скорее, *tax consequences*). И всё же когда речь идёт, например, о консультациях по вопросам налогообложения при инвестировании средств в пассивные инвестиционные фонды, можно позволить себе некоторую творческую свободу и перевести это как *advice on the tax implications of investments in unit investment trusts*.

Словосочетание *tax implications* вообще очень активно используется в современном языке, и когда клиент спрашивает: “What are the tax implications of this deal?”, его интересует именно налогообложение заключаемой им сделки, т.е. какие налоги и в какой бюджет ему придётся заплатить.

Возвращаясь к словосочетанию *tax treatment*, заметим, что оно может пригодиться и в тех случаях, когда сомнений по поводу объекта налогообложения не возникает, но *taxation* не подходит по иным причинам. Например, упоминается конкретный налог. *Taxation with profit tax* (может быть любой другой налог) будет тавтологией, *imposition/levying/charging of tax* будет, в принципе, правильно, но тяжеловато. А *tax treatment* позволит избежать ненужных повторов, немного облегчит фразу и добавит ей идиоматичности.

Возьмём такой пример:

Вопросы уплаты ЕСН при расчётах с иностранными работниками представительств в России

Здесь речь идёт о едином социальном налоге, взимаемом с выплат в пользу иностранных работников представительств зарубежных компаний. Существительное *payment* во множественном числе пригодится для перевода расчётов, поскольку *settlements* здесь

Анализ практики

не очень вписывается, а для перевода *вопроса уплаты налога tax treatment*, на мой взгляд, подходит как нельзя лучше. Во-первых, потому что передаёт смысл. Во-вторых, потому что позволяет фразе сохранить компактность. В-третьих, потому что избавляет от необходимости выбирать между *issues, matters* и *questions*. И, в-четвёртых, просто потому, что звучит очень по-английски. Таким образом, перевести это предложение можно так:

Unified social tax treatment of payments to expatriates employed by foreign representations in Russia.

В чём же коварство предлога *при*, если существует такая панацея от трудностей с переводом? А в том, что очень часто *при* выступает частью такой предложной конструкции, как «при этом». С её помощью одно предложение может присоединяться к другому, а иногда с ней может начинаться совершенно самостоятельное предложение, которое по смыслу очень тесно связано с предыдущим. Ни в том, ни в другом случае не подходят ни *hereby*, ни *herewith*, ни архаичное *hereat*, которые можно встретить в переводных текстах. Однозначного английского аналога здесь не существует, поскольку русское «при этом» имеет как минимум два значения. Этот оборот может подразумевать противопоставление, тогда подойдёт *however, at the same time, whereas* или даже просто *while*.

Предметом Договора является оказание компанией "ABC" услуг по предоставлению налогоплательщику персонала. При этом между налогоплательщиком и предоставленным персоналом трудовые отношения не возникли.

The Agreement covers provision of personnel secondment services by ABC to the taxpayer. The seconded personnel did not, however, become employees of the taxpayer.

Или вот такой пример:

Налоговый орган указывает на несоответствие порядка оформления представленных документов российскому законодательству, при этом чётких требований в отношении оформления подобных документов российским законодательством не установлено.

The tax authority points to non-compliance by the submitted documents with the Russian legislation, whereas said legislation does not, in fact, expressly prescribe how such documents should be executed.

«При этом» может использоваться с усилительной целью, и тогда к месту будут *moreover, in addition* или *besides*.

Вероятность изменения принятого решения в пользу налогоплательщика слишком мала, при этом существует риск назначения дополнительной налоговой проверки и увеличения налоговых доначислений.

The likelihood of the decision being amended in favour of the taxpayer is too low. Moreover, there is a risk of an additional tax audit being scheduled and taxes being reassessed further upwards.

Во многих случаях очень выручает так называемая абсолютная конструкция:

Право выбора дисциплинарного взыскания предоставлено работодателю, при этом законодательством не установлено каких-либо ограничений по количеству и периодичности дисциплинарных взысканий.

It falls within the discretion of the employer to choose a disciplinary sanction, there being no legal restrictions on the number or frequency of such sanctions.

Ещё один пример тоже с абсолютной конструкцией:

Вознаграждение агента исчисляется в процентах от суммы заключённых сделок, при этом максимальной размер агентского вознаграждения согласован сторонами в Приложении № 1 к настоящему Договору.

The agency fee shall be calculated as a percentage of the value of the deals made, the upper limit of the fee being specified in Appendix No. 1 to this Agreement.

В качестве варианта перевода абсолютной конструкции можно предложить и такой, чуть более модный:

..., the agency fee being capped as shown in Appendix No. 1 hereto.

(Модным его делает весьма популярное в последнее время словечко *cap*, используемое в значении ограничения максимальной суммы, установления верхнего предела: *to set a budget cap, to revise budget caps, to cap the budget, budget cap policy* и т.д.)

Бывают ситуации, когда контекстуальный перевод этой связующей конструкции напрашивается буквально сам собой:

Шансы на успешное разрешение этого дела в суде весьма высоки. При этом мы приложим все усилия к тому, чтобы не произошло затягивания судебного процесса.

The chances of this case being successfully litigated are quite high. For our part, we will make every effort to ensure that the court proceedings do not drag out.

Как же с ними сладить, с этими языковыми «мелочами»? Они могут досажать своей непонятностью, удивлять своей нсуместностью, раздражать своей повторяемостью, но без них не обойтись. Самое главное, как мне кажется, не стоит впадать в крайности. С одной стороны, не нужно отчаиваться, когда чего-то нет в словаре. Словари всегда будут хоть чуть-чуть, но отставать от жизни. Нужно искать в других источниках, и путей для поиска не так уж мало. С другой стороны, на словарных дефинициях и конструкциях

не стоит замыкаться. Язык — организм живой, подвижный, и слова в нём, особенно сегодня, живут очень активной жизнью: «примеряют» на себя новые значения, обрастают дополнительными смысловыми оттенками, вступают между собой в необычные, на первый взгляд, взаимоотношения. Даже служебные слова, к которым относятся и предлоги, в реальной жизни иногда «ведут себя» настолько непредсказуемо, что переводчика зачастую выручает не столько словарь, каким бы современным и полным он ни был, сколько пастернаковское стремление «во всём... дойти до самой сути», собственное языковое чутьё и творческий подход к делу.

Справедливее всего обложить налогом пороки и безрассудства, причём сумма обложения в каждом отдельном случае должна определяться самым справедливым жюри, составленным из соседей облагаемого... Женщины... должны быть обложены, соответственно их красоте и уменью одеваться, причём им, как и мужчинам, следует предоставить право самим расценивать себя. Но женское постоянство, целомудрие, здравый смысл и добрый нрав не должны быть облагаемы, так как доходы от этих статей едва ли покроют издержки по взиманию налога.

Дж. Свифт (1667–1745).
“Путешествие Лемюэля Гулливера”

Дайте женщинам право голоса, и через 5 лет холостяки будут облагаться кабальным налогом.

Дж. Б. Шоу (1856–1950)

От редакции: В предыдущих номерах «Мостов» были опубликованы статьи В.К. Ланчикова и Д.М. Бузиджи, посвящённые болезненной теме засорения русского языка, в частности, в результате бездумного и безответственного заимствования иноязычных слов. Теме заимствования иноязычных терминов в технической литературе было посвящено и очередное заседание нашего Клуба переводчиков. Ниже приводятся переработанные в виде статей доклады, прочитанные на этом семинаре.

Роль переводчика в построении эквивалентов для заимствуемых иноязычных терминов

Б.Н. Климзо

В рамках общеупотребительного языка вопрос иноязычных заимствований подробно рассмотрен в статье В.К. Ланчикова, опубликованной в седьмом и восьмом номерах журнала «Мосты». Я до прочтения этой статьи как-то не обращал внимания на все эти «бренды» и «гламуры» и относился к ним, как к молодёжному сленгу с его «гипа», «прикольню» и «блин». А прочёл статью и стал вдруг замечать масштабы этого национально-го бедствия. Открываешь серьёзную газету «Известия» и читаешь: «В Ираке убит бодигард футболиста Дэвида Бэхэма». Заходишь на канал Культура посмотреть программу «Культурная Революция», и слышишь из уст известного режиссёра, что он когда-то работал в «аргхаусе», а затем занялся «мейнстримом». Такой «вклад» журналистов и деятелей культуры в засорение русского языка по меньшей мере удивляет.

Заимствование иноязычных слов происходит и в научно-технической литературе (НТЛ), поэтому имеет смысл посмотреть, каковы особенности этого процесса и, главное, как решаются проблемы перевода заимствуемых терминов (на примере английского языка).

К счастью, процесс заимствования в НТЛ слов, а точнее — терминов, довольно существ-

венно отличается от обвала заимствований, характерных для газет, развлекательных журналов, теле- и радиопередач и кинопроката. Во-первых, в НТЛ модные или никчемные заимствования малочисленны. Чаше всего заимствуются *полезные* термины, неизбежно и естественно появляющиеся в связи с техническим прогрессом.

Во-вторых, в технической литературе сегодняшние источники заимствований тоже малочисленны. Это в основном литература по информационным технологиям (в частности по компьютерам), и в меньшей степени — по экономике, финансам и легковым автомобилям, а также реклама промышленной продукции.

В-третьих, если в общелитературном языке вклад переводчиков в заимствования наименьший, так как они, в отличие от журналистов и пиарщиков, бережно относятся к выбору слов, то в технической речи роль переводчиков огромна, ибо они первыми сталкиваются с новыми понятиями, появляющимися в НТЛ. И в этом смысле технические переводчики в первую очередь несут ответственность за то, в какой форме заимствуется новый термин.

Наконец, если защитить русский язык от потока бездумных и вредных заимствований

в общеупотребительный язык очень непросто, то для защиты технического языка от подобных заимствований можно предложить конкретное и действенное средство.

Профессиональные технические переводчики, как правило, не являются терминоведцами, но на практике все они без исключения занимаются составлением различных словарей и построением эквивалентов для иноязычных технических неологизмов. Именно с точки зрения практики полезно рассмотреть требования, которыми, по-видимому, следует руководствоваться при построении таких эквивалентов.

Но сначала несколько слов о месте термина в языке. Термины — близкие родственники реалий. На этом подробно останавливаются болгарские переводчики и лингвисты Влахов и Флорин. Они говорят, если реалия «принадлежит народу, в языке которого она родилась», то термин интернационален — «независимо от своего происхождения он — достояние всего человечества»¹. Если реалия возникает «путём естественного словотворчества», то термин нередко строится искусственно, в частности с использованием латинских и греческих слов. Если реалия относится к так называемой безэквивалентной лексике, то для любого термина всегда можно построить полноценный эквивалент. (Другое дело, не всегда это переводчику удастся.) Если смысл реалии понятен любому носителю языка, в котором она родилась, то термин понятен только части народа, т.е. узким специалистам. Однако сейчас жизнь внесла в это обстоятельство существенную поправку, о которой мы, переводчики, должны знать. Благодаря интенсивному развитию средств массовой информации, язык науки

сближается с общенародным. И наряду с «широким проникновением терминов в народную жизнь» наблюдается активное вмешательство народа в терминостроительство. Вот этот-то процесс специалисты и переводчики обязаны контролировать и регулировать доступными им средствами.

Как известно, законы построения терминов изучает наука терминология. Известно также, что у слова (термина) «терминология» имеется второе значение — это *система терминов конкретной науки или отрасли производства*. Нам, переводчиков-практиков, интересуют терминология как раз в этом втором значении. Воспользуемся одним из определенных термина: *Термин — это слово или словосочетание специальной сферы употребления, являющееся наименованием научного или производственно-технологического понятия и имеющее дефиницию*. Отсюда ещё один практический вывод: у любого термина имеется дефиниция, и переводчику нужно уметь её находить. Дефиниции переводчики находят в поисковой системе Google, а построенные русские эквиваленты проверяют на жизнеспособность, обращаясь, например, в Yandex.

В идеале термины не должны быть многозначными и не должны иметь синонимов, а их значение должно быть понятным без контекста. Однако на практике эти идеальные требования выполняются не всегда.

Многозначность. На практике термины многозначны. Многозначность можно встретить даже в одной конкретной терминологии (смазка — процесс и вещество; твёрдость — свойство и параметр; давление — процесс и величина). Это так называемая «категориальная многозначность» — один и тот же признак присутствует в понятиях, принадлежащих к разным категориям. Ещё чаще в одной терминологии можно встретить многозначный термин, принадлежащий одной категории понятий, например, категории «элемент устройства». Так, в электротехнической терминологии встречаем *сар: 1. колпачок; 2. цоколь*. А использование одного и того же термина (знака) с разным значением в разных терминологиях — вообще обычное явление. Чтобы убедиться в этом, достаточно раскрыть политехнический словарь.

¹ **Примечание.** С этим утверждением не совсем согласен М.Я. Цвиллинг, справедливо заметивший, что в нетехнических областях знаний некоторые понятия имеют одновременно признаки как термина, так и реалии. В самом деле, например, юридический термин *due diligence*, имеющий хождение только в США и никак не отражённый законодательствами других стран, вполне может быть отнесён к американским реалиям. Аналогично к «терминам-реалиям» можно, по-видимому, отнести и технические термины, которые используются только в пределах какой-либо одной корпорации (см. об этом ниже). «Термины-реалии» наиболее трудно переводить, но, к счастью, они встречаются редко.

Проблемы технического перевода

Синонимия. Она в чистом виде в терминологиях не встречается, так как синоним, как известно, носит стилистическую окраску, что для терминов просто не требуется. Поэтому, строго говоря, в терминологиях мы встречаемся не с синонимами терминов, а с так называемыми **дублетами**, которые, как и синонимы, имеют совершенно одинаковый объём понятия. Например, *офтальмолог* и *окулист* — мы видим полное совпадение объёма понятия и отсутствие какой-либо стилистической окраски.

При упорядочении терминологии теоретики рекомендуют устранять многозначность, например, с помощью суффиксов: для процесса использовать суффикс **-ние** /смазывание/, а для результата или инструмента — суффикс **-ка** /смазка/. А вот дублеты рекомендуется удалять безоговорочно. С этим можно согласиться — наличие дублетов в конкретной терминологии свидетельствует о незаконченности отбора знака, о неупорядоченности терминологической системы.

Контекст. Как уже упоминалось, теоретики считают, что для перевода термина в конкретной терминологии контекст не нужен. Это положение теории тоже опровергается практикой. Возьмём машиностроительную терминологию. В одном и том же документе, например в спецификации деталей, можно встретить термин *rip*, который в зависимости от контекста переводится как *штифт*, *палец* или *ось*. *Bolt* и *screw* в зависимости от наличия или отсутствия гайки переводятся как *болт* или как *винт*.

Кстати, занимаясь упорядочиванием терминов, нужно иметь в виду существующую иногда неупорядоченность самого знания, вызывающую неупорядоченность соответствующей терминологии (неточность понятий, нечёткое их разграничение, наличие устаревших понятий, отсутствие классификаций и дефиниций). В таких случаях тоже помогает контекст.

А теперь — самое главное. Появление за рубежом новых терминов, конечно, неизбежно, но следует всё же выделить две основные группы таких терминов, отношение к которым у переводчиков должно быть разным:

1. Случайные, краткоживущие или имеющие хождение в какой-либо одной корпорации термины;

2. Термины, уже получившие за рубежом признание и распространение.

Нас, конечно, интересует только вторая группа технических неологизмов. Термины первой группы встречаются обычно в документах, носящих рекламный или тендерный характер. Существует, правда, ещё одна группа новых терминов, не требующих перевода, — это **обновлённые термины**, которые предлагаются в родном языке взамен устаревших, даже если последние когда-то были гостированы. Примером гостированного термина, явно нуждающегося в обновлении, может служить *«взрывозащищённое оборудование»*, который следует заменить на *«взрывобезопасное оборудование»*.

Переводя новый термин, переводчик старается воспользоваться ресурсами родного языка (*handrailing* — *поручни*) либо (чаще всего) применяет калькирование с использованием русских слов (*flare tip* — *факельный наконечник*). Однако совсем не обязательно во что бы то ни стало стремиться к переводу иноязычного термина русскими словами. Иначе можно уподобиться украинским терминостроителям, которые в погоне за «независимостью» заменяют международные русифицированные термины. В физической терминологии они предлагают вместо магнита употреблять *тягунець* (от *притягивать*), вместо фильтра — *цідило* (от *цедить*), а вместо атома — *неділка* (потому как атом не делится). В медицинской терминологии можно встретить ещё более удивительные вещи, а именно: взамен гайморита предлагается *целенонадрозаня* (т.е. внутричелюстное воспаление); взамен гастроэнтеролога — *шлункокишківник* (т.е. желудочно-кишечновед), а взамен гинеколога — *піввооглядач*.

В России в области терминотворчества тоже наметились некоторые противоречия между «славянофилами» и «западниками», особенно в финансовой сфере. Состоялся даже *Круглый стол* в Госдуме с участием лингвистов, переводчиков, журналистов и финансистов. Какова будет практическая польза от этой встречи, пока предсказать трудно. Ясно

лишь, что выделения каких-либо бюджетных средств на упорядочение терминологии пока не ожидается.

Итак, когда найти хороший русский эквивалент термина не удаётся, вполне допустимо воспользоваться калькированием, а также такими распространёнными способами, как транслитерация, генерализация, конкретизация, и только в самом безвыходном случае, да и то на время, можно пойти на описательный перевод, или толкование.

Перейдём теперь к конкретным примерам и начнём с **займствований вредных**. (Подробнее о вредных заимствованиях в области информационных технологий см. в статье Е.К. Масловского в этом же номере «Мостов».) Я здесь кратко коснусь нескольких терминов, используемых в рекламе промышленных предприятий.

Русскими словарями пока не зафиксировано слово «воблер», напоминающее воблу. Английские словари дают пять определений слова wobbler, одно из которых действительно имеет отношение ко всем рыбам, не только к вобле — это блесна, которая wobbles, то есть «трепыхается». Однако наши коммерсанты позаимствовали на Западе ещё одно значение, которое не зафиксировано даже английскими словарями.

Вот пример рекламы:

«Изготавливаем POS материалы, в том числе вобблеры, холдеры и лайтбоксы».

«POS», это пора привыкнуть — *Point of Sale*, то есть торговая точка, или «место продаж». Из Интернета становится ясно, что (цитирую): *«слово “Вобблер” (от англ. “дрожать”) обозначает изделие из раздела материалов для рекламы в местах продаж, представляющее собой полноцветную бумажную фигурку с ламинацией на пластиковой ножке, которое приклеивается к витрине или единице товара непосредственно. Рекламный эффект достигается за счёт естественного колебания изделия на ножке и привлечения этим взгляда покупателя».* Посмотрим, так ли уж необходимы в русском языке новые термины *вобблер, холдер и лайтбокс*. Некое предприятие предлагает для выбора POS материалов следующую табличку:

Ценники	Магнитные держатели Подставки под товар
Вобблеры	Подставки под телефон Подставки под ценники
Холдеры	Доска информационная Держатель меню
Лайтбоксы	Ценодержатель Информационный держатель

Нетрудно убедиться в полной несостоятельности представленной классификации. Во-первых, если вобблер — подставка под телефон, то почему вобблером нельзя назвать «подставку под товар», ведь телефон тоже товар? Во-вторых, если держатели — это холдеры, то почему они не включают в себя «магнитные держатели», которые включены почему-то в ценники? В-третьих, если (опять цитирую) *«Лайтбоксы (light-box) — пластиковые короба с рекламным изображением, имеющие подсветку люминисцентной лампой изнутри короба»*, то почему ценодержатели попали в лайтбоксы, а не в холдеры или ценники? И вообще: поскольку чаще всего «вобблеры» выполняются в виде этикетки на длинной ножке и ничем не напоминают подставку — почему эти дрожащие этикетки отсутствуют среди вобблеров?

Какой можно сделать вывод? В рекламе товаров русский язык засоряют рекламодатели, которые совсем не заботятся о какой-либо логике и однозначности используемых ими заимствований и преследуют единственную цель — любой ценой привлечь «взгляд покупателя». Вывод: встретив в промышленной рекламе вобблеры, холдеры и лайтбоксы, их без потерь для понимания следует заменять подставками, держателями, этикетками и коробами, присовокупив при необходимости соответствующее определение вроде «дрожащая», «на ножке», «магнитный» или «световой».

А теперь о полезных заимствуемых терминах. Я не буду говорить о всех последних заимствованиях — им несть числа. Я просто кратко рассмотрю, какие проблемы возникают и как они решаются профессионалами при встрече с однословными, двухсловными и многокомпонентными терминами.

При построении эквивалента любого термина нужно соблюдать три условия: эквивалент должен быть лаконичен как оригинал, совпадать по объёму понятия или главному признаку оригинала и ни в коем случае не совпадать с уже имеющимся в русском языке термином по форме.

При построении эквивалента способом *калькирования* копируется смысл и грамматическая форма. Примеры: *подстанция* – от английского *substation*; *стабилизатор пламени* от английского *flame-holder*; *установка гравийного фильтра* – от английского *gravel placement*.

Как уже говорилось, не менее распространён способ построения эквивалента термина *транслитерацией*. Под транслитерацией мы будем иметь в виду и транслитерацию и транскрипцию, так как иногда просто невозможно определить, с чем мы имеем дело – с передачей букв или звуков. Такая оговорка необходима, ибо некоторые, далёкие от переводов, специалисты считают, что наиболее общий способ перевода заимствованных терминов это – «русская транскрипция», а вот менее хороший способ – «это транслитерация, или прямой перевод». Подобная мешанина присутствует иногда в головах и далёких от перевода лингвистов, от которых можно услышать весьма превратное суждение о транскрипции, как о синониме заимствования.

При транслитерации особенно везёт английским терминам с суффиксом *-ing*. Посмотрим на строительный термин *siding*. Он сейчас в ходу не только у строителей коттеджей, но и у жителей дачных и садовых посёлков, которым на строительных рынках предлагают металлический сайдинг, виниловый сайдинг и цокольный сайдинг. Англо-русский строительный словарь даёт три значения этого термина: 1. чистовая обшивка; облицовка (*досками или листовым материалом*); 2. внешняя облицовка зданий, *siding*; 3. запасной путь; ветка; туннель (*железнодороги*). В русско-английских и русских политехнических словарях термин *сайдинг* отсутствует. Термин облицовка даётся как *facings* (*наружная*) и *lining* (*внутренняя*); термин обшивка переводится как *casing* (*материал, оболочка*), *lining* (*процесс, изнутри*) и *sheathing* (*процесс, снаружи*).

Мы видим, что для новой технологии (материала) в английском языке использовались уже имевшийся, а потому ставший ещё более многозначным термин, и это плохо. Но в русском языке за транслитерированным (и пока не попавшим в словари) термином *сайдинг* закрепилось только одно понятие – защитно-декоративный материал для обшивки зданий, и это хорошо.

Другой термин принадлежит медицинской терминологии – это *screening*. Он давно (уже в восьмидесятых годах) зафиксирован англо-русским медицинским словарём, причём в словаре приводится четыре значения этого термина: 1. рентгеноскопия; 2. *скрининг* (*массовое обследование населения для выявления больных с конкретным заболеванием*); 3. отбор, проверка; 4. экранирование, защита.

Что мы видим: в одной терминологии используется многозначный термин (что, как мы знаем, теорией не поощряется). Далее, *screening* является дублетом термина *roentgenoscopy*, что также нарушает требования терминопостроения ещё на английском уровне. Более того: в английском техническом языке термин *screening* встречается ещё в 10 случаях в терминологиях рудной геологии, экологии, кино, полиграфии, сельского хозяйства. Несмотря на все эти недостатки англоязычного термина *screening*, русский термин *скрининг* укоренился в русской медицинской литературе, так как он намного короче своего толкования. При этом, что очень важно, русско-английский медицинский словарь даёт для статьи *скрининг* только один эквивалент – *screening*, и не даёт *roentgenoscopy*; а для статьи *отбор* даёт *selection, sampling*. Таким образом, в русском языке опять-таки устраняется присутствующая в английском многозначность.

Вывод: транслитерация – мощное средство перевода однословных технических неологизмов. Но пользуясь этим средством, нужно следить, чтобы транслитерируемый термин не был многозначным в русском языке. В этой связи не выдерживает критики новомодный частично калькированный, частично транслитерированный термин *локализация*.

В английском языке слово *localization* долгое время имело только два значения:

1. **ограничение пределами** конкретной площади или конкретного места (limitation of assignment to a specific area or locality); 2. **определение источника** происхождения чего-либо (determination of the place of origin of). Эти два значения прочно укоренились даже в языке политиков. Например, касаясь наболевшей проблемы казино, мэр крупного сибирского города говорит, что «*локализация игорного бизнеса в России необходима, но точек локализации должно быть больше четырёх*».

В 1986 году Англо-русский словарь по связи даёт два дополнительных значения: 1. **локализация** (причём непонятно, что имеется в виду под этим термином) и 2. **определение местонахождения**; кроме того, приводится составной термин *localization of faults* – *обнаружение мест повреждений*. Но вот в конце прошлого века с развитием Интернета и появлением множества веб-страниц в английском языке появилось третье значение слова localization, которое получило следующее толкование: “*Localization L10N². Beyond simple translation, localization means that the web page has been adapted to the culture and practices of a specific locale*”. Очень быстро этот термин распространился на адаптацию любых программных продуктов, а в Рунете появилось соответствующее определение «*Локализация – это многоцелевой процесс адаптации программного обеспечения к требованиям и условиям отдельных региональных рынков*». Казалось бы всё ясно – новое значение английского термина localization – это **адаптация** – термин, хотя и заимствованный, но привычный и давно используемый в самых разных областях, начиная с медицины и кончая изданием учебников, и воспринимаемый однозначно как «приспособление». Тем не менее, составители словарей и переводчики сделали выбор в пользу **локализации**. В результате в русской

² **Примечание.** Любопытно, что, вводя третье значение для localization, носители английского почувствовали необходимость создать для него аббревиатуру L10N и так это объяснили: L10N. Abbreviation for Localisation (British English) and Localization (American English). Because these two spellings for one thing differ just in one character, the idea was to use an expression that works for both. L stands for the first character, 10 for the number of character between the first and last character, and N for the last one.

научно-технической литературе появилось пятое значение английской localization.

Но если бы на этом расширение значений и без того многозначной локализации в русском языке остановилось! Нет – у пожарников появилось значение локализовать = *предотвратить распространение* («*Пожар в издательстве “Пресс” удалось локализовать, но потушить его, по-видимому, удастся только через несколько часов*»). Юристы тоже не отстают, у них локализация означает *расположение* (Сейчас в ходе судебного слушания уголовного дела от прокурора можно услышать: «*Локализация и характер телесных повреждений свидетелем...* и т.д.»). И это ещё не всё – в некоторых переводческих бюро один из частных случаев интралингвистического перевода стали вдруг тоже называть локализацией, имея при этом в виду *перевод, выполняемый с учетом традиций, существующих в стране перевода*. Например, если в исходном тексте написано “*batteries of 1.5 V-DC*”, то рекомендуется в переводе упоминание о постоянном токе опустить, так как батареек переменного тока не бывает.

Таким образом, английское трёхзначное слово localization в русском языке приобрело дополнительные пять значений! Теперь вполне можно представить себе появление по информационным каналам такого, например, сообщения: «*Эпидемия птичьего гриппа в Китае локализована провинцией Иньрек. В результате принятия необходимых мер эта страшная болезнь полностью локализована. Кроме того, Китай заказал в Великобритании специальное диагностическое оборудование и сейчас осуществляется локализация его программного обеспечения*».

Перейдём к двухсловным терминам, среди которых я из чисто практических соображений буду различать *простые, эллиптические* и «*хитрые*» двухкомпонентные термины. Вообще говоря, простой двухсловный термин всегда однозначен, так как содержит конкретизирующее определение многозначного термина. Так, если термин *gauge* многозначен (*измерительный прибор; калибр; эталон; диаметр проволоки; толщина листа; ширина колеи*), то *pressure gauge* – однозначно означает *манометр*. Однако однозначность двухсловного

Проблемы технического перевода

термина не означает, что при встрече с новым простым двухсловным термином его значение легко определимо. Укажу здесь неоднократно упоминавшийся мною термин *fracture toughness*, который долгое время неправильно переводился у нас как *вязкость разрушения*, пока не получил полноценный эквивалент *трещиностойкость*.

Что касается двухсловных эллиптических терминов, то они являются кальками имплицитных английских терминов. Приведу здесь такой известный термин, как *nuclear tests* = *ядерные испытания*, под которыми имеются в виду «испытания ядерного оружия», а не испытания, например, в атомном реакторе. Аналогично под *instantaneous depth* = *текущая глубина* имеется в виду «текущее значение глубины». При встрече с новым эллиптическим термином нужно вначале дать его развёрнутый перевод, указать в скобках эквивалент-кальку, а затем пользоваться этой калькой.

«Хитрые» двухкомпонентные термины — это термины, при переводе которых необходимо менять местами первый и второй компоненты, т.е. при переводе определение становится определяемым, а определяемое — определенным. Несколько примеров из длинного списка:

- maximum theory* — не «максимальная теория», а теоретический максимум
- mixed concrete* — не «смешанный бетон», а бетонная смесь
- structural frame* — не «конструкционная рама», а рамная конструкция
- specimen tubes* — не «трубы образца», а трубные образцы
- original sublease* — не «первоначальная субаренда», а оригинал субаренды.

Теперь, о многокомпонентных терминах. Я уже ссылаясь в своей книге* на английских стилистов, которые объясняют существование таких терминов тем, что они используются только при общении узких специалистов друг с другом. Поэтому при редактировании учебников и научных монографий стилисты вставляют в многокомпонентные термины дефисы и по два-три предлога *of*. Переводить

многокомпонентные термины следует с конца. Приведу типичный пример: *An upstream one D static pressure tap*. Последнее слово *tap* означает отбор; далее идут: *pressure* = давление; *static* = статический; *one D* = один диаметр; *upstream* = находящийся выше по потоку. Отсюда перевод: *Отбор статического давления перед [измерительной диафрагмой] на расстоянии, равном одному диаметру [трубопровода].*

Однако у правила «перевода с конца к началу» имеются два исключения, о которых переводчику нужно помнить. Первое исключение касается подписей под рисунками — иногда перевод их возможен только после тщательного прочтения текста или рассмотрения рисунка. Второе исключение встречается гораздо чаще и формулируется следующим образом: легко сочетаемые определения не всегда относятся к стоящему в конце главному определяемому слову. К таким легко сочетаемым определениям относятся *conventional, every, external, full, general, ideal, large, local, main, minimum, new, normal, separate, simple, single, standard, total, uniform, usual*. Приведу лишь один пример:

A vibration switch will be provided on every fan drive system.

Здесь *drive system* — система привода, или просто привод, а *fan* — вентилятор. Спрашивается, к чему относится определение *every* — к приводу или вентилятору. Переводчик рассуждает: у вентилятора может быть только один привод, а вот вентиляторов в цеху может быть установлено несколько. Поэтому определение *every* относится именно к вентилятору, отсюда перевод:

На приводе каждого вентилятора предусматривается вибрационное реле.

Со временем многокомпонентный термин может постепенно превратиться в двухкомпонентный и даже в однокомпонентный. Примером здесь может послужить получивший скандальную известность финансовый термин *IPO (Initial Public Offering)*. Привычными к рыночной экономике носителями английского языка он воспринимается однозначно, но русский язык требует большей определённости. Сначала бывший министр финансов Борис Фёдоров в своём банков-

* Б. Н. Климов. «Ремесло технического переводчика». — М.: Р.Валент, 2006.

ском энциклопедическом словаре добавил одно слово и предложил эквивалент «*первоначальное публичное предложение акций*». Справедливо опасаясь, что этот термин будет всё-таки непонятен, он сопроводил его толкованием: «*первый выпуск корпорацией своих акций на рынок*». Некоторое время спустя в русском языке утвердился более короткий и потому более удобный вариант «*первичное размещение акций*». Поскольку этот термин относится только к акциям, появилась тенденция к дополнительному сокращению термина. В результате сейчас уже можно встретить вариант «*первичное размещение*» и даже «*размещение*»³). Правда, биржевые менеджеры, брокеры и журналисты по-прежнему не хотят отказываться от употребления загадочного *IPO* на письме и *Ай-Пи-О* в устной речи.

В заключение – о присутствующих в словарях описательных терминах, или толкованиях. По-видимому, их существование в словарях следует признать недопустимым и ненормальным – составитель словаря должен потрудиться и найти краткий русский эквивалент (хотя, конечно, дать толкование в скобках полезно). Жизнь всё равно заставит найти краткий эквивалент термина. Приведу пример: в электротехническом словаре в качестве эквивалента английского термина *stripper* даётся «*устройство для зачистки концов кабелей*». Я решил проверить, какой всё-таки термин в ходу, например, у электриков в автосервисе, и получил в ответ: «А мы просто говорим, “Дай-ка мне вон ту ... фигню”». Многозначная *фигня*, сопровождаемая движением указательного пальца, однозначно заменяет временно отсутствующий в русском языке термин. Интересно, что уже после выхода словаря в русском электротехническом языке всё-таки появился транслитерированный термин *стриппер*. Чтобы в этом убедиться, достаточно зайти в Яндекс. Казалось бы, можно успокоиться – на самом же деле, решив одну задачку, мы породили другую. Русский термин *стриппер* – многозначен. Он уже существует в металлургии (это механизм для деления слитков, давайте назовём его сложным, но одним

словом *слиткоразделитель*); в сельском хозяйстве (то же, что и *колосоуборщик* – и придумывать не надо); в нефтяной промышленности (отпарная секция ректификационной колонны, почему не назвать её кратко *отпарником*?). Кому-то (не переводчику – его голос потонет в хоре произносящих слово «стриппер», а авторитетному терминологическому органу) следовало бы проявить волю и назвать инструмент для зачистки концов, например, *обдиркой* или *раздевателем*. Странно звучит? Но мы же привыкли к *отвёртке*, *стамеске*, *усилителю*, *выпрямителю*? Сказанное не означает, конечно, что нужно стремиться отыскивать только краткие русские эквиваленты, однако нельзя, по-видимому, впадать и в другую крайность, безответственно и необоснованно внедряя в русский технический язык длинные описательные термины.

В заключение просуммируем практические выводы:

1. Заимствование иноязычных технических неологизмов – естественный и неизбежный процесс, и его не нужно бояться.
2. Одними из первых с техническими неологизмами сталкиваются переводчики, поэтому на них лежит ответственность за отыскание полноценных эквивалентов для заимствуемых терминов.
3. Среди заимствований следует различать термины-однодневки и укоренившиеся термины – последние требуют более серьёзного подхода, так как пополняют русский язык.
4. В любом случае предлагаемый эквивалент как лингвистический знак не должен совпадать с терминами, уже имеющимися в терминологиях, и особенно в терминологии одной конкретной области науки или техники.
5. Русский эквивалент иноязычного термина не должен иметь больше значений, чем термин в исходном языке.
6. Основными способами перевода иноязычных терминов являются калькирование и транслитерация, однако транслитерацией нужно пользоваться осмотрительно – в противном случае русский технический язык будет необоснованно засорён английскими словами.
7. Описательные термины недопустимы – очень часто можно и должно найти краткий русский эквивалент.
8. Дефиниции термина можно найти в Интернете, там же переводчику следует проверять на жизнеспособность построенные им эквиваленты.

³ **Примечание.** См., например, статью «Мамут продаст “Ингосстрах”» в журнале «Компания» №13 (409) за 2006 г.

Так дальше жить нельзя.

О бездумных заимствованиях в научно-технических переводах

Е. К. Масловский

Суть проблемы и масштабы бедствия

В прошлом году на интернетовском форуме forum.ixbt.com я наткнулся на интересный разговор между тремя соотечественниками:

ПЕРВЫЙ: Дистрибьютор, Дилер, Реселлер, Вендор, Франчайзи, Прямой партнер — Помогите разобраться в понятиях. Заблудился, кто чем занимается и почему?

ВТОРОЙ: ...Очень странные фамилии в натуре... Даже интересно, чем эта шайка занимается.

ТРЕТИЙ: Дистрибьютор — партнёр, занимающийся распространением твоей продукции. Дилер — то же, но в более широком смысле — не только товары, но и услуги. Реселлер — перепродавец... Вендор — поставщик, у которого ты регулярно что-то закупишь. Также производитель. Франчайзи — твой партнёр, который платит тебе деньги (или процент прибыли) за то, что ты разрешаешь ему работать под твоей торговой маркой. А прямой партнер работает напрямую с вендором, то бишь производителем, хотя закупаться может через дистрибьютора. На пальцах: есть вендор, он делает серверы без винтов и отдельно винты. Есть дистрибьютор, который работает с ИР и закупает у них сервера и винты. Есть дилер (ООО «Системная интеграция Пупкина»), который покупает у RSI сервер, винты и собирает для конечного покупателя требуемую конфигурацию. При этом ввиду больших объёмов закупок серверов ИР дал дилеру статус прямого партнёра и дилер все вопросы по сборке и обслуживанию задаёт не продавцу-дистрибьютеру, а напрямую вендору. Вот, примерно так.

ПЕРВЫЙ: А кто вообще такие системные интеграторы и чем они занимаются? Почему крупный клиент не может сам обратиться к дистрибьютору и купить напрямую без системных интеграторов??? Неужели так будет дороже??? А если вендор — поставщик и также производитель, тогда зачем выдуман термин «вендор», если он объясняется в терминах «поставщик» и/или «производитель»? Дубликация эдакая...

Остаётся только присоединиться к этому вопросу: что же это за «терминология» такая, в которую «не врубаются» даже отнюдь не глупые технари, сами охочие до всяческих «компов», «винтов», «хардов», «флопов», «асек», «емель», «аттачей», «ресайзов» и так любящие «кликать», «сэйвить» и «реплицировать»?

Процесс засорения русского языка бездумными иностранными заимствованиями приобретает все более широкие масштабы, и основными «промоутерами» новояза являются безответственные переводчики, в первую очередь, из сфер «компьютинга», «банкинга», «риэлтерства» и «менеджмента». Приходится с сожалением признать, что сегодня никаких реальных «сдержек и противовесов» этому расширению нет. С распадом СССР молча перестала работать терминологическая комиссия АН, хотя никто не объявлял о её роспуске. Прекратился выпуск терминологических стандартов, хотя в Федеральном Законе «О науке и государственной научно-технической политике», принятом еще в 1996 году, записано, в частности, что к ведению органов государственной власти РФ в этой сфере относится формирование единых систем стандартизации, сертификации, научно-технической информации... и управление ими». Дальше разговоров о противодействии засорению русского языка и необходимости точной терминологии дело не движется, хотя существует даже «Совет по русскому языку при правительстве Российской Федерации». Авторитетные «старые» словари советского периода переиздаются, но сильно отстают от реальной действительности и не могут надлежаще обновляться по причине ухода авторов

из жизни, либо из-за авторской незаинтересованности в каторжном труде по подготовке изменений. Их место постепенно занимают научно-технические словари, издаваемые теперь кем попало лишь на основе накопленных терминологических баз данных, которые полностью игнорируют многозначность терминов и сформированы зачастую по принципу «ваши кулём — потом разберём», без участия компетентных специалистов и редакторов — носителей языка.

Вот, например, результат сотрудничества датского словарного издательства с издательством «Москву интернэшнл паблишерз» — продукт под названием «Англо-русский словарь компьютерных терминов», на глянцевого обложке которого написано, что он содержит «более 12 тысяч терминов с точным переводом», а в предисловии сказано, что он «открывает серию специализированных словарей, не имеющих аналогов с точки зрения насыщенности терминологией, точности формулировок и удобства использования». А вот и «точные формулировки», причём однозначные:

Термин	Перевод в словаре	Правильный перевод
acceptance test	тест на приёмку, тест на приемлемость	<i>приёмочные испытания</i>
accounting system	система счёта	<i>система учёта и отчётности</i>
binary scaling circuit	схема двоичной шкалы	<i>двоичная пересчётная схема</i>
bulk of paper	объём распечатки	<i>кила бумаги</i>
circuit switching	электронное переключение	<i>коммутация цепей; коммутация каналов</i>
clad printed circuit board	дополнительный принтерный блок	<i>плакированная печатная плата</i>
clipboard	буфер вырезанного изображения	1. <i>буфер обмена</i> 2. <i>усечённое изображение</i>

Этот перечень грубейших ошибок можно продолжить практически на каждую букву, несмотря на то, что авторы уверяют нас в «завидном упорстве и новаторском подходе» при создании словаря. В чём состоял этот новаторский подход — непонятно, а вот завидное упорство состояло, видимо, в тиражировании накопленных ошибок. Ведь такие

словари, не утруждающие пользователя выбором подходящего по контексту варианта, очень любят переводчики-универсалы, хорошо владеющие иностранным языком и теорией перевода, но не имеющие необходимого технического образования и плохо знающие или даже совсем не знающие предметную область выполняемых по долгу или по нужде технических переводов. Вот отсюда, прежде всего, и появляются бездумные кальки и транслитерации, чему способствуют низкий уровень требований со стороны перегруженных штатных редакторов переводов и полное отсутствие у малокомпетентных переводчиков самокритичного подхода к продуктам собственного творчества.

Причины и следствия

Конечно, заимствования неизбежны, поскольку в быстро прогрессирующей сфере информационных технологий (ИТ) источником новых терминов являются англоязычная литература и документация, «поставляющая» ежегодно одну-две тысячи «терминологических новинок». Большая часть из них появляет-

ся в развитие уже известных специалистам направленней и требует только вдумчивого отыскания подходящих русскоязычных аналогов, а меньшая часть порождает необходимые заимствования в силу нашего устойчивого серьёзного технологического отставания. Однако только компетентный специалист правомочен принять ответственное решение о целесообразности использования (а тем бо-

лее — включения в словарь) транслитерации или кальки, поскольку «словаризованные» термины быстро входят в употребление, а слово — не воробей, вылетит — не поймашь: обнаруженную ошибку можно будет исправить в лучшем случае через год лишь в новом издании бумажного словаря или в новой версии электронного.

Проблемы технического перевода

Можно назвать несколько причин появления заимствований:

- 1) переводчик не понимает смысла термина,
- 2) переводчик слабо знает предметную область,
- 3) переводчик знает предмет, но ему некогда думать и искать,
- 4) переводчик вводит «свою» короткую транслитерацию, потому что не любит существующий длинный описательный перевод,
- 5) переводчик безропотно следует за навязанным «местным диалектом» заказчика перевода,
- 6) кому-то просто нравится красиво звучащая транслитерация.

Примеров таких ситуаций много, но я для краткости приведу лишь по одному на каждую причину.

1) Всем хорошо известны так называемые ложные друзья переводчика, в качестве которых в любом курсе обучения английскому языку обычно приводятся хрестоматийные интернационализмы. Но у технического переводчика с недостаточным словарным запасом в качестве ложных друзей могут выступать и хорошо известные термины, у которых есть не встречавшиеся в его практике значения. У всех на слуху, например, слова — *site* и *off-site* и сразу тянет перевести их как «сайт» (ведь всё-таки век Интернета нынче) и «офсайт», или «вне игры» (ну, где же футбол не любят?). Но в моей редакторской практике несколько раз встречались случаи незнания переводчиками значений этих английских слов в производственном контексте, где термин *site* по всему тексту обозначал «рабочую площадку» (для строительства), а *off-site* — «территорию за пределами рабочей площадки». И вдруг переводчику, которого учили одинаковое в оригинале переводить одинаково, встретилась фраза: “Store this Operation Manual off-site in a reliable place.” И она стала для него камнем преткновения, потому что в данном случае *site* — это было «рабочее место».

2) Слабое знание предметной области — наиболее частая причина грубейших ошибок технарей, «севших не в свои сани», и переводчиков-гуманитариев, связанных с переводами технической литературы и документации. Именно по этой причине родились в Интер-

нете банковские переводизмы «фронт-офис» и «бэк-офис» вместо давно существующих понятий «отдел по операциям с клиентами» и «операционный отдел» или «Бэкапсайт» взамен «резервного сервера».

3) В третьем случае переводчика поджимают сроки, а поиск соответствующего аналога требует серьёзного анализа целого семейства родственных терминов, вследствие чего делается калька проблемного термина до «лучших времён», сопровождаемая редакторской сноской. Такие ситуации возникали лично у меня, когда я был внештатным переводчиком и титульным редактором изд-ва «Мир». Самый яркий пример — книга 1975 года «Основы современной системотехники», посвящённая технологии создания автоматизированных систем управления (год издания британского оригинала — 1971). При переводе мы старались использовать гостированную терминологию, общепринятую в отечественной технической литературе. Однако применение некоторых русскоязычных терминов, неудачно отражавших смысл своих английских «родственников», было признано нецелесообразным. Прежде всего это относилось к терминам **online** и **offline**, которые в английском языке представляют собой антонимы. В то время как наиболее часто не использовались их русские эквиваленты «оперативный» и «автономный» таковыми не являлись. Перевод **online** как «неавтономный», часто встречавшийся в отечественной литературе в сочетании со словом «режим», был явным притягиванием антонима за уши и нарушал гармонию англоязычной терминологической пары. Для поиска подходящих аналогов требовался анализ родственных терминов **real-time**, **interactive**, **conversational**, **online interactive** и др. в сочетании с терминами **system** и **mode**. Из-за жёстких сроков после консультаций с более широким кругом специалистов мною было принято решение об использовании в книге терминов «онлайнный» и «офлайнный». Для **online** мне впоследствии удалось найти перевод «оперативно доступный», который уже был больше похож на антоним «автономный»; однако благозвучной русской пары нет до сих пор.

4) Конечно, ёмкий однословный или двухсловный термин всегда лучше многословной интерпретации, так как его легко использовать в различных терминологических сочетаниях без потери смыслового содержания, он быстрее находит широкое применение и быстрее попадает в авторитетные словари. Однако при индивидуальном словотворчестве велик риск получить при этом термин, не несущий никакой смысловой нагрузки и «не стыкующийся» с переводами родственных терминов. Поэтому для своевременного предотвращения засорения русского языка здесь нужны совместные усилия технических специалистов, переводчиков и лингвистов. Насколько это непростая задача показывает многосторонняя дискуссия «Создадим термин вместе» на форуме компании АВВУУ «Школа технического перевода», проходившая вокруг поиска подходящего русского эквивалента термина *spatialization* (от *space*). Казалось бы, всё очень просто: «спационализация» или «спатиализация» — и все дела, раз не устраивает «пространственное представление». А как тогда быть с глаголом *spatialize* и существительным *spatializing*, если уж не нравятся «осуществлять пространственную привязку» и «привязывание пространственных атрибутов»? Переводить как «спационализировать» и «спатиализинг»? Это, пожалуй, даже хуже, чем «пространствивировать» и «пространствивация». А ведь есть еще *data spatialization*, *sound spatialization* и даже *spatialized surgery*. С этим-то как? Проанализировав все эти ситуации и множество самых разных специальных текстов, я предложил перевод «стереофикация». Слово осталось за лингвистами, и вот что сказали они:

«Мы полагаем, что редент, по которому изготовлено слово *стереофикация*, вполне лингвистически корректен: исходное греческое значение *stereos* — «телесный, твердый, объёмный, пространственный» + латинский корень *facio* — «делаю». Нам кажется, что такой термин был бы вполне в традиции, представленной такими словами, как «стереонзометрия» или «стереометрия». Нам понравилось».

И было принято решение включить не кальку, а именно этот термин в очередную версию электронного словаря *LingvoScience* с пометой «предложено и обсуждено на форуме «Школа технического перевода»».

5) Пятая ситуация чаще всего возникает в тех случаях, когда заказчик требует выполнения перевода с использованием определённой системы переводческой памяти (*Translation Memory*) или просит придерживаться уже накопленной словарной базы. Зачастую такие базы содержат опечатки и фирменный жаргон, вступающий в противоречие с общепринятой в данной предметной области терминологией. Если переводчик не отказывается работать с грешащей ошибками словарной базой, то продолжают благополучно существовать «симулятор» вместо «моделирующей системы» или «тренажера», «симуляция» взамен «имитационного моделирования», «валидация» вместо «контроля достоверности», «валидатор» вместо «контрольного устройства» и т.п.

б) В ситуации номер шесть ласкающие слух менеджеров новой волны, современных «промоутеров» и «имиджмейкеров» иностранные словечки вроде «кобрендинг», «ре-брендинг» (который так и хочется истолковать как «многократное сбрендивание»), «элвертайзер», «месидж», «мануал» и т.п. появляются из-под пера «лиричников» и технических писателей совместных или иностранных предприятий. На эту же мельницу льют воду молодые и перспективные «двуязычные» менеджеры тех же предприятий; они с радостью забывают родной язык, создавая свой псевдо-профессиональный жаргон, чтобы дистанцироваться от простых смертных вереницей «аутсорсеров», «кейсов», «челинджей», «экспирнентов». Мол, «там» поймут — зачем напрягаться? И новояз их никак не технический, а чисто рекламный и помогающий распознать, кто свой, а кто чужой.

Как с этим бороться

Существуют самые разные позиции переводчиков по поводу иноязычных заимствований в техническом переводе: от «пусть всё идёт как идёт — язык сам отберёт» до призывов прекратить это безобразие, пока не поздно. А есть и такое: «Самая непродуктивная позиция, которую может занять лексикограф — это отрицание того, что вошло в язык, неважно с какого входа, с чёрного или с парадного. Бренд

Проблемы технического перевода

и блокбастер стали фактами русского языка, и с этим приходится считаться. У этих слов есть, помимо “бытового”, и терминологические значения, которыми владеют специалисты по рекламе, кинопрокату и т.п. Они, вероятно, могли бы рассказать, зачем потребовался “бренд” при наличии “торговой марки”.

О катастрофическом засорении русского языка говорится много и давно. За время разговоров проблема обострилась. Смесь английского с нижегородским уже прочно вошла в повседневную жизнь и пытается занять передовые позиции. Но увеличались и возможности противодействия этому явлению: в Интернете есть несколько очень серьёзных переводческих сайтов, озабоченных проблемами снижения качества переводов; есть солидные переводческие журналы «Мосты» и «Мир перевода»; крупные переводческие бюро постепенно начинают ценить качественный переводческий труд: вузы стали понимать, что учить языку и учить переводу — это не одно и то же; в университетах идёт работа над новым стандартом обучения; СПР подготавливает аттестацию технических переводчиков; ВНИИКИ Госстандарта РФ готов (судя по публикациям в Интернете) заниматься терминологическими стандартами; Госдума тоже озаботилась чистотой русского языка; издательства готовы издавать хорошие словари; авторы мечтают о возвращении словарям их бывшей нормативной функции; при Правительстве РФ создан Совет по русскому языку, а филологический факультет Санкт-Петербургского университета совместно с Министерством образования РФ уже учат этот Совет и Думу говорить правильно.

Выходит, что не хватает только инициативы снизу и надлежащего организационного механизма. Между тем практика показывает, что серьёзные переводческие форумы привлекают внимание множества заинтересованных профессионалов — и лингвистов, и лексикографов, и технических специалистов, и сотрудников крупных бюро переводов. Так что действенный механизм обсуждения терминологических проблем существует, и «массы готовы к революционному выступлению». Я попытаюсь показать это на примере недав-

ней дискуссии по новым терминам в сфере ИТ в рамках уже упоминавшегося форума «Школа технического перевода».

Вниманию переводческой общественности мною были предложены новые термины, для которых пока ещё нет русских аналогов ни в отраслевых словарях, ни в глоссариях (и, следовательно, есть угроза их превращения в переводческую «фению»), и высказана просьба принять участие в переводе этих терминов в порядке содействия своевременному обновлению соответствующих словарей. Вот эти термины, с предложенными мною «для заправки» переводизмами:

Область сетевых технологий

device-agnostic	дивайс-агностический
network-agnostic	сетевая-агностический
OS-agnostic	операционно-агностический
platform-agnostic	платформенно-агностический
service-agnostic	сервисно-агностический
service-driven network	сеть, управляемая сервисами
vendor-agnostic	вендорно-агностический

Область АСУ

departmental data mart	март отраслевых данных
dependent data mart	зависимый март данных
financial data mart	финансовый март данных
independent data mart	независимый март данных
production data mart	март производственных данных
shipments data mart	март отгрузочных данных
syndicated data mart	синдикатный март данных

Реакция оппонента-лексикографа последовала незамедлительно:

«Data mart предлагаю переводить как “дата март”, так всё-таки ближе к духу и букве оригинала получается. И опять же у вас консистенции не хватает: **financial data mart** вы переводите как “финансовый март данных”, а **production data mart** — как “март производственных данных”, хотя очевидно, что образуются эти сочетания по одному принципу, поэтому и переводить их правильно по одному шаблону: “март финансовой даты” и “март производственной даты”.

Если это шутка, то вроде бы до 1 апреля далеко ещё. Если же всерьёз, то вспоминается старый анекдот: “И эти люди запрещают мне ковыряться в носу...”».

Не зная процитированного анекдота, я всё же понял, что шутка принята, но мне, как «агенту» СПР, указывают на некомпетентность. Слава богу, тут за меня вступились лингвисты:

«Очевидно, что варианты ЕКМ предложены не всерьёз.

А вот проблема отсутствия в словарях соответствующих терминов – вполне серьёзная.

И усугубляется тенденцией к расползанию IT-терминов за пределы специальных публикаций (попадая в сферу уже нашего внимания)».

И дальше пошло всестороннее деловое обсуждение, которое все интересующиеся могут найти по адресу www.lingvoda.ru, на форуме «Школа технического перевода», в теме «Новые IT-термины».

Эта и другие дискуссии показывают, что довольно мощным средством противодействия бездумным заимствованиям может быть ещё и саркастическое отношение специалистов к ремесленному терминотворчеству в хорошо знакомой им области на основе детального (желательно опережающего) анализа бытующих и прогнозируемых бездумных заимствований со ссылками на авторитетные источники. Это может делаться, например, в форме широкодоступного «Нерусско-русского словаря бестолковых переводизмов», уже начатого в той же ШТИ. Такой словарь можно было бы параллельно вести и в специальной рубрике журнала «Мосты», и на сайте издательства «Р.Валент». Кстати, словарь этот может содержать не только технические переводизмы, но и «шедевры» из любых других областей.

Вот выдержки из этого словаря:

1. **бренд** *сущ., м.-ж. р., от англ. brand*

Переводизм из области маркетинга, до 2003 г. не прослеживаемый в отраслевых словарях профессиональных московских словарных издательств. Сведений из российских регионов нет. Год рождения переводизма – ок. 2001. Подозреваемый родитель – СМИ или бедное моск. рекл. аг-во, не имевшее средств на содерж. дипломир. штатн. переводчика. Перв. офиц. регистр. – в эл. сл. Lingvo 10 (Universal) в 2004 г. В «Новом большом русско-английском словаре» Ермоловича и Красавиной (–М.: «Русский язык», 2004) не зафиксирован.

рус. фирменная марка; торговая марка

2. **бренддинг, брендирование** *сущ., м.-ж. р., от англ. branding*

См. бренд.

рус. 1. маркировка 2. раскрутка торговой марки

3. **брендить** *гл. несов. вида от to brand*

Ожидается появление в Интернете в 2006 г. Перспектив не имеет из-за двусмысленности глагола совершенного вида.

рус. 1. маркировать 2. раскручивать торговую марку

4. **блокбастер, сущ., м. р., от англ. blockbuster, block-buster**

Красивый переводизм из рекламы кинофильмов, любимый и широко применяемый кинематографистами и журналистами, являющийся опознавательным знаком «своих»; истинное значение им самим непонятно. До 2003 г. в словарях профессиональных московских словарных издательств не прослеживается. Сведений из российских регионов нет. Год рождения переводизма – ок. 2000. Подозреваемый родитель – Союз кинематографистов. Перв. офиц. регистр. – в эл. сл. Lingvo 10 (Universal) в 2004 г. с объяснением смысла и переводом «кассовый хит». В «Новом большом русско-английском словаре» Ермоловича и Красавиной («Русский язык», 2004) зафиксирован без каких-л. пояснений.

рус. 1. кино дорогостоящий кинофильм, отличающийся пышностью постановки (*Англо-русский словарь под ред. Гальперина, 1972*) 2. мощная бомба; убойная штука 3. крупный спекулянт недвижимостью.

5. **блокбастинг** *сущ., м.-ж. р., от англ. blockbusting*

Ожидается появление в 2007 году в качестве «артефакта» среды «риэлтеров» – после внедрения в массовое сознание совместными усилиями кинематографистов и СМИ непонятого даже им самим заморского слова «блокбастер».

рус. инициирование панической распродажи жилья владельцами в результате нагнетания «страстей» недобросовестными агентами по сделкам с недвижимостью.

6. **бенчмаркинг** *сущ., м. р., от англ. benchmarking*

Новое модное слово в управленческих кругах, обозначающее «альтернативный метод стратегического планирования, в котором задания определяются не от достигнутого, а на основе анализа показателей конкурентов». Опознавательный знак «менеджеров» новой волны на этапе перехода от социализма к капитализму. Своей непонятностью этот переводизм вызывает такой же шок, какой породил сам этот переход, однако в русском Интернете этот «термин» присутствует более чем на 1300 сайтах. По состоянию на 2006 год

не зафиксирован ни в каких бумажных словарях, включая экономический, финансовый, по бизнесу, по рекламе и маркетингу, хотя англоязычный термин *bench mark* (репер, база отчета), родившийся в геологии, давно присутствует в самых разных подязыках. В «Новом большом русско-английском словаре» Ермоловича и Красавиной («Русский язык», 2004) переводизм *бенчмаркинг* тоже отсутствует.

рус. установление точки отсчета; сравнительный анализ; сравнение с эталоном.

7. бэк-офис *сущ., м. р., от амер. back office*

Предельно бестолковый переводизм, запущенный в обращение финансистами новой волны и биржевиками на этапе перехода власти от государства к финансовым олигархам. Родился на стыке XX и XXI вв. (год рожд. приблиз. 1997), видимо, в рамках концепции, разработанной американской аудиторской фирмой «Arthur Anderson» на основе западных моделей с учётом потребности молодого российского финансового менеджмента, с удовольствием забывшего русский язык. Широко присутствует в Интернете; освещён во многих публикациях, презентациях и диссертациях. Породил ежегодную конференцию-выставку «Автоматизация бэк-офиса финансовой компании». Сами промоутеры данного новояза путаются в его толкованиях, поясняя, что *бэк-офис* — это «отделы фирмы, собирающие, обрабатывающие и хранящие информацию о сделках», «подразделение, в обязанности которого входит внутренний учёт совершаемых банком операций», «название "бэк-офис" используется как синоним бухгалтерии», «бэк-офис и бухгалтерия для исполнения своих задач должны работать независимо». По мнению создателей «термина», «специфика бэк-офиса заключается в существовании большого фактора неопределённости, связанного с тем, что в зависимости от сложившихся условий отдельные функции, операции могут выполняться, корректироваться или не выполняться». Впервые этот переводизм зафиксирован «документально» в 2002 г. в толковом «Современном экономическом словаре» Б.А. Райтзберга и др. Нависла угроза проникновения данного переводизма в сферу информационных технологий, где это будет «система управления виртуальным сервером, и доступ к бэк-офису, как и к основному содержанию сайта, будет возможен с любого компьютера включённого в глобальную сеть Интернет». По состоянию на 2006 год не зафиксирован ни в каких авторитетных отраслевых бумажных словарях, включая экономический, финансовый, по бизнесу, по рекламе и маркетингу.

рус. отдел обработки документации, операционный отдел.

8. фронт-офис (франт-офис) *сущ., м. р., от амер. front office*

Цитата из официального первоисточника: «Термин, используемый для описания *внешних интерфейсов, средств и правил взаимодействия* автоматизированной банковской системы с пользователями и вычислительными системами в отделах банка или другого финансово-кредитного учреждения, где происходит непосредственная работа с клиентами и заключение договоров и сделок, приносящих доход... *Служащие фронт-офиса* ответственны за привлечение новых клиентов и развитие контактов и сферы обслуживания уже привлечённых клиентов». Как же можно быть служащими интерфейса? И как тогда понимать утверждение в другом источнике, что «в самом общем виде структуру *российской* инвестиционной компании можно разделить на три основных части: фронт-офис; бэк-офис и бухгалтерию?»

Нет ответа... Не поможет даже предполагаемый основной теоретическим фундаментом данного переводизма — выпущенный изд-вом «Питер» в 2004 г. «Деловой бестселлер» с предельно доходчивым и «чисто русским» названием «Фронт-офис и бэк-офис бренда».

рус. 1. дирекция, правление, администрация (предприятия) 2. банк. отдел по работе с клиентами

Это пока только наметки, своего рода демонстрационный образец. Следующими в словаре могли бы появиться «предельно понятные русские» термины: «вендор», «шифрформер», «менеджер», «мерчендайзер», «месидж», «тиринг», «провайдер», «промоутер», «ребрендинг», «ринжинринг», «римейк», «ритейл», «риэлтер», «бэкофис», «фронт-офис» и «валидатор».

Предложенный для коллективной разработки «словарь» был поддержан переводчиками-инженерами и лингвистами, но не встретил одобрения у активно участвовавших в работе форума гуманитариев, занимающихся (или не занимающихся) техническим переводом; двумя годами раньше они встретили в штыки и идею аттестации переводчиков технической литературы и документации...

А между тем, совсем недавно я услышал от русской службы «Евроьюс» еще один новый «русский» термин — «продакт плейсмент»...

Процесс пошёл... Не опоздать бы...

«... Не стараясь угодить».

Ещё один взгляд на «Параллельные миры»

В.К. Ланчиков

Помните, как в своё время советские «копирайтеры» переделали строку Маяковского: «Больше поэтов, хороших и разных» в: «Больше товаров, хороших и разных»? В перестроечные годы переделка была переделана ещё раз: «Больше товаров хороших. Разные у нас уже есть».

Этот афоризм (КВНовского, кажется, происхождения) не идёт из головы, когда читаешь статью Н.Г. Шаховой «Параллельные миры» («Мосты», №2, 2006), которая во многом перекликается со статьёй В.И. Короля «Reality Versus Nostalgia. Ещё один взгляд на технический перевод» («Мосты» №3, 2004). В обоих случаях – апология переводчиков «разных». Как иначе понять утверждение: «Каждый переводит в меру своих способностей, а рынок расставляет всех по своим местам» рядом со ссылкой на стихи Б.Ш. Окуджавы: «Каждый пишет, как он дышит»?

Может, я заблуждаюсь, но мне всегда казалось, что песня Окуджавы – о вдохновении, которое не продаётся, а не о рукописи, которую можно продать. А поскольку о творческой стороне работы переводчика Наталья Гелиевна не пишет ни слова, то песня Окуджавы тут, вроде бы, не к месту. И всё же, если уж её цитировать, не стоит забывать, что «каждый пишет, как он дышит, *не стараясь угодить*».

Но об «угождении» речь впереди. Сперва ещё о некоторых местах статьи, в которых хотелось бы разобраться.

«Растёт потребность во всех видах перевода: устных и письменных, отличных и посредственных». «Отличные и посредственные виды перевода» – это, конечно, просто неточность

выражения. Но если вдуматься в суть сказанного, возникает вопрос. Положим, в силу каких-то рыночных причин в мире действительно вырос спрос на посредственные переводы. Отчего же Наталья Гелиевна в рекламе возглавляемого ею агентства EnRus, не сообщит, что оно готово выполнять столь нужные сегодня посредственные переводы?

«Ведение бизнеса в чужой стране связано, как правило, с массой письменных переводов, и совсем не все из них требуют высокого качества. Во многих случаях гораздо важнее скорость: пусть перевод звучит коряво, главное – информация поступила вовремя». Не надуманная ли дилемма? Синхронист выполняет перевод почти одновременно с порождением оригинала, но странно будет выглядеть синхронист, который станет оправдывать корявость своего перевода тем, что ему некогда шлифовать фразу. Я не приравниваю синхронный перевод к письменному, а лишь хочу подчеркнуть, что скорость выполнения входит в профессиональный навык переводчика в каждом отдельном виде перевода. И если я, называя себя профессионалом, не могу совместить скорость и качество, то, чтобы не срамиться, просто не берусь за данный вид перевода, а занимаюсь тем видом, который поспешности не требует – не пойду в синхронисты, а буду переводить последовательно. Иначе всякий скажет, что я взялся не за своё дело.

«Те, кто привык к работе в издательстве, когда перевод проходит через руки трёх, а то и четырёх человек, иной раз не пригодны для перевода деловой переписки – они не готовы тщательно контролировать результат и брать на

Заказчик – переводчик

себя функции редактора и корректора в условиях быстрого обмена сообщениями». Если мнение преподавателя, без малого тридцать лет занимающегося подготовкой переводчиков, заслуживает доверия, могу сообщить: студентам-переводчикам с самого начала внушают, что переводить надо «под ключ», не уповая на то, что редакторы с корректорами будут выметать мусор, который вы понаташили в текст. Добросовестность исполнения – тоже профессиональный навык. И если кто-то этот навык утрачивает, его профессионализм под большим вопросом. А об «условиях быстрого обмена сообщениями» сказано выше.

В позапрошлом году на заседании «круглого стола» в Гёте-Институте, посвящённого отношениям переводчиков и редакторов, один из присутствующих переводчиков спросил: «А зачем, собственно, я должен, переводя, проверять написание имён, даты, факты? Редакторы – то на что?» Приглашённые на заседание редакторы, много лет проработавшие в крупных издательствах, переглянулись почти с ужасом. И это человек, называющий себя переводчиком!

Как говорил герой «Золотого телёнка»: «Пустыня – это бездарно! Но она существует. И с этим приходится считаться». Однако было бы большой ошибкой делать из этого справедливого замечания вывод, что пустыня с каждым годом делается нам всё нужнее и нужнее. Если же человек, считающий себя переводчиком, в минуту сомнения не заглядывает в справочник, а кидает клич на каком-нибудь сетевом переводческом форуме: «Эй, народ! А в конце предложения точку ставят или чё?», я такого профессионалом считать не готов.

Получается, вырос не спрос на посредственные переводы, а количество посредственных переводчиков. С этим действительно не поспоришь.

Скажут: «Чего вы хотите? Растёт спрос на переводческие услуги вообще, и в таких условиях качество неизбежно должно снижаться. Закон больших чисел. На всё хороших переводчиков не хватает». Довод не выдуманный: сам слышал. И подумал, что если бы этот зна-

ток математических и экономических законов переехал в новый дом, а в доме на другой же день обрушился потолок, он едва ли утешился бы объяснением: «Чего вы хотите? Сейчас такой спрос на жильё...»

У вопроса о соотношении спроса и качества есть ещё одна сторона. Стремительный рост спроса на услуги переводчиков наблюдался и во время Петровских реформ. Тогда переводом тоже приходилось заниматься многим людям иных профессий. Но вот что пишет один из них, выпускник Сухопутного шляхетного корпуса И. В. Шишкин, в предисловии к своему переводу:

...Сколко могу, столко служу моему отечеству переводом книг с чужестранных языков, и уже многие книги переведены мною, невзирая и иногда на то, что многим перевод мой был не ндравен. Многие говорили: «Ещё б ему подлежало поучица, да тогда переводить книги». Однако никто из них не пожаловал мне денег платить тем, кои учат, а мне и сначала взять их было негде, и моим благотворителям, которые мне от своих талантов уделяли, всегда платил поклонением и слезами. Худая сия удача меня от трудов моих не отвращает, мне только сия на свете маленькая возможность досталась оказать мое усердие и долг отечеству¹.

Переводчик не отговаривается тем, что он-де не хорошии, а «разный». И даже не спорит с критиками. Его позиция: «И рад бы учиться, да нет возможности». А ведь к этому времени он перевёл уже не одну книгу. Хоть бы сотую часть такого сознания своего несовершенства нынешним «разным!» Те рассуждают иначе: раз перевод принят и оплачен, значит, я профессионал.

Когда у нас на переводческом факультете МГЛУ обсуждался проект положения о дипломных работах, мы внесли в это положение пункт о том, что студенты имеют право представлять в качестве дипломного перевода работу, выполненную ими по заказу. Но пункт содержал и оговорку: факт принятия работы заказчиком не является показателем качества работы. Бывали студенты, которые не придавали этому пункту значения и, получив на защите диплома «тройку», роптали: заказ-

¹ Цит. по «История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII в. Т.1. Проза» – СПб.: Дмитрий Буланин, 1995 – с.102.

чика, мол, перевод устроил, а вас нет. Приходилось объяснять: может, ваш заказчик действительно считает, что, например, “bank officer” переводится как «офицер банка», но, сколько бы вы денег за такой перевод ни получили, правильным он от этого не стал.

А уж когда такой, прости Господи, «профессионал» слышит, что на переводческом рынке ни одна блоха не плоха – все чёрнские, все прыгают, его самомнение частенько зашкаливает.

Наталья Гелиевна и сама видит тут опасность. Она справедливо утверждает: «Переводчик не должен ориентироваться на некачественную работу». Но на что, скажите на милость, ему ориентироваться, если дальше в статье о заказчиках говорится, что «качество каждый понимает по-своему» и приводятся истории об их причудах, одна другой диковиннее? А станешь работать, «не стараясь угодить» – руководствуясь общепринятой нормой перевода, – мигом запишут в «стойкие вцепленные солдатики», выполняющие приказы «давно капитулировавшего командования». Путано выходит. И путаница будет продолжаться, если и дальше считать Зазеркалье «параллельным миром».

Для большей наглядности коварно воспользуюсь великодушием Натальи Гелиевны, не ограничившей разговор каким-то определённым видом перевода, и перейду в ту область, которая мне знакома лучше: перевод художественной литературы. Но прежде прошу прощения у коллег-переводчиков за то, что картина получится недостаточно яркой и полной. Тут нужен Салтыков-Щедрин. К тому же я опираюсь лишь на собственный опыт и на опыт тех своих коллег, чьей добросовестности и правдивости могу доверять. Прошу прощения и у тех издателей, которые в эту картину не вписываются. Речь пойдёт не об исключениях (они бывают), а об общих тенденциях. Конечно, неприятно, когда кисло отзываются о положении в той сфере, к которой ты принадлежишь. Но мне, например, ничуть не досадно слышать разговоры об упадке перевода, поскольку сам я придерживаюсь переводческих принципов, сложив-

шихся в то время, когда об упадке и помину не было. Пусть называют «стойким худлитовским солдатиком» – не обижусь. Даже за честь почту. Вот за профессию и правда обидно.

Когда журнал «Книжное дело» переименовали в «Книжный бизнес», это был редчайший в те времена случай уместного переименования. Для издателя книга стала в первую очередь товаром, подлежащим реализации – со всеми вытекающими отсюда последствиями. Неудивительно, что сегодня есть издательства, где во главе редакций стоят менеджеры по маркетингу, хотя это почти то же самое, что доверить режиссуру театральной постановки агентству по продаже билетов. Упор стал делаться не на качество, а на сбыт – вне зависимости от качества. Как следствие – сокращение расходов на то, что помогает качество создавать: перевод, редактуру. В обоих случаях предпочтение отдаётся тем, кто быстро делает и не много просит, а что уж они при этом умеют – дело десятое. Иными словами, «новое поколение выбрало “разных”».

Это подтверждает и Наталья Гелиевна в статье «Не ЧаВо» («Мосты» №3, 2006): «Все издательства находятся в постоянном поиске переводчиков, готовых работать за копейки и выдавать с большой скоростью тексты удобоваримого качества». Наталья Гелиевна верит, что если пойти в эту кабалу, то «рано или поздно вам “повезёт” и вы добьётесь права регулярно переводить кубометры» бульварного чтива, «а со временем, глядясь, удастся, как говаривал Режиссёр, захватиться и на Вильяма нашего Шекспира – то есть ударным трудом дослужиться до перевода настоящей литературы». Вот тебе и «не стараясь угодить»!

Может, этот совет желающим заняться переводом настоящей художественной литературы и основателен, однако Наталья Гелиевна забывает, что для этого рода деятельности требуется не только ударный труд на макулатурной ниве и выслуга лет, но и ещё кое-какие мелочи. О.Э. Мандельштам, например, утверждал, что художественный перевод «требует громадного напряжения, внимания и воли, богатой изобретательности, умственной свежести, филологического

Заказчик – переводчик

чутья, большой словарной клавиатуры, умения вслушиваться в ритм, схватить рисунок фразы, передать её — всё при строжайшем самообуздании»². Вряд ли переводчик приобретёт эти качества, следуя рецепту Натальи Гелиевны. А если он ими и к началу служебной карьеры не обзавёлся? Представляете, какого Вильяма Шекспира свалает служивый кустарь, ставивший себе руку на глянцево-лубочных однодневках? Шекспир «от разного» — это почище, чем от лукавого. Зато, как отмечает Наталья Гелиевна: «опубликованные переводы могут украсить ваше резюме и послужить основанием для вступления в профессиональные союзы». Тем более — Шекспир.

Тут бы рынку и расставить всех по своим местам. Но у Зазеркалья и рынок зазеркальный. Издатели смекнули, что конечный потребитель — читатель — покупает книгу не за качество перевода, а за содержание. Это лишь взыскательный читатель, столкнувшись с неудобоваримым переводом, бросит книгу и руки вымоет — остальные, плюясь и морщась, будут всё же дочитывать, чтобы узнать, чем там дело кончилось. И раз плохой перевод сбыту не помеха, нетрудно догадаться, что выберет издатель: то, что дорого, да мило или то, что дешёво, да гнило. «Читатель всё слышит»: афоризм, который я слышал не от одного работника издательства. Читатели лопают, и то, что вчера казалось неудобоваримым, сегодня многие начинают переваривать, потому что много от переводов уже и не ждут. Приучили. А сколько таких, которые принимают каракули переводчика за подлинный почерк автора... Постарался рынок-батюшка.

Из Зазеркалья это вынужденное снижение требовательности читателей видится как «рост потребности в посредственных переводах».

Многие мои коллеги считают, что положение выправится лишь в том случае, если за перевод Эдгара По станут платить хотя бы по той же ставке, что и за перевод инструкции к биотуалету: повысьте расценки на художественный перевод — и отхлынувшие от него талантливые переводчики потекут вспять,

а за ними потянутся талантливые ученики. По-моему, это ещё один случай, когда прогноз основан не на действительном положении вещей, а исключительно на штампах рыночного мышления. Ведь если, взманившись высокими гонорарами, талантливые притекут обратно, они обнаружат, что их талант попросту некому оценить. С редакторской профессией стряслось то же самое, что с переводческой: погоня за дешёвизной привела к тому, что и здесь на смену профессионалам пришли покладистые «разные», которые руководствуются своими «разными» представлениями о том, что такое хорошо и что такое плохо. Критерии оценки у них зачастую сугубо вкусовые, а вкусы не свои, а, понятное дело, работодателей. (Ещё один подслушанный афоризм: редакторша предостерегает коллегу, взроптавшую на нелепое распоряжение босса: «Он тебе не начальник. Он тебе хозяин»). Но трудно ожидать, что человек, видящий залог успеха книги не столько в качестве перевода, сколько в оглушительной рекламной кампании, окажется искущённым ценителем переводческого мастерства. Едва ли не единственный показатель качества у него — известность переводчика. На громкое имя он смотрит как на «бренд» (выражаясь на близком и понятном ему языке).

Несколько лет назад большое московское издательство купило права на роман, ставший бестселлером у себя на родине, и приступило к его бестселлеризации в России. Всё как водится: реклама в печати, реклама в метро, презентация на Книжной ярмарке. Вернее сказать, презентация была только намечена. Когда переводчица книги в назначенный день и час пришла на презентацию, оказалось, что её отменили, а книгу будет заново переводить весьма именитый переводчик. И это при том, что первый перевод был не только одобрен заказчиком и оплачен, но даже напечатан (у переводчицы имеется экземпляр этого издания). Пусть не весь тираж, но напечатан. Какая часть тиража была напечатана и куда она делась, ведомо лишь издателем. Ну не Зазеркалье ли: «Знакомьтесь! Пудинг, это Алиса. Алиса, это Пудинг. Унесите Пудинг!».

² О.Э. Мандельштам. Собрание сочинений: В 4 т. — Т.2 — М.: Terra, 1991, с. 427.

Никакого лутного объяснения переводчица так и не добила. Издатели кивали на литературного агента автора, литагент – на издатель. Конкретных претензий не прозвучало.

Поставьте себя на место переводчицы. Допустим, вы решили жить по зазеркальным законам и плюнуть на принцип: «не стараясь угодить». Но как угодить-то, если заказчик сам не поймёт, что же ему угодно?

Остаётся предположить, что *сБРЕНДившему* заказчику не перевод не угодил, а имя переводчицы показалось недостаточно «раскрученным». (Незадолго до этого вокруг переводов этого издательства разгорелись шумные споры, в которых оно показало свою полную неспособность печатно судить о достоинствах переводов и на этот раз, всерьёзно, решило обезопасить себя солидным «брендом».)

А злощастный перевод был ничуть не хуже изданной вместо него работы маститого переводчика. Местами даже лучше (и я могу это доказать). Единственная вина пострадавшей состоит в том, что она приняла предложение издательства, которое и до этой истории в этничном отношении к переводчикам замечено не было.

Я привёл эту историю не для того, чтобы бросить тень на репутацию известного переводчика, и вообще считаю глупостью посягать на заслуженные авторитеты («заслуженные» не по рецепту Натальи Геллевины). Но, на беду, за создание громких имён принялись издатели – то есть те, чьи представления о

норме перевода, как сказано выше, часто... гм... небезупречны. Не мне рассказывать, каким инструментом и из какого материала зачастую создаются сегодня имена. И вот другое известное издательство уже производит в редакторы свежераскрученного переводчика, убедительно доказавшего свою малограмотность (на этот счёт я тоже могу привести факты), и тот в своём «живом журнале» объявляет городу и миру, что всех переводчиков нужно «строить». Это он-то, грамотей, будет «строить»!

«Разные» – те построятся, будьте покойны.

Так что когда издатели жалуются на нехватку хороших переводчиков, хочется ответить по-шариковски: «Ухватили животную, исполосовали ножиком голову, а теперь гнушаются».

Не то в прошлом, не то в позапрошлом году я отказался продать этому самому издательству права на свой старый перевод. Редактор изумилась: «Вам что, деньги не нужны?» Деньги мне, конечно, нужны (хотя назвать предложенную за права сумму «деньгами» мог лишь человек с незаурядным воображением). Но есть издательства, с которыми, познакомившись поближе, не станешь иметь дело даже по приговору суда.

В категориях, которыми оперирует Наталья Геллевина, объяснить причину будет затруднительно: в рассуждениях о «параллельных мирах» нет места понятию «достоинство профессии».

Есть переводчицы, которые не только не отстаивают свои варианты, но и вообще не считают нужным просматривать поправки редактора – им всё равно, лишь бы перевод был принят. В связи с этим вспоминается лингвистический разговор мамы с дочкой у Веры Инбер:

- Мама, завтра будет праздник?
- Праздник, Жанна, говорят.
- Всё равно, какая разница, лишь бы дали шоколад...

По характеру своих отношений с издательством переводчицы делятся на три категории: первые те, которых редакторы совсем или почти не правят; вторые – которых редакторы правят карандашом (зная, что переводчик будет отстаивать свои варианты), и третьи – которых редакторы правят чернилами (это просто любители шоколада).

А. Кундзич

Записки не верблюда

Н.Г. Шахова

*Всё, что может быть понято неправильно,
будет понято неправильно.*

Закон Мерфи

Воспользуюсь и я, в свою очередь, любезностью Виктора Константиновича, предоставившего мне возможность ответить на его критические замечания незамедлительно. Хотя, судя по его статье, такому апологету халтуры, как я, вообще не следовало бы давать слова. Складывающийся у читателей образ монстра настолько напугал меня, что я спешу от него отмежеваться.

Первое возражение касается выражения «параллельные миры». Используя его в заголовке одной из своих прошлых статей, я подразумевала многообразие мира переводов, где существуют как устные, так и письменные переводчики, которые переводят политические речи и медицинские статьи, финансовые договоры и стихи, дублируют фильмы и надписывают чертежи. И мне странно, что Виктор Константинович воспринял мою метафору иначе, жёстко разделив мир переводов на «чистых» и «нечистых», автоматически отнеся меня к последним.

К трактовке параллельности тесно примыкает и вопрос о критериях. Не выходя за границы своего мира переводов художественной литературы, Виктор Константинович, видимо, просто не может вообразить, что незыблемые законы этого мира могут оказаться совершенно неприменимыми в параллельном мире других переводов. Ведь если в романе принято все иностранные слова переводить или транслитерировать, то в пресс-релизе о новой версии текстового процессора MS Word название этой программы надо писать латиницей. И если друг Шерлока Холмса с течением времени из Уотсона превратился в Ватсона (не будем сейчас спорить о том, какой вариант правильнее), то при переводе документов приехавшего в Россию господина с подобной фамилией надо сохранять еди-

нообразие и ориентироваться на первоначально выбранный вариант, даже если он отклоняется от правил. Иначе у бедного иностранца могут возникнуть большие проблемы. (Для меня это большой вопрос: в загранпаспорте моя фамилия написана на французский лад: Shakhova, а американское посольство упорно выдает мне визы на фамилию Shakhova.) И таких примеров можно привести множество. Именно это я имела в виду, говоря о том, что в разных переводческих мирах – разные критерии правильности, а вовсе не то, за что меня так страстно корит Виктор Константинович.

Удивительно и то, что Виктор Константинович готов – фигурально выражаясь – казнить гонца, принесшего дурную весть. Да, я сказала, что в наше время растёт спрос на плохие переводы (и ниже я постараюсь обосновать это утверждение), но разве из этого следует, что я *призываю* поставлять такие переводы? Я только отмечаю, что всякий переводчик – независимо от своей квалификации – может найти на рынке свою нишу (правда, одному достанется каторжный труд за гроши, а другой сможет выбирать среди множества выгодных заказов именно те, что ему больше по душе). При этом я просто констатирую факт, но не готова нести за него ответственность.

И в низких заработках переводчиков художественной литературы я тоже не виновата. Я перевела с десяток книжек для разных российских издательств (в том числе четыре – для одного из самых крупных), при этом мои гонорары были сравнительно высокими только тогда, когда для издания удавалось найти спонсора. В остальных случаях речь шла, в основном, о моральном удовлетворении. Разумеется, мне такое положение не нравится. Но, как шутиливо отмечали когда-то

в «Литературной газете», жизнь такова, какова она есть, и больше никакова. Для того чтобы переводчик получил за свой труд достойную плату, недостаточно пробудить в издателе честность и благородство. Даже благороднейший из смертных — рассматривая издание книг как способ заработка, а не как благотворительность, — сможет по-настоящему оплатить труд переводчика только в одном из двух случаев: если ему удастся продать много экземпляров перевода или если продавать книгу по высокой цене. Поскольку ясно, что большим тиражом разойдётся не всякое произведение, а дорогие книги вообще плохо продаются, то большинство переводчиков художественной литературы в принципе не могут рассчитывать на высокие гонорары. (Возьмем, к примеру, горячо любимую мною «Американца», которая должна была бы стать настольной книгой каждого переводчика с английского. Даже такой полезный справочник годами лежал на прилавках из-за относительно высокой цены. Что же говорить о повестях и романах?)

Поэтому в художественный перевод идут три категории переводчиков:

1) настоящие мастера, которые просто не могут жить без своего искусства (точно так же, как отдаёт себя любимому делу поэт, художник, учёные — в массе своей зарабатывающие конейки);

2) новички, которые сотрудничают с издательствами, чтобы иметь возможность поработать с редактором и чтобы украсить свое резюме красивой строчкой;

3) халтурщики, которые могут кормиться только дешёвыми переводами, работая с огромной скоростью и низким качеством.

Как первая, так и третья категория переводчиков прекрасно обходится без моих советов — статьи в рубрике «Азбука бизнеса»* адресованы исключительно начинающим второй. Я пытаюсь объяснить начинающим, как поскорее перейти в продолжающие. При этом подразумевается, что переводчик владеет азами ремесла, обладает некоторым талантом и большим запасом трудолюбия. Думаю, что

халтурщики и не станут читать «Мосты» — их вся эта проблематика просто не интересует.

И уж тем более я не могу отвечать за то, что массовый читатель предпочитает массовую литературу и, в частности, совершенно не интересуется качеством переводов. Чтобы заработать на переводной литературе, надо, разумеется, издавать не Джойса, а Картленд и использовать труд дешёвых переводчиков. Странно было бы упрекать издателей — а тем более меня! — в том, что они так и поступают.

Перейду к обещанному обоснованию своего тезиса о большом спросе на некачественные переводы. С одной стороны, я получаю сотни резюме от переводчиков с образцами их работы, из которых 99% содержат орфографические и иные элементарные ошибки. Попытка указать на эти ошибки вызывает — как правило — возмущение. Мне раздражённо объясняют, что, во-первых, исправлять ошибки — дело корректора, а, во-вторых, приводимые образцы были с успехом сданы заказчикам. С другой стороны, мне регулярно звонят клиенты с разными немислимыми заказами. Типичный запрос несколько десятков, а то и сотен страниц за пару дней. Когда я объясняю, что два-три человека с такой работой не справятся, а разделить один документ на двадцать человек невозможно, заказчик разочарованно прощается. Некоторые не ленятся потом сообщить, что нашли более стоворчивых исполнителей. С основным контингентом звонящих мы расходимся по поводу оценки стоимости их заказа. И снова, когда я объясняю, что за предложенную сумму квалифицированный переводчик работать не станет, мне часто злорадно сообщают, что нашёлся-таки умелец, переведший нужный контракт по 2 доллара за страницу. Все это позволяет мне сделать вывод, что многие заказчики, стремясь сэкономить деньги и не интересуясь качеством, ищут и находят некавалифицированных исполнителей, которые — как и в любой другой профессии — составляют среди переводчиков большинство.

Если посмотреть на проблему с другой точки зрения, то можно представить себе массу ситуаций, когда качество перевода отходит на второй план по сравнению со ско-

* См. «Мосты», № 2/2004; № 3(11)/2006.

Заказчик – переводчик

ростью или ценой. Вот лишь несколько типичных примеров:

а) Для регистрации фирмы в России нужен русский перевод ее учредительных документов. Это выяснилось, как водится, в последний момент, регистрироваться нужно срочно, документы читать никто не собирается, они тихо лягут на соответствующую полку.

б) Научный работник внезапно получил грант, едет на конференцию в Бразилию, заявку на участие нужно к утру перевести на португальский. Или, наоборот, надо перевести на русский приглашение, которое бухгалтерия требует для оформления командировки.

в) Компания только что узнала о тендере, тендерная документация составлена на немецком языке, а срок подачи заявок истекает через два дня.

г) Пациента согласны положить в зарубежную клинику, но для этого нужно срочно прислать гарантийное письмо на французском языке.

Таким образом, в мире технических переводов переводчик ежедневно оказывается перед выбором: где проходит для него граница приемлемого, за что он согласен взяться, а чего не может выполнить ни при каких обстоятельствах. И каждый делает этот выбор,

исходя из своих принципов и возможностей, а также из потребностей клиента (ведь в мире технических переводов всё делается, как правило, для конкретного заказчика и стремление ему угодить нельзя считать предосудительным, если это стремление не вступает в противоречие с моралью).

Подводя итоги, коротко сформулирую свою позицию:

Да, я согласна, что надо изо всех сил стараться переводить хорошо, но, во-первых, далеко не все поставщики переводческих услуг в принципе способны переводить хорошо, даже если очень постараются, а, во-вторых, не всем заказчикам нужно высокое качество – некоторым гораздо важнее скорость или цена. Поэтому, если мы с Виктором Константиновичем откажемся за ночь перевести приглашение на конференцию, то Гоша Торопыжкин согласится, оказав тем самым большую услугу Ивану Петровичу Сндорову, который благодаря его несовершенному переводу увидит Рио-де-Жанейро.

И можно сколько угодно стыдить Гошу за готовность услужить (которая так возмущает Виктора Константиновича), но он удовлетворяет насущные потребности людей и его услуги пользуются большим спросом, который ни Виктор Константинович, ни я не готовы удовлетворить.

Перевозбуждённые вентиляторы

Не так давно появилась прелестная газетная заметка о том, как после концерта в Лужниках поп-звезда Мадонна благодарила поклонников на своём блоге. Наверняка во время московских гастролей Мадонны вокруг неё бегала целая рота переводчиков, но для того, чтобы записать своё послеконцертное обращение к массам, почему-то Мадонна решила прибегнуть к помощи переводчика электронного. Результат творческого сотрудничества Мадонны и машины:

«Спасибо 50.000 ecstatic русских вентиляторов присутствовали на моих исповедях показывают в moscow! Выставкой был взрыв! Я нахожусь на дороге back to гостиница теперь и я как раз хотел препятствую вам знать что всё одобрено. Штат обеспеченностью сделал чудесную работу делать уверенной выставка был безопасен! Спасибо Россия!»

Скорее всего, Мадонна написала:

"I thank the 50,000 ecstatic Russian fans who attended my Confessions Show in Moscow! The show was explosive! I'm on the road back to the hotel now, and I just wanted to let you know that everything was great. The security staff did a marvelous job of making sure the show was safe. Thank you, Russia!"

Правда, трудно представить, какие слова машина перевела как «препятствую» и «одобрено». Но легко понять, что слово "show" превратилось в «выставку» и «показывают», «security staff» – в «штат обеспеченностью», а "fans" – в «вентиляторы» вместо «фанатов».

Однако... может быть, машина и не настолько глупа. «Перевозбуждённые вентиляторы» – не такое уж плохое описание поклонников Мадонны.

М. Берди

Учение Г.И. Гурджиева и синхронный перевод

И. В. Полуян

Почему вдруг Гурджиев? Ну, хотя бы потому, что известный мыслитель и практический психолог первой трети XX века (последователи называют его Учителем) владел несколькими языками — русским, армянским, греческим, турецким, английским, французским и фарси — и во время своих экспедиций в поисках потерянного знания часто выступал в качестве переводчика для своих спутников. Есть и вторая причина: я считаю, что статья в таком специализированном издании, как «Мосты», должна содержать, по крайней мере, один полезный совет для начинающих синхронистов. Таких полезных советов у меня нет, но они есть у Гурджиева. У меня есть только многолетние наблюдения, некоторыми из которых я хочу поделиться.

О синхронном переводе написано так много, что трудно сказать что-то новое. Тем не менее, у каждого занимающегося этим видом работы достаточно продолжительное время, есть свои наблюдения, которые могут оказаться интересными для коллег.

Прежде всего, поделюсь впечатлениями о сегодняшнем состоянии «рынка» синхронного перевода в Москве.

Сначала — плохие новости. Первая состоит в том, что на многих мероприятиях (прошу прощения за казённое, но удобное слово, включающее в себя симпозиумы, семинары, переговоры и много чего другого), в первую очередь по тематике частного сектора — розничная торговля (ритейлинг), девелопинг, маркетинг, логистика, банковские и финансовые услуги и т.д., — перевод на русский язык слушают всё меньше и меньше участников. Приходилось работать на конференциях,

ориентированных на русскоговорящую аудиторию (иностранцы выступали в основном в качестве приглашённых ораторов), где аппаратами для синхронного перевода пользовались 2–3, от силы 5–10 участников. Правда, на технических и специальных мероприятиях число слушающих перевод на русский язык больше — до 50 процентов. Но и техническая (и особенно научная) интеллигенция быстро овладевает навыками понимания английской речи, да и её представители сами «могут объясниться» на иностранном языке, как писали в советскую эпоху в припоминаемой анкете для выезда за границу. Если дело пойдёт так дальше, то в обозримом будущем нам придётся переквалифицироваться в управдомы.

Вторая плохая новость — сильно увеличился темп речи многих российских участников, выступающих на русском или английском языке (второе ещё больше усугубляет проблему). По-видимому, это объясняется влиянием западной деловой культуры с её лозунгами «Время — деньги!» и «Чем ты быстрее говоришь, тем ты умнее». С таким темпом могут справиться лишь очень немногие синхронисты, да и то ценой определённых потерь содержания выступления.

Третья новость — повысились требования к качеству перевода. Мне известны несколько случаев нареканий на этот счёт, причём все они имели место за последние два года — столько же, что и на протяжении предыдущих сорока лет на моей памяти. Некоторые компании по предоставлению переводческих услуг (наши работодатели) уже приняли меры по контролю качества перевода, хотя, как они

Заказчик – переводчик

собираются осуществлять это технически, пока не совсем ясно.

Новость скорее хорошая, чем плохая, – количество англоговорящих участников мероприятий, слушающих перевод на английский, также невелико (по крайней мере, на мероприятиях в России), и это – контингент хорошо воспитанный, смиренно внемлющий тому, что им дают. Хотя бывают и исключения. Вспоминается одна из моих первых конференций («Летняя банковская школа 1963 года»), которую своим присутствием почтил председатель Федеральной резервной системы США (что-то вроде центрального банка) г-н Мартин, фигура в то время хрестоматийная и харизматическая (в США). «Школа» была посвящена, помимо прочего, ознакомлению иностранных гостей с финансовой системой СССР. Синхронный перевод обеспечивали старшекурсники и выпускники МГПИИЯ им. М. Тореза (в настоящее время просто Московский государственный лингвистический университет). Мы долго готовились к лектору, вникая в банковскую терминологию и повторяя азы политэкономии социализма. В программе был доклад на тему «Контроль рублём». Как сам термин, так и содержание доклада, далеко не тривиальны. Пишу я эти строки и думаю: «А как бы я перевёл название доклада сейчас?» и не нахожу однозначного ответа. Опыт подсказывает варианты: *Fiscal Controls in Russia* или *Russia's Industrial Policy*, но это не совсем то или совсем не то, так как смысловое наполнение английских терминов иное. Поэтому склоняюсь в пользу *Ruble in Control*, что достаточно «прозрачно», чтобы быть понятным даже неспециалисту.

Как бы то ни было, после иностранного выступления кого-то из Центрального банка СССР наступило время вопросов и ответов. Мартин спросил: «Если предприятие не выполняет план, откажете ли вы ему в выделении средств, необходимых, в частности, для выплаты заработной платы рабочим и закупки сырья?» Ответ был, конечно, отрицательный (политэкономия социализма!). «А в чём же тогда заключается контроль рублём?» – вопрошал недоумевающий Мартин. Доклад-

чик добросовестно попытался объяснить необъяснимое, но безуспешно, и взбешённый (я не преувеличиваю) Мартин покинул зал, громко чертыхаясь. В памяти остались слова «...или я дурак...» и «...переводчики...». Было неприятно, хотя нашей вины в этом не было. В этой связи надо сказать, что легче переводить мероприятия, участники которых собрались, чтобы обсудить реально существующие проблемы (на мой взгляд, чем меньше слов типа «главная задача», «совершенствование», «эффективность», «развитие» и т.п., тем реальнее тема), а не просто выступить «для галочки» по тому или иному случаю или «отбарабанить» текст, скорее похожий на автореферат кандидатской диссертации для включения в Труды конференции и впоследствии – в список научных трудов оратора. Когда выступающий заинтересован в том, чтобы его поняли (как, например, на презентациях иностранных компаний, желающих что-то продать в России), он говорит «с толком и расстановкой».

Ещё одна тенденция, скорее хорошая, чем плохая для синхронистов-«англичан» и скорее плохая для «французов», «немцев», «испанцев» и т.д., – почти не стало многоязычных мероприятий (за исключением, пожалуй, 2006 года во время председательства России в Большой восьмерке, когда на некоторых встречах работали все эти кабинеты, а также итальянская и японская). Это означает, что почти не приходится сталкиваться с явлением, известным в нашей среде, как “double trouble” (двойной перевод, или «двойная головная боль»), когда оригинал мы получаем в несколько урезанном, а иногда и искажённом виде от переводчика-пилота. Это не самокритика, а констатация факта, отнюдь не постыдного. В синхронном переводе потери и даже искажения неизбежны. Но что годится для слушающего в зале, доброжелательно относящегося к человеку в кабине (а кабинат-пилот в нашем случае – это cabina, переводящая с одного из представленных иностранных языков на родной русский), крайне неудобоваримо в качестве сырья для перевода другими кабинатами.

Возвращаясь к словосочетанию «наш перевод». Хотя существует распространённое мнение (почти аксиома), что переводить синхронно следует только на родной язык (или язык категории «А» по ооновской классификации), мы переводили, переводим и будем переводить не только на родной русский, но и на неродной иностранный. Такая система у нас сложилась исторически, в силу ряда обстоятельств, из которых далеко не последнюю роль играют соображения экономии средств: если бы организаторы мероприятий использовали подход, принятый в системе ООН, то потребовались бы две кабины (например английская и русская) и четыре переводчика, из которых двое должны бы были быть «носителями английского языка». Мы же, как правило, так называемые «искусственники», получившие английский (или другой иностранный) язык не с молоком матери, а, так сказать, на вторичном рынке.

Да, у многих из нас явный акцент (в лучшем случае так называемый middle-of-the-Atlantic), но не вижу в этом ничего страшного, тем более, что для значительной части слушающих нас иностранцев английский, французский и т.д. – тоже не родные языки. Более того, возьму на себя смелость заметить, что при правильной лексике и синтаксисе добротный русский акцент *а ля* генерал Коскофф из одного из фильмов «Бондиады» даже придаёт переводу особую пикантность и местный колорит.

Не могу не остановиться на сакраментальном вопросе: «На какой язык легче переводить, на родной или иностранный?». Хорошо переводить трудно и с русского языка на иностранный (далее я буду говорить только об английском как иностранном) и наоборот, причём по различным причинам. Приход к пониманию иноязычной речи, особенно 100-процентному пониманию, необходимому для переводчика, – это длительный процесс. Мне потребовалось просмотреть около 200 американских и английских фильмов, прежде чем я начал понимать процентов 70 содержания – разговорной речи (это притом, что новостные радиопередачи Би-би-си и Го-

лоса Америки к тому времени я понимал уже практически полностью). К счастью, сейчас для этого нет необходимости выезжать за границу – всё можно делать у себя дома, включая и обратную перемотку видеокассеты для повторного прослушивания не понятых с первого раза отрезков речи. Поэтому я уверен, что для синхронистов-«искусственников» проблема понимания английской речи во всём её разнообразии (с содроганием вспоминаю «пулёмётные» выступления Кришнамурти – представителя Индии в МАГАТЭ) – это главная трудность. Надо отдать должное Курсам переводчиков ООН (организатор и первый директор – Э.В. Зарубина), созданным для подготовки кадров письменных переводчиков и синхронистов («русская» кабина) организаций системы ООН, – там слушателей «натаскивали» на оригинальных ооновских текстах, представляющих богатую палитру темпов речи и всевозможных диалектов и акцентов. Отработка чисто переводческих «приёмов» была при этом ориентирована исключительно на перевод с английского на русский, и, как результат, вырабатывались только однонаправленные «автоматизмы». Все эти достижения закреплялись пятью-шестью годами практической работы, в ходе которых многие выпускники курсов доводили понимание второго (а кое-кто и третьего) иностранного языка до рабочего уровня. Но эта прекрасная «школа» имела и свою обратную сторону: из-за однонаправленности навыков по возвращении на родину многим выпускникам курсов было первое время трудно переводить на английский.

При переводе с русского проблемы понимания по определению нет, и считается, что, даже владея достаточно скудным арсеналом средств английского языка, переводчик художественно передаст смысл. К сожалению, приходилось работать с коллегами, чьё «владение» этим языком было не просто далеко от совершенства, но вообще ниже всякой критики. Тем не менее, перевод шёл, кабина не молчала, «клиенты» исправно слушали. Означает ли это, что можно садиться в кабину со столь негодными средствами? Думаю, что нет.

Проблем в переводе на английский даже для хорошо подготовленного «искусственника» — миллион. И 99,99 процента из них уже освещены в специальной литературе (например в книге Линн Виссон «Синхронный перевод с русского на английский». — М.: «Р.Валент», 2005). Я же остановлюсь лишь на одной, пожалуй, самой главной из них, — правильном и, главное, привычном для слушателя английском синтаксисе. Конечно, у людей, хорошо владеющих английским языком (речь идёт о наших слушателях), в котором, как известно, нет ни склонения, ни спряжения, выработалась недюжинная способность извлекать смысл даже из построенных, полностью дублирующих синтаксис русского оригинала. Но, господа, это же достаточно сложная психолингвистическая операция (нам и самим приходилось сталкиваться с такими горе-ораторами), и всякому терпению есть предел. Может быть, я немного утрирую, но наши англоговорящие слушатели привыкли к следующему порядку слов с поправками на вводные предложения и некоторую вариативность (например, многие предложения начинаются с обстоятельства времени): «Подлежащее — сказуемое — прямое дополнение — предложное дополнение — обстоятельство».

Чтобы не быть совсем голословным, приведу цитату из рецензии Льюиса Х. Сигелбаума (Lewis H. Siegelbaum) на книгу *Dictatorship of the Air: Aviation Culture and the Fate of Modern Russia* Скотта У. Палмера (Scott W. Palmer) в газете *The Moscow Times* (номер за 27 октября — 2 ноября 2006 года).

"Dictatorship of the Air" unfortunately suffers from some basic mechanical problems, not least the paucity of simple declarative sentences. Whole paragraphs on end are built of sentences that, with rare exception, begin with dependent clauses".

«Диктатура в воздухе» (или по смыслу, скорее, «Диктатура пролетариата в воздухе», хотя о таком варианте передачи названия можно спорить), к сожалению, страдает от некоторых стилистических погрешностей (перевожу смысл, т.к. *mechanical defects* — явная аллюзия на авиационную тематику

книги. — *И.П.*), главная из которых — нелюбовь автора (опять передаю смысл) к простым предложениям в изъявительном наклонении. Абзац за абзацем состоят, за редкими исключениями, из предложений, начинающихся с придаточного.

Примечательно, что эти критические замечания относятся к достаточно лёгкому для восприятия письменному тексту. Тех, кого эта проблема заинтересовала, отсылаю к моим работам: «Семантико-синтаксические процессы и перевод» (— М.: «Р.Валент», 2005 г.) и «Очерки по практике перевода» (готовится к печати в том же издательстве).

Настало, наконец, время объяснить, в чём я усматриваю связь между учением Г.И. Гурджиева (его труды и их интерпретацию его единомышленником П.Д. Успенским вы найдёте в отделах эзотерики хороших книжных магазинов) и синхронным переводом. В чисто практических целях и основываясь скорее на своём богатейшем жизненном опыте, чем на формальном образовании, Г.И. Гурджиев отделил различные функциональные системы жизнедеятельности человека друг от друга с целью лучшего управления ими. В качестве примеров он приводил носильщиков-индейцев в Андах, у которых более чем интенсивная работа ног в высокотермических условиях никак не влияла на дыхание и сердечный ритм, и йогов, которые оставались живыми, будучи зарытыми в землю на длительное время. Если применить такой же подход к синхронному переводу, то получим:

- **психолингвистический аспект:** способность одновременно осуществлять операции слушания, перевода и говорения, без которой нет синхронного переводчика;
- **физиологический аспект:** правильное дыхание, постановка голоса, выносливость — в первую очередь способность говорить, если нужно в быстром темпе, до 30 минут и более за один заход в кабину на протяжении нескольких дней;
- **лингвистический аспект:** умение перекодировать исходное сообщение на язык перевода (собственно переводческие навыки).

- **эмоциональный аспект:** при этом не волноваться в такой степени, в которой это мешало бы работе.

Или, другими словами: голосовые связки и лёгкие работают отдельно, мозг отдельно, а эмоции лучше совсем отключить.

Второй и третий аспекты (первый мы принимаем как данность) вполне могут быть подвергнуты дальнейшей дифференциации и регулироваться синхронным переводчиком (специальные тренинги, самоподготовка, повышение квалификации, чтение литературы по специальности, составление собственных глоссариев).

С волнением каждый справляется, как может, но относительное спокойствие приходит только при уверенности в себе. Оно приходит по мере накопления опыта при условии стопроцентной подготовленности к мероприятию. Обязательно нужно постараться получить тексты выступлений для ознакомления (не для перевода — перевод с листа спра-

ботает лишь при условии достаточно медленного темпа речи, а при быстром темпе текст будет только мешать, хотя и может быть использован для сверки цифр, названий, фамилий и т.п.).

Составляющие первых трёх аспектов могут быть достаточно формализованы для включения в методику преподавания синхронного перевода. Впрочем, это тема для отдельного разговора.

Итак, перед началом работы разложите перед собой листочки с «малым джентльменским набором» по теме, лист чистой бумаги для записи цифр, фамилий, названий и тому подобного, скажите себе: «А что я собственно волнуюсь? Я прилично владею этой парой языков и переходами между ними. Если будет быстрый темп, придётся, конечно, немного напрячься и прибегнуть к некоторой компрессии. Через 20 (30) минут меня сменит коллега, и можно будет передохнуть».

И поехали!

Как важно быть серьёзным ... при переводе на психотренинге

Э. Шайффеле, М. Ю. Бродский

При работе с группами во время психотренинга, психотерапевтического сеанса или занятий по психодраме перед переводчиком стоят специфические задачи. Очень важно, чтобы присутствие постороннего человека не ослабило бы доверительность отношений в группе, особенно если она уже сложилась. В любом психологическом тренинге конфиденциальность — это одно из главных требований, и никакие сведения личного характера не могут быть предметом обсуждений по окончании

тренинга. Кроме того, переводчику необходимо найти некий баланс между чисто профессиональным и личным, субъективным, отношением к происходящему. Так, например, тренер может высказать пожелание, чтобы переводчик принимал участие в групповых упражнениях. Некоторым переводчикам такая просьба приходится не по вкусу. Другие же, наоборот, — ничто человеческое нам не чуждо! — настолько увлекаются, что забывают про свои профессиональные обязанности.

Итак, мы бы хотели поделиться своими взглядами: доктор **Эберхард Шайффеле** — профессиональный психолог, которому часто приходится работать с переводчиками, особенно в России, и **Михаил Бродский** — профессиональный переводчик и преподаватель перевода, которому не раз приходилось переводить на различных психотренингах.

Эберхард Шайффеле: Переводчики, ваша задача заключается в том, чтобы я чувствовал, что говорю непосредственно с тем человеком, который находится напротив меня, пусть даже тот говорит на непонятном мне языке. Далеко не всем переводчикам это удаётся, но так как кому-то это всё же удаётся, я делаю вывод, что это возможно!

Михаил Бродский: *Устный переводчик всегда переводит от первого лица, как будто бы сам Патрон говорит на другом языке. Пусть даже в отдельных случаях это звучит несколько комично — когда, например, мужчина-переводчик, переводя от лица женщины-Патрона, бабит: «Когда я была ещё совсем маленькой девочкой и играла в куклы...». Перевод от третьего лица допускается переводческой этикой лишь в редких случаях по каким-то идеологическим мотивам. Например, на допросе военнопленного или в зале суда при переводе показаний террориста, когда переводчик не желает отождествлять себя с тем, кого переводит. При этом следователь или судья не должен возражать против такого стиля переводчика, такого, если говорить языком психологии и психолингвистики, «переводческого паттерна».*

Эберхард Шайффеле: Не переводите пассажирами, которые намного длиннее или короче тех, что произнёс я. Мне не по себе, если я сказал одну-две фразы, а переводчик говорил затем минут пять. Не раз приходилось мне слышать от моих студентов (уже после тренингов, в частных беседах), что переводчик заворачивал какую-нибудь историю из своей жизни или даже анекдот. Это совершенно недопустимо. Если переводчик хочет что-нибудь прокомментировать по ходу дела, как и любой другой член группы, то пусть это сделает. Однако я должен знать об этом и понимать, что происходит. Или вот другая край-

ность. Я говорю в течение нескольких минут, а переводчик умещает всё в одно предложение. Вы не можете решать за меня, что сказать и как это сказать, что важно и что не важно! Или бывает так, что переводчик затевает с кем-то из присутствующих разговор минут на десять и не говорит мне, о чём именно. Потом, когда я спрашиваю, переводчик отвечает: «Да так, ничего особенного!».

Михаил Бродский: *Работа переводчика должна быть прозрачной. Патрон должен понимать всё, что происходит вокруг. Более того, если кто-то из присутствующих просто что-то не расслышал и переспросил, переводчику не следует повторять фразу Патрона без его на то разрешения. Патрон или попросит переводчика повторить, или сам повторит-перифразирует сказанное. Патрону важно, что именно осталось неясным из его объяснений.*

Эберхард Шайффеле: Не говорите нудным монотонным голосом. Это усыпляет всех присутствующих! Постарайтесь если не быть, то хотя бы казаться заинтересованным тем, о чём вы переводите.

Михаил Бродский: *Вообще говоря, в советской и постсоветской переводческой школе принято «звучать» более нейтрально, чем Патрон. Как говорит, к примеру, Н.Р. Палажченко, переводчик не должен играть роль своего Патрона на иностранном языке. Поэтому и жестикация тоже не слишком поощряется. А что касается интереса, неподдельного или наигранного... ну, конечно! Это же часть «игры». Работа у нас такая.*

Эберхард Шайффеле: Не забегайте вперёд, не спешите. Я сам решу, что сказать, как сказать и когда это сказать. Так, например, я говорю: «Первое, с чего мы начнём наше занятие по психодраме, — это «разогрев», «зарядка». И вдруг, вместо того чтобы перевести, переводчик говорит мне: «Думаю, нужно сказать, что будет дальше» (как будто бы я сам вовсе и не собирался об этом сказать далее). Ваша задача — чётко схватывать и передавать то, что говорят люди и как они это говорят. Или вот ещё пример. Я спрашиваю человека: «Завтра встретимся?», но вместо того чтобы перевести, переводчик просто

говорит мне: «В данных обстоятельствах это неуместный вопрос» или даже отказывается переводить вовсе! Такое поведение переводчика неприемлемо, хотя, согласусь, бывают такие случаи, когда переводчику необходимо привлечь моё внимание к культурным несоответствиям, указать мне на них. Так, в США не стоит спрашивать своих новых знакомых, сколько они зарабатывают или сколько раз в неделю они занимаются сексом.

Михаил Бродский: *Профессиональные переводчики, конечно же, не станут перебивать или поправлять своего Патрона, и уж тем более перечить ему, особенно во время психологических тренингов. Даже если переводчик с чем-то внутренне не согласен, он должен уметь властвовать собой. Мы можем исправлять Патрона только в крайних случаях, когда ошибка в речи случайна и очевидна. Да и в этом случае переспросить — при наличии такой возможности, конечно, — не помешает. Помню, как один психолог начал свою встречу с группой так: «Все знают, что три в кубе восемь, так? ... А-а, по вашим озадаченным лицам вижу, что вы не спите. Ну, и хорошо, потому что сегодня мы с вами поговорим о внимании!».*

Эберхард Шайффеле: Переводчик не просто может, но и обязан попросить меня остановиться, чтобы перевести. Ведь все переводчики разные, и память у всех разная. Я не всегда сразу могу подстроиться под нового переводчика и «вовремя» остановиться. Самое главное — это не терять в общении динамику. Если разговор проходит один на один, хороший переводчик начинает переводить практически синхронно, так что мы можем говорить как обычно, в нормальном темпе.

Михаил Бродский: *К этим качествам я бы хотел добавить умение не терять концентрацию внимания, «не уставать» (как однажды хорошо сказал один англичанин, reasonable degree of lack of fatigue — быть в тонусе столько времени, сколько это необходимо). Психологические тренинги проходят весьма по-разному, и переводчик не может позволить себе «оказаться за бортом». Если связь с группой потеряна, восстановить её будет непросто.*

Эберхард Шайффеле: Ну и, пожалуй, худшее, что только можно придумать, если переводчик, простите за сленг, «убьёт весь кайф», станет таким «человеком в футляре» (party pooper). Не надо быть слишком серьёзным. Не надо переводить с таким мрачным видом, как будто мы на похоронах. И не надо ставить себя выше всего происходящего. Вот, например, я прошу всех присутствующих участвовать в том или ином упражнении. Когда очередь доходит до переводчика, тот говорит, что это упражнение несерьёзное, слишком оно какое-то детское. Теперь все в группе будут чувствовать себя в присутствии переводчика неловко, зажато. А сам переводчик превращается в стороннего наблюдателя-вуайериста. На психологическом тренинге переводчик не должен бояться «открыться» и участвовать в занятии наравне со всеми. Ни в коем случае нельзя ставить себя выше группы.

Михаил Бродский: *Быть частью команды устного переводчику не привыкать. Переводчик часто бывает не «одним среди них», но «одним из них». Однако пожелание тренера-психолога, чтобы переводчик стал практически равноправным членом группы и выполнял все задания, может прозвучать неожиданно. Откровенно говоря, когда я впервые переводил на психотренинге, такое пожелание-условие застало меня врасплох. Ну что же, решил я, нужно так нужно. Где наша не пропадала?! Хотя, конечно, тренер-психолог должен предупреждать переводчика об этом заранее. И если переводчику это пожелание-условие не понравится, он просто откажется от работы на таком тренинге. И всё же, коллеги-переводчики, не отказывайтесь от этого интересного опыта жизни!*

Читая на чужом языке, чувствуешь почти естественное желание перевести прочитанное. Это и неудивительно, ведь одно из наибольших удовольствий от чтения, как и от музыки, — возможность поделиться с друзьями.

Г. Г. Маркес

A Smile Opens Many Doors: Эмоции в коммуникации и переводе, или К вопросу о выражении эмоций в разных культурах

Т.В. Ларина

Всем людям, независимо от их языка и национальной принадлежности, свойственно испытывать эмоции. Однако доля эмоционального и рационального у разных народов может варьировать. Варьируют и сами эмоции, а также предпосылки, вызывающие их. Учёными доказано, что одна и та же ситуация или событие не обязательно вызывает одинаковые эмоции у представителей разных культур. Так, например, проблемы во взаимоотношениях в большей степени огорчают японцев, чем европейцев; ситуации успеха, напротив, являются причиной большей радости для европейцев, чем для японцев.

При изучении национально-культурных особенностей коммуникации особого внимания заслуживает вопрос не только о том, какие эмоции испытывают представители разных культур в тех или иных ситуациях, в чём, безусловно, прослеживается много общего, но, прежде всего, как они их проявляют. Не случайно проявление эмоций некоторые исследователи относят к одному из важнейших различий между культурами¹. Данные различия находят яркое отражение в языке и речи².

Эмоции, выражаемые представителями разных культур, могут отличаться степенью

экспрессивности, направленностью, значением, разными целевыми установками. В одних культурах приветствуется свободное проявление эмоций (арабы, латиноамериканцы), в других предпочитается сдержанность и самоконтроль (англичане, в ещё большей степени — китайцы и японцы). При этом, думается, было бы не совсем верно говорить об одном народе как об эмоциональном, а о другом — как о холодном и сдержанном. Связь между проявлением эмоций и чувствами, испытываемыми при этом, не всегда прямая и однозначная. В межкультурном общении важно уметь правильно интерпретировать те или иные проявления эмоций, дать им верное толкование. Это касается как вербального, так и невербального общения, между которыми существует определённая взаимосвязь.

Одним из ярких примеров различий в проявлении эмоций является улыбка, на национальный характер которой обращали внимание многие исследователи³. У разных народов существуют различные нормы и ожидания в отношении того, когда и как следует улыбаться. Сравнивая английскую и русскую улыбки, С.Г. Тер-Минасова, в частности, отмечает, что в англоязычном мире

¹ Trompenaars, F. *Riding the Waves of Culture*. London: Nicholas Brealey, 1993.

² См. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. — Воронеж: изд-во Воронеж. ун-та. 1987.; Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. — Волгоград, 2001; Wierzbicka, Anna. *Emotion, language and cultural scripts* // S. Kitayama and H. Markus (eds.). *Emotion and Culture*. — Washington: American Psychological Association, 1994. — Pp. 130–198 и др. работы.

³ см. об этом Triandis, Harry. *Culture and Social Behavior*. McGraw-Hill series in social psychology. — McGraw-Hill Inc., 1994; Shakhovskiy, V.I. *Concerning Psychological Concepts of American and Russian Cultures* // *Bridging Cultures: The Next Step: A joint international collection of scientific papers. USA (Ramapo)*. Volgograd, 1997. — Pp. 21–40; Стернин И.А. Улыбка в русском коммуникативном поведении // *Русское и финское коммуникативное поведение*. Вып.1. — Воронеж, 2000. — С.53–61.

улыбка — это не только биологическая реакция на положительные эмоции, но и формальный знак культуры, не имющий ничего общего с искренним расположением к тому, кому ты улыбаешься; это знак того, что у вас нет агрессивных намерений, способ формальной демонстрации окружающим своей принадлежности к данной культуре, к данному обществу⁴. Такая улыбка выполняет социальную функцию, или функцию общественного взаимодействия. Данная особенность английского коммуникативного поведения находит отражение во фразеологии — *A smile opens many doors*.

Но даже постоянно улыбающиеся англичане не могут не удивляться при виде китайцев и японцев, которые улыбаются, рассказывая о драматических и даже трагических событиях, например о смерти своих близких⁵. Подобная улыбка шокирует, может показаться бесчеловечной, если не понимать её истинного значения.

Улыбаясь, китайцы стараются не показывать отрицательные эмоции, снизить негативное воздействие печального события на собеседника, не огорчать его этим, т.е. их улыбка тоже является социально направленной. Часто за такой улыбкой кроется смущение либо трудности, возникающие в общении, что европейцами воспринимается как проявление согласия и удовлетворения и приводит к серьёзному непониманию между собеседниками.

В России улыбка — это выражение естественного искреннего расположения, симпатии, хорошего отношения к окружающим. Русские люди улыбаются гораздо реже, чем англичане или американцы, главным образом, в тех ситуациях, когда они действительно испытывают положительные эмоции, то есть русская улыбка передаёт эмоциональную информацию. Как с юмором отмечает В.И. Жельвис, «русский, которому плохо, улыбаться не станет, он хочет, чтобы о беде

знал весь мир; ну, если уж не весь мир, пусть хотя бы микрорайон»⁶. И.А. Стернин и К.М. Шилихина выделяют *бытовую неулыбчивость* как одну из наиболее ярких и национально-специфических черт русского общения⁷. Данная особенность приводит к тому, что в глазах англичан мы выглядим хмурыми, мрачными, неприветливыми. Английская улыбка, в свою очередь, воспринимается русскими как неискренняя, фальшивая.

С другой стороны, для русской культуры характерно открытое проявление эмоций, причём как положительных, так и отрицательных. А. Вежицкая называет свободное выражение эмоций одной из русских культурных ценностей и формулирует общее правило (script) относительно выражения эмоций в русской культуре следующим образом: *it is good if other people know what a person feels*⁸.

В английской коммуникативной культуре, напротив, демонстрация своих чувств, особенно отрицательных, не приветствуется. Так, например, после гибели принцессы Дианы гиды в Лондоне с большой гордостью рассказывали, как во время похорон её дети, юные принцы, не проронили ни слезинки, показав, что они настоящие англичане. В русской культуре такое поведение могло бы быть расценено как чёрствость и бессердечность⁹.

Такие слова, как *emotional*, *effusive*, *demonstrative*, *excitable* имеют в английском языке отрицательную коннотацию (*Stop behaving so emotionally./Her effusive welcome made us feel most uncomfortable*¹⁰), а под словом *эмоциональность (emotionalism)* понимается чрезмерное проявление эмоций, состояние, в котором человек теряет контроль над своими эмоциями (любопытно, что для характерис-

⁶ Жельвис В.И. Эти странные русские. — М.: Эгмонт Россия Лтд., 2002. — С.37.

⁷ Стернин И.А., Шилихина К.М. Коммуникативные аспекты толерантности. — Воронеж: изд-во «Истоки», 2001. — С.53.

⁸ Wierzbicka, Anna. Emotions across Languages and Cultures: Diversity and Universality. — Cambridge: Cambridge University Press, 1999. — P.237.

⁹ Подобное наблюдение делает также Линн Виссон в книге «Русские проблемы в английской речи. Слова и фразы в контексте двух культур». Пер. с англ. — М.: Р.Валент. 2003. — С. 181.

¹⁰ Примеры взяты из словаря Longman Dictionary of English Language and Culture, где слова *effusive* и *excitable* приводятся с пометой derog (derogative).

⁴ Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. — М.: Слово. 2000. — С. 189.

⁵ Такой эпизод описывают, в частности, Janney, Richard W. and Horst Arndt. Intracultural tact versus intercultural tact//Richard, J. Watts et al. (eds). Politeness in Language. — 1992. — P. 32.

Переводя культуру

тики пьяного человека в английском языке существует забавная идиома — *tired and emotional*).

Сдержанность и самоконтроль принято считать одними из основных черт английского коммуникативного поведения, в большей степени ориентированного на чувства других. Этот факт не является случайным. Исследователи отмечают явную связь между вербальным и невербальным поведением представителей разных лингвокультур. Так, К. Годдард и А. Вежбицкая указывают на взаимосвязь ограничений на свободное выражение эмоций с соблюдением дистанции, недопустимостью физического контакта, строгими предписаниями речевого этикета¹¹. То есть, если для какого-то общества характерно соблюдение дистанции, то следует ожидать того, что в нём не приветствуется свободное выражение эмоций; и наоборот, чем меньше дистанция, тем менее строгими являются нормы речевого этикета и тем более свободным и экспрессивным является невербальное поведение людей. Полобную мысль высказывает В.И. Карасик, отмечая, что «...выставлять напоказ проявления интимных чувств могут лишь те люди, которые привыкли жить в тесном коллективе»¹².

В результате открытое, неконтролируемое проявление эмоций в русской культуре и контроль над проявлением эмоций, характерный для английского коммуникативного поведения, приводят к тому, что русские люди воспринимаются англичанами как излишне эмоциональные, англичане же в глазах русских представляются холодными и сдержанными.

Различия в выражении эмоций обнаруживаются и в вербальном поведении представителей двух лингвокультур. При этом здесь также наблюдаются некоторые особенности, которые вступают в противоречия с существующими стереотипами. Так, «холодные и сдержанные англичане» в общении часто демонстрируют удивительную эмоциональность и экспрессивность, давая завышенную оценку как собеседнику, так и всему происходящему

и наблюдаемому: *How absolutely marvelous! / You are absolutely fantastic / You're being extremely kind / That's brilliant. I'm delighted you are coming, that's fantastic* и т.д. В то же время «эмоциональные русские» в повседневном общении являются, по сравнению с англичанами, часто более сдержанными. Это различие касается фатической коммуникации, или коммуникации межличностного взаимодействия.

При сопоставлении английских оценочных реплик и их русских соответствий наблюдается определённая асимметрия в степени их экспрессивности. Некоторые примеры реплик, предложенных в одних и тех же ситуациях общения английскими и русскими информантами: *Я рада, что ты придёшь — I am delighted you are coming (ответ на принятое приглашение) / Мне очень понравился обед — I thoroughly enjoyed the meal (уходя из гостей) / Мы хорошо провели время — That was very enjoyable. We had a great time*¹³.

Чтобы понять данные противоречия, как и вообще особенности проявления эмоций в разных культурах, следует различать такие понятия, как эмоциональность и эмотивность. В первом случае эмоции носят естественный, спонтанный характер, являются открытой демонстрацией чувств; во втором — проявление эмоций носит преднамеренный характер и представляет собой определённую стратегию коммуникативного поведения. Возвращаясь к примеру с улыбкой, можно уточнить, что английская улыбка чаще является эмотивной, в то время как русская — эмоциональной.

Как эмоциональность, так и эмотивность используются в коммуникативных целях, но их направленность и предназначение различны. *Эмоциональность* как инстинктивное, бессознательное, незапланированное проявление эмоций сфокусирована в большей степени на субъекте (это *эмоции для себя*). *Эмотивность* как сознательная, запланированная демонстрация эмоций направлена на объект (это *эмоции для других*).

¹¹ Goddard, Cliff and Anna Wierzbicka. *Discourse and Culture*//Teun A. van Dijk (ed.). *Discourse as Social Interaction*. — 1997. — P. 254.

¹² Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — Волгоград: «Перемена», 2002. — С.112.

¹³ Примеры взяты из анкет английских и русских информантов. Подробнее см. Ларина Т.В. «Категория вежливости в аспекте межкультурной коммуникации (на материале английской и русской коммуникативных культур)»: Диссертация ... докт. филол. наук. — М.: 2003. — 494 с.

Различия в типах эмоций позволяют выделить два типа коммуникаций — эмотивную и эмоциональную. **Эмоциональная коммуникация** — это спонтанная, незапланированная, естественная демонстрация эмоций говорящего как проявление его эмоциональных внутренних состояний, необязательно учитывающая реакцию собеседника или окружающих. **Эмотивная коммуникация** — это сознательная, контролируемая демонстрация эмоций, которая ориентирована на собеседника и используется говорящим в стратегических целях: воздействие на окружающих, демонстрация лояльности, доброжелательности, предупреждение возможного конфликта, т.е. она выполняет социальную функцию — повлиять на восприятие собеседником ситуации и на её понимание. Такая антиконфликтная стратегия характерна для ситуаций, в которых собеседников разделяет определённая дистанция. Можно предположить, что именно поэтому она в большей степени характерна для культур, отличающихся максимальной социальной дистантностью, к которым, в частности, принадлежит английская коммуникативная культура.

Наши наблюдения показывают, что эмотивность в целом играет более значительную роль в английской коммуникации, чем в русской. В английском общении собеседники в большей степени фокусируют своё внимание на чувствах других. Интересный пример приводят в этой связи авторы англо-русского словаря синонимов: 'You're not too gay today', she accused him. 'And it's not very polite to Judith; we're all in such festive mood at home' (R. Ayres) «Вы сегодня не слишком веселы, — сказала она ему с осуждением, это не очень любезно по отношению к Джудит: у всех в семье сегодня такое праздничное настроение»¹⁴. Другими словами, вести себя в соответствии со своим внутренним состоянием, не разделяя общего праздничного настроения, является нарушением норм вежливого поведения.

Традиционная английская сдержанность касается эмоциональной коммуникации, но не эмотивной. Эмотивность, напротив, явля-

ется одной из доминантных черт английского коммуникативного поведения и непосредственно связана с английской вежливостью, которая предписывает *преувеличивать интерес, симпатию к собеседнику, быть оптимистом, дарить коммуникативные подарки*¹⁵.

Преувеличение, или использование стратегии переоценки, прежде всего проявляется в частом использовании англичанами экспрессивных эмоционально-оценочных единиц. В оценочных репликах они употребляют большое количество разнообразных эмоционально нагруженных лексем: *great, excellent, perfect, gorgeous, wonderful, brilliant, superb, fantastic, fabulous, marvelous, divine, ravishing, terrific, delighted, enjoyable* и др. При этом они часто употребляются при оценке довольно прозаичных вещей: *I am happy with my cake* (хозяйка дома о своём кулинарном успехе)/ *Your rice is terrific. It looks incredible* (за столом)/ *You're absolutely fantastic* (за помощь в мытье посуды)/ *That's an absolutely splendid example* (учитель, оценивая ответ ученика).

Следует иметь в виду, что лексическое значение данных прилагательных далеко не всегда соответствует выражаемому смыслу. Такие прилагательные, как *terrific, great, grand, fantastic* и др. имеют в основном эмотивное значение и представляют собой эмфатические эквиваленты прилагательных *good, nice*. Эту особенность следует учитывать как при коммуникации, так и в переводе. Так, во многих контекстах эквивалентом прилагательному *happy* является русское *доволен* (*I'm happy with my cake* — Я довольна своим тортом); *delighted* соответствует русским *счастлива/рад* (*I'm delighted you're coming* — Я счастлива/рада, что ты придёшь); *enjoy, love* часто следует понимать и переводить как *нравиться/очень нравиться* (*I think I'd enjoy a bit of roast beef* — Я думаю, мне понравится кусочек ростбифа)/ *Do you like this ring? — I love it/Тебе нравится это кольцо? — Очень*.

¹⁴ Англо-русский синонимический словарь./ Ю.Д. Апресян, В.В. Ботякова, Т.Э. Латышева и др.; Под рук. А.И. Розенмана и Ю.Д. Апресяна. — 4-е изд., стереотип. — М.: Рус. яз., 1999. — С.323.

¹⁵ Brown Penelope and Stephen D. Levinson, 1987. *Politeness: Some universals in language usage*. Cambridge: Cambridge University Press; Ларина Т.В. Категория вежливости в английской и русской коммуникативных культурах: Монография. — М: Изд-во РУДН, 2003. — 315 с.

Н.К. Рябцева справедливо отмечает, что *to feel happy* не всегда выражает эмоциональное состояние, это может быть выражение отношения¹⁶. Суперлативные эмоционально-оценочные лексемы в приведённых выше примерах выступают именно во второй, оценочной, функции и являются элементами эмотивной коммуникации. Их основное предназначение – оказание коммуникативной поддержки собеседнику.

Гиперболизированная оценочность – одна из важнейших особенностей английского коммуникативного поведения. Она проявляется не только в разговорной речи, но и в официально-деловой, для которой также характерны экспрессивные эмоционально-оценочные лексемы: *I am delighted that you are considering studying at Oxford House College* (из письма приёмной комиссии колледжа)/ *Thank you for applying to use Banking 365 Online. I am delighted to welcome you as a new customer* (из письма отдела по обслуживанию клиентов банка). С точки зрения русских коммуникативных норм стратегия переоценки используется в письменных обращениях: *dear* + имя, фамилия или титул адресата в официально-деловой переписке; а также в заключительных фразах писем: *Yours sincerely/Yours faithfully/Looking forward to hearing from you* (часто при обращении к незнакомому адресату). Для завершения писем, адресованных друзьям, хорошим знакомым, отношения с которыми не являются глубоко интимными, часто используются *Love/Love to you all/Lots of love/Much love*, эквиваленты которых (*С любовью/Люблю*) в русской коммуникации встречаются лишь при очень близких отношениях. Все перечисленные английские формулы являются в значительной степени семантически опущенными и могут не выражать истинных чувств автора письма, они лишь сигнализируют о расположении и симпатии к адресату.

Гиперболизированная оценочность широко используется в разных ситуациях общения. Особенно часто, по нашим наблюдениям, она встречается при выражении благодарности, извинения и, конечно, в комплиментах, для

которого пресувеличение является характерной чертой: *I am sorry. I am so terribly sorry* (извинение за опоздание)/*Oh my God, it's gorgeous. It's absolutely marvelous. I really love it* (выражение отношения к подарку)/*Thank you very much for your generous hospitality. You are so kind. I really do appreciate that* (выражение благодарности)/*Your daughter is absolutely fantastic. She is a genius* (учитель – родителям о их ребёнке)/*You are a dream come true* (преподаватель – студентке за принесённую чашку чая).

Дж. Лич рассматривает гиперболу как естественную тенденцию человеческой речи ('*a natural tendency of human speech*')¹⁷. Наши данные свидетельствуют о том, что степень гиперболизации в речи различна в разных культурах. В данном случае она в большей степени характерна для английской коммуникации, чем для русской. Так, при выражении благодарности за полученное в подарок кольцо 85,5% английских информантов дали свою эмоциональную оценку этому подарку и только 40% русских. При этом наиболее частым прилагательным, употреблённым русскими коммуникантами (около 70%), было *красивое* (в единичных случаях – *изумительное, замечательное*). в то время как большинство англичан предпочло слово *gorgeous* (*великолепное*), также встречались *fantastic, marvelous, amazing, sweet, beautiful, lovely*.

Эмоционально-оценочные реплики, как и улыбка, являются своеобразными коммуникативными подарками, которыми щедро обмениваются англичане. Получив подобный подарок, адресат в ответ тотчас посылает собеседнику свой:

- 1) приглашение на обед: *Would you like to come to dinner next Sunday? – That would be lovely. Thank you very much. – Great. I look forward to seeing you;*
- 2) получив подарок: *Oh my God! This is too much. I really love it. It's gorgeous. – I'm thrilled you like it;*
- 3) в ответ на обещание помощи: *Thanks, that would be great. – Not at all. I'd enjoy it;*

¹⁶ Рябцева Н.К. Mental Vocabulary in a Cognitive Perspective // Вопросы филологии. – 2001, №2 (3). – С. 22

¹⁷ Leech, G.N. Principles of pragmatics. – London : Longman, 1983. – P.147.

- 4) после оказанной помощи: *That's fantastic. You did an excellent job. — I'm delighted to be able to help.*

Подобные эмоционально-оценочные реплики, падающие не столько на передачу информации об эмоциональном состоянии говорящего, сколько на передачу его отношения к собеседнику, в большей степени характерны для английской коммуникативной культуры, чем для русской. Данное различие приводит к тому, что русские, как и представители многих других культур, часто расценивают поведение англичан как неискреннее. В упомянутом нами англо-русском синонимическом словаре отмечается, что слово *polite* может характеризовать неискреннее, чисто внешнее или формальное проявление вежливости¹⁸. Думается, обвинять англичан в неискренности не вполне справедливо. С нашей точки зрения, элемент неискренности содержится в лексическом значении речевых формул и их компонентов, отличающихся гиперболизированностью. Истинное значение подобных речевых формул, как и всей английской фатической коммуникации в целом, заключается в том, что коммуниканты стремятся продемонстрировать свою симпатию, расположенность к собеседнику, сделать ему приятное (*I want you to feel good*), и в этом намерении они совершенно искренни. Можно сказать, что английская улыбка проявляется не только на лицах англичан, она не менее ярко отражается также в их словах, в повседневных формулах общения. И принимать её нужно с пониманием и благодарностью, как подарок, который сделан от души, хотя и не всегда бывает нужен.

Говоря о практической стороне рассматриваемой проблемы, подчеркнём, что данная особенность привела к формированию такой черты английского стиля коммуникации, как *коммуникативная аттрактивность*, или *коммуникативная приветливость* (регулярная демонстрация расположенности, доброжелательности, внимания к окружающим, оказа-

ние им эмоциональной поддержки), что следует учитывать как при обучении коммуникации, так и при обучении переводу. Важно акцентировать внимание учащихся на то, что отличительной особенностью русской коммуникативной культуры является *эмоциональность* (свободное выражение эмоций) и *коммуникативная естественность* (говорю то, что чувствую), английской — *эмотивность* (говорию то, что приятно собеседнику). Вследствие этого английская фатическая коммуникация является более экспрессивной, чем русская, поведение русских оказывается более сдержанным. Преувеличенная оценка у русских чаще вызывает негативную реакцию, чем благодарность, большую ценность имеет искренность, свидетельством чему являются такие русские реплики, как *Не считите за комплимент/Это не комплимент, это правда*.

Эту коммуникативную особенность важно учитывать при переводе: переводя английский текст на русский язык, следует понижать степень эмоциональной экспрессивности, поскольку для русского читателя подобная завышенная эмоциональная оценочность будет восприниматься как неестественная, неискренняя, наигранная и может вызвать неверное толкование. При переводе русского текста на английский язык, напротив, целесообразно завышать степень эмоциональной экспрессивности, что позволит сохранить (адекватно передать) эмоциональное звучание текста.

То же и в общении: говоря на английском языке, следует руководствоваться следующим коммуникативным правилом — не бояться преувеличивать, делать комплименты, давать завышенные оценки качествам, действиям собеседника и всему окружающему, широко употреблять для этого эмоционально-нагруженные суперлативные единицы. Всё это придаст речи «английское» звучание, то есть в большей степени будет соответствовать английскому стилю коммуникации и способствовать взаимопониманию, преодолению стереотипов и межкультурных барьеров. И конечно, не забывайте улыбаться — улыбка открывает многие двери. Если не верите — проверьте.

¹⁸ Англо-русский синонимический словарь./ Ю.Д. Апресян, В.В. Ботьякова, Т.Э. Латышева и др.: Под рук. А.И. Розенмана и Ю.Д. Апресяна. — 4-е изд., стереотип. — М.: Рус. яз., 1999. — С.323.

Преподавание перевода в высшей школе: нынешнее состояние и перспективы

Е. В. Бреус, З. Н. Волкова

В конце прошлого века был опубликован список так называемых умирающих профессий, в котором четвертое место отводилось переводу. Отрадно видеть, что столь мрачные прогнозы не сбываются. Услуги переводчиков оказываются как никогда востребованными. Растёт число учебных заведений, готовящих специалистов в этой области языкового общения.

Большую и разнообразную работу по обучению переводу осуществляет Учебно-методическое объединение по образованию в области лингвистики Министерства образования и науки РФ, председатель совета УМО Халеева И. И., и головная организация УМО – Московский государственный лингвистический университет. За последние годы существенно увеличилось число научных исследований по переводческой тематике. В учебный оборот входит всё большее количество учебных пособий по переводу, имеющих значительную теоретическую и практическую ценность.

Иными словами, опасения по поводу жизнеспособности переводческой профессии оказались явно преувеличенными. Но время не стоит на месте. Перед всеми, в том числе и образовательными структурами в сфере обучения переводу, встают новые проблемы, требующие своего решения. В частности, среди авторов учебных пособий по переводу до сих пор нет единого мнения относительно того, что является объектом перевода. В недавно опубликованных работах говорится о пере-

воде отдельных языковых фактов, в том числе тех или иных разновидностей прилагательных, отдельных категорий существительных, различных грамматических конструкций.

Однако переводчик имеет дело не с языком как таковым, а с текстом, то есть речью, в которой единицы языка используются не сами по себе, а как средство общения. Кроме того, система грамматических и лексических значений каждого языка уникальна и не может служить основой сопоставления языков при переводе. Поэтому говорить о языковых единицах и их значениях как объекте перевода не представляется правомерным.

Работу над созданием современных учебных пособий затрудняет и отсутствие единого мнения по ключевому концепту переводоведения – понятию переводческой эквивалентности. Исследователи в принципе согласны с тем, что эквивалентность является основным признаком перевода, без которого он теряет свою сущность. Нет разногласий и относительно трактовки эквивалентности как максимального совпадения между содержанием исходного и переводящего текстов. Но понимание природы содержания исходного текста, которое подлежит сохранению при переводе, у разных исследователей разное.

Помимо названных выше проблем теоретического характера, в новых условиях особую важность приобретают уровень и качество профессиональной подготовки преподавателей перевода. По мнению известного английского исследователя Питера Ньюмарка, успех

в подготовке будущих переводчиков зависит на 20% — от структуры курса, на 15% — от учебного материала и на 65% от личности преподавателя¹.

Иными словами, профессиональной компетенции преподавателей перевода необходимо уделять больше внимания. Однако в настоящее время нет учебных заведений, где бы готовились специалисты такого профиля. Ощущается нехватка единых научно обоснованных критериев содержания и методики обучения разным видам информативного перевода.

Практические курсы, как правило, ведут бывшие выпускники переводческих факультетов или преподаватели иностранного языка. Это люди, стремящиеся передать учащимся свои знания и опыт, энтузиасты своего дела. Оказание им всяческого содействия и поддержки по всем упомянутым выше направлениям является сейчас важнейшей целью соответствующих органов образования и переводческого сообщества в целом. Для этого необходимо объединение усилий всех заинтересованных сторон и творческое осмысление накопленного опыта в сфере преподавания перевода.

Работа по реализации поставленных задач предстает большая и потребует немало времени. Тем более важно определить ближайшие пути её претворения в жизнь.

Думается, что одним из таких конкретных шагов могло бы стать создание современного базового курса письменного перевода двух языков, например, английского и русского. Определение «базовый» в названии такого учебного курса отражает характер задач, решению которых он призван содействовать в нынешних условиях.

Первая из них состоит в разработке унифицированной методики преподавания перевода, основанной на достижениях современного переводоведения. Опираясь на новейшие результаты в области научных и практических знаний, преподаватель может более качественно и последовательно реализовать свои цели и замыслы.

¹ P. Newmark. *Approaches to Translation*. Oxford, 1981.

Вторая задача предполагает использование концептуальных положений базового курса, ориентированного на публицистические материалы, как наиболее нейтральные, при составлении курсов технического, юридического, делового и других жанровых разновидностей информативного перевода, естественно с учетом всех присущих им специфических особенностей.

Памятуя о характере проблем, с которыми в настоящее время сталкиваются авторы учебных пособий по переводу, структура базового курса могла бы выглядеть следующим образом. Изложение материала открывается разделом, посвящённым объекту перевода, или, иными словами, понятию переводческой эквивалентности. Основопологающее понятие эквивалентности рассматривается в русле современной коммуникативной модели перевода, трактующей перевод как акт межязыкового общения. Согласно этой концепции, отправитель исходного текста, в нашем случае английского, порождает некий текст, предназначенный для английского же получателя. Переводчик, выступающий в двойной роли получателя исходного текста и отправителя текста перевода, порождает текст перевода, предназначенный для русскоговорящего получателя.

Отправитель исходного текста в каждом акте общения ставит перед собой определённую цель. Вслед за известным лингвистом Романом Якобсоном можно назвать шесть основных целей общения. Они включают желание сообщить что-то об окружающем мире, выражение собственного отношения к предмету сообщения (ирония, сарказм, чувство радости или огорчения), проверку канала связи с получателем, (например, «ты меня слышишь?»), команду, выбор в качестве предмета сообщения самого исходного языка или выбор его конкретных форм (например, описание сделанной ошибки или использование в качестве цели общения игры слов)². Эффект задуманного отправителем сообщения во многом зависит от фоновых знаний получателя или, иными словами, степени его знакомства с предметом сообщения.

² Р. Якобсон. *Избранные работы*. М., 1985.

Подготовка переводчиков

Переводчик, порождая переводящий текст, должен сохранить в нём все названные цели общения исходного отправителя и, кроме того, не терять из виду то обстоятельство, что в переводе сопоставляются не только два языка, но и две культуры. Подобные межкультурные различия могут потребовать дополнительных пояснений. Например, английское "I'll go upstairs" иногда обозначает не просто желание подняться вверх по лестнице, а намерение идти спать, так как в Англии и США спальни нередко располагаются на втором этаже жилого дома.

Из сказанного следует два вывода. Во-первых, опора на коммуникативную модель перевода позволяет представить содержание исходного текста как совокупность шести целей общения, которые ставит перед собой отправитель исходного текста, и обусловленной межкультурными различиями степени понимания реалий исходного текста получателем текста перевода. И, во-вторых, помня о приведённом выше понятии переводческой эквивалентности как максимально полной передаче содержания исходного текста средствами переводящего языка, можно говорить о семи видах эквивалентности – денотативной, экспрессивной, контактноустановительной, или фатической, командной, металингвистической, поэтической и межкультурной.

В связи со спецификой исходного и переводящего языков, реальная практика перевода часто не допускает максимальной передачи всего коммуникативного содержания оригинала. Обеспечить стопроцентную эквивалентность поэтому удаётся не всегда, и определённые потери неизбежны. В данном случае речь идёт о необходимости установления не только самой эквивалентности, но и степени её полноты. В переводе для выражения этого понятия применяется термин «адекватность перевода».

С учётом сказанного, одномерный горизонтальный ряд, представляющий различные виды эквивалентности, дополняется вертикальным измерением, отражающим степень её полноты. Исходя из временных рамок, предусмотренных учебными планами, при

составлении курса представляется целесообразным ограничиться рассмотрением только трёх видов эквивалентности – денотативной, экспрессивной и межкультурной и присущей им системы вертикальных уровней.

Довольно подробное описание понятия переводческой эквивалентности продиктовано необходимостью объяснить учащимся, что суть перевода состоит не в передаче лексических и грамматических значений, а в перевоыражении средствами русского языка целей общения английского отправителя и, в случае необходимости, раскрытии значения английских реалий, не знакомых русскоязычному получателю.

Сказанное отнюдь не следует понимать как отказ от учёта роли языковых значений при переводе. Говорящий создаёт текст, отбирая языковые единицы и соединяя их по правилам грамматики английского языка в соответствии с целью общения. Переводчик истолковывает значения языковых единиц и на основе их интерпретации устанавливает коммуникативное намерение говорящего. Поэтому слова, словосочетания, грамматические конструкции, члены предложения могут быть использованы для описания переводческих проблем. В некоторых случаях они сами оказывают влияние на характер переводческих задач, создавая определённые трудности для переводчика. В этом смысле языковые значения действительно существуют как переводческая проблема, но не самостоятельно, а как часть общей проблематики, связанной с задачей коммуникативной установки и межкультурной составляющей исходного текста.

При таком подходе к понятию объекта перевода по-иному выглядит и структура содержания курса. Заголовки соответствующих разделов должны отражать названия не языковых единиц, а отдельных видов и уровней эквивалентности. Выше было сказано, что таких видов три: денотативная, экспрессивная и межкультурная эквивалентность.

Остановимся вкратце на каждом из названных видов эквивалентности и присущих им уровнях полноты сохранения содержания исходного текста в тексте перевода.

Применительно к денотативной эквивалентности, состоящей в передаче смысла оригинала, различаются четыре иерархических уровня — формальный, компонентный, ситуативный и цели общения. При установлении денотативной эквивалентности на низшем формальном уровне достаточно осуществить подстановку одних языковых знаков другими. Все остальное — предметная ситуация, набор семантических компонентов и их грамматическое оформление — остаётся таким же, как в оригинале, например:

He lives in London.
Он живёт в Лондоне.

Нередко для установления денотативной эквивалентности исходный текст приходится подвергать различным преобразованиям. Здесь следует оговориться, что когда речь идёт о переводческом преобразовании, то имеется в виду не содержание исходного текста, а его форма. Содержание оригинала остаётся неизменным. Но для его передачи в тексте перевода используются иные языковые средства.

Так, на компонентном уровне, следующем за формальным, при сохранении одного и того же набора семантических компонентов для их выражения используются иные грамматические средства:

The doctor has been sent for.
За доктором послали.

Сохранение смысла английского высказывания становится возможным благодаря замене страдательного залога действительным.

Следующий уровень называется ситуативным. На этом уровне для установления эквивалентности перевыражение коммуникативной установки исходного текста сопровождается не только грамматическими, но и определёнными семантическими преобразованиями. Это возможно благодаря тому, что разные языки один и тот же сегмент вневязковой действительности могут описывать по-разному:

Fear reduced him to **stunned whiteness**.
От страха он **потерял дар речи и побледнел как полотно**.

Словосочетание “stunned whiteness” не имеет прямого соответствия в русском языке. Поэтому в русском тексте при описании той же предметной ситуации называются другие её признаки, объединённые с исходными признаками определёнными логическими отношениями. В данном случае использован приём метонимического перевода, основанный на смежности понятий: «ошеломляющий эффект», передаваемый английским “to be stunned”, нередко сопровождается потерей дара речи, а понятие “whiteness” (белизна) является смежным по отношению к понятиям «бледность» и «полотно».

Высшее место в иерархии уровней денотативной эквивалентности занимает уровень цели общения. Так, при переводе фразы: “Many happy returns of this day” как: «Поздравляю с днём рождения» их общей составляющей является только желание поздравить с днём рождения. Всё остальное — предметная ситуация, набор семантических компонентов и грамматическое оформление — полностью изменяется. Для передачи смысла оригинала используется описательный перевод.

Экспрессивная эквивалентность состоит из двух подвидов — эмотивной и эмфатической эквивалентности — имеющих одинаковые уровни. Для краткости изложения остановимся только на эмотивной эквивалентности. Здесь, как и в случае с денотативной эквивалентностью, низшее место занимает формальный уровень. Перевод на нём осуществляется путём использования прямых соответствий, в том числе посредством калькирования. Калька допустима, если исходный образ достаточно понятен для русского получателя и вызывает у него те же эмоции, что и у получателя исходного текста:

The country's economy will slow **from a gallop to a trot**.

Национальная экономика перейдёт **от галопа к рыси**.

Вместе с тем, использование прямых переводческих соответствий может привести к эмоциональной перегруженности повествования или, наоборот, снижению экспрессивной оценки, неприемлемой в переводящем языке. В связи с этим возникает необходи-

Подготовка переводчиков

мость в осуществлении переводческих преобразований, позволяющих снизить или, наоборот, повысить экспрессивный фон подлинника, и, как следствие, в переходе на более высокий уровень эмотивной эквивалентности, именуемый нами «квантитативным», от английского “quantity” – количество.

Например, при переводе метафоры “the fly in the ointment” сохранение в переводе неизвестного русскоязычному получателю образа мухи, попавшей в средство для помазания, может привести к неоправданному повышению эмотивной экспрессии, которая в оригинале обычно имеет вид лёгкой иронии. Поэтому английское “the fly in the ointment” среди прочего можно передать аналогичной по смыслу русской стёртой метафорой «ложка дёгтя в бочке мёда».

На третьем, высшем уровне эмотивной эквивалентности общей составляющей исходного и переводящего текстов является цель общения, то есть экспрессивная оценка денотата. Необходимость в переходе на этот уровень возникает в том случае, когда прямой перевод перелает лишь денотативное значение оригинала, но не его экспрессивную коннотацию.

Ошибка переводчика, вызванная дословной передачей иронических выражений, используемых в противоположном значении, лежит в основе известного анекдота о русской женщине, которой в английском суде предъявлено обвинение в краже курицы. Протесты возмущённой обвиняемой «Всю жизнь мечтала!» и «Нужна мне ваша курица!» переводчик воспринимает буквально и переводит их соответствующим образом: “It is my lifetime’s dream”, “I needed your hen badly”. Узнав о приговоре, осуждённая восклицает: «Здравствуйте, я ваша тётя!», о чём переводчик тут же сообщает судье: “Your honor, the defendant claims to be your close relative”.

Естественно, подобная ситуация воспринимается только как шутка. Не разобраться в ней и, как следствие, оказаться в затруднительном положении, вряд ли мог бы даже начинающий переводчик. Тем не менее, следует признать, что экспрессивный компонент

оригинала иногда переводчиком действительно может быть не замечен, а в том случае, если присутствие экспрессии достаточно очевидно, подчас бывает нелегко найти достаточно выразительные средства для её передачи в тексте перевода. Это, в частности, нередко имеет место при переводе метафор, не имеющих аналогов в русском языке:

In 1986 the price of oil plummeted from \$30 to \$10 a barrel, and Texas quaked in its oversized boots.

В 1986 году, вследствие обвала цен на нефть с 30 до 10 долларов за баррель, экономика Техаса, целиком зависевшая от состояния нефтяного сектора, испытала сильнейшее потрясение.

Образ, выраженный английским метафорическим оборотом “Texas quaked in its oversized boots”, в русском тексте едва ли может быть сохранён. Поэтому он опускается, а экспрессивный компонент английской фразы передаётся методом стилистической компенсации посредством усиительного наречия «целиком», формы превосходной степени прилагательного «сильный» – «сильнейшее» и экспрессивно окрашенного словосочетания «испытала потрясение».

Иерархическая структура межкультурной эквивалентности также начинается с низшего формального уровня. Переводческие преобразования сводятся к замене языковых знаков при сохранении лексического и грамматического оформления высказывания. Это бывает в тех случаях, когда упоминаемые в оригинале явления культуры известны и русскоязычному получателю:

The legislature cannot easily remove the government, short of impeachment.

Законодательный орган может сменить правительство только через процедуру импичмента.

Юридический термин “impeachment”, обозначающий решение законодательного органа о возбуждении дела по снятию с должности главы государства или другого высокопоставленного лица, у нас получил распространение после уотергейтского скандала в США, когда со своего поста был снят президент Ричард Никсон. Слово «импичмент» зафиксировано в словарях, известно русскоязычному получателю и, поэтому воспроиз-

водится в русском тексте без каких-либо пояснений методом транскрипции.

На следующем уровне межкультурной эквивалентности, именуемом «понятийным», используется перевод, в основе которого лежит метод функционального аналога. Исходного понятия в принимающей культуре нет, но в ней имеется другое понятие, во многом сходное с первым. Оно может быть уже или шире по количеству имеющихся у него признаков и поэтому не в полной мере передаёт содержание оригинала. Но если такое различие не затрагивает сущности коммуникативного намерения отправителя, использование сходного понятия и его именованья в переводящем языке вполне уместно. Примером может служить английская реалия “whip”, обозначающая члена парламента, который следит за соблюдением партийной дисциплины в соответствующей фракции при голосовании по важным для партии вопросам. Если признаки английской реалии в данном контексте несущественны, “whip” может быть передано русским «партийный организатор».

Третий высший уровень именуется «декриптивным», то есть описательным. На нём передаются понятия, отсутствующие в культуре переводящего языка и не имеющие в ней близких аналогов. На этом уровне преобладает описательный или поясняющий перевод:

“Queen Ann’s revenge” was one of the largest and most powerful pirate vessels ever to sail in the Spanish Main.

«Месть королевы Анны» был одним из самых крупных и хорошо вооружённых пиратских кораблей за всю историю **испанских колониальных владений в северной части Карибского моря**.

Помимо межъязыковых и межкультурных различий на выбор эквивалента при переводе оказывает влияние целый ряд других факторов. Среди них заметную роль играют явления, которые можно отнести к двум общим темам — «целостность текста и перевод» и «стилистика текста и перевод». До сих пор текстологические аспекты перевода незаслуженно выпадали из круга проблем, привлекавших внимание авторов учебных пособий. В рамках базового курса рассмотрению этих вопросов следует уделить должное внимание.

Известно, что язык понимается как совокупность языковых знаков и набор правил их комбинирования, а речь и её письменная презентация, текст, как применение языковых средств для целей общения. Чаще всего отдельная законченная мысль реализуется в виде высказывания. Но текст не просто цепочка отдельных высказываний. Он представляет собой сложное структурное и содержательное целое, которое должно быть сохранено и воспроизведено при переводе.

Важную роль в обеспечении целостности текста играют формальные и смысловые связи, объединяющие отдельные высказывания. Формальная связь, или когезия текста, достигается с помощью различных языковых средств. В качестве примера можно привести так называемые кореферентные цепочки, то есть различные слова-заместители, относящиеся к одному и тому же обозначаемому, по другой терминологии, референту.

Простейшим примером цепочки такого рода является имя собственное и личное местоимение 3-го лица. Например, если обозначаемым является лицо, именуемое “Peter”, то в последующем изложении то же обозначаемое именуется с помощью личного местоимения “he”.

В английском тексте подобное личное местоимение может применяться несколько раз подряд. Так в романе Э. Хемингуэя «Старик и море» главное действующее лицо рыбак по имени Сантьяго только один раз в начале повествования называется по имени, а затем на протяжении нескольких страниц при упоминании о нём используется местоимение “he”.

В русском языке, где высказывание более автономно и в меньшей степени связано с текстом, такое употребление местоимённых заместителей считается нарушением нормы. Поэтому в переводе местоимение “he” наряду с местоимением «он» заменяется собственным именем или другими нарицательными существительными:

After that **he** had a few matches and no more.
Потом **Сантьяго** участвовал ещё в нескольких состязаниях, но скоро бросил это дело.

He let it go over the side
Старик опустил леску в воду.

Подготовка переводчиков

Смысловое единство текста, или его когерентность, обеспечивается логической последовательностью и непротиворечивостью изложения. В частности, важным условием эквивалентности при переводе с английского языка на русский является соблюдение временного и логического порядка следующих друг за другом высказываний. В английском тексте такой порядок нередко нарушается. Высказывания, описывающие последующие события, могут стоять перед высказываниями, в которых говорится о событиях, имевших место ранее:

"You going to the court this morning?" asked Jim.
We had strolled over.

Мы подошли к её забору. – Вы в суд пойдёте? – спросил Джим.

В этом примере упомянутое различие между английским и русским языками получает наглядное подтверждение. По-русски нельзя сказать: «Вы в суд пойдёте?», а затем в отдельном высказывании сообщить, что вы подошли к тем, которому предназначен этот вопрос. Поэтому в переводе высказывания меняются местами.

Из сказанного отнюдь не следует, что англоязычный отправитель игнорирует реальный временной порядок следования событий. В английском тексте, имеющем более высокую степень элитности, интерпретация временных связей осуществляется прежде всего на основе формальных средств их выражения. Так, в анализируемом фрагменте для обозначения того, что действующие лица вначале подошли к дому, а затем обратились с вопросом к находящимся там людям, применяется относительное время Past Perfect. Для англоязычного получателя важны именно эти показатели временных связей, а реальная последовательность объединяемых ими событий как бы отходит на второй план.

На выбор эквивалента при переводе помимо текстологических различий могут оказывать влияние и факторы, связанные со спецификой данного функционального стиля в исходном и переводящем языках. Выше говорилось о том, что в курсе используются материалы публицистических текстов. Поэтому

в рамках курса необходимо иметь раздел, посвящённый специфическим чертам публицистического стиля в английском и русском языках и учёте этих различий при переводе. В частности речь может идти о более личном характере высказывания в английских публицистических текстах, более высокой по сравнению с английскими текстами степени категоричности русского высказывания и, наконец, расхождении между упомянутыми текстами в функционально-стилистической отнесённости языковых единиц.

Названные выше принципы и методы переводческого анализа исходного текста позволяют сформулировать понятия стратегии и тактики учебного перевода. Применяемая нами модель перевода представляет собой разновидность иерархической системы, в которой каждый данный уровень предполагает наличие эквивалентности на более высоких уровнях. Так, денотативная эквивалентность на формальном уровне предполагает эквивалентность на всех вышестоящих уровнях – компонентном, ситуативном и цели общения. Обратной зависимости не существует. Денотативная эквивалентность на компонентном уровне может существовать без эквивалентности на уровне формальном, а на уровне цели общения без эквивалентности на уровне ситуативном.

В этом смысле стратегия работы переводчика над текстом оригинала характеризуется постепенным восхождением от низших уровней эквивалентности к высшим. Она представляет собой упорядоченную последовательность переводческих операций, направленных на постепенное преодоление буквализмов благодаря более глубокому проникновению в коммуникативное намерение отправителя исходного текста и осознанию межкультурных различий.

Что касается тактики перевода, то её суть заключается в решении конкретных переводческих задач, направленных на реализацию общей стратегической установки. Выбор способа их решения определяется условиями эквивалентности, меняющимися в зависимости от характера переводимого сегмента текста.

Им может быть фрагмент, состоящий из двух или более высказываний, отдельное высказывание или элементы высказывания, слова и словосочетания. Уровень и вид эквивалентности применительно к каждому из таких сегментов определяется специфической для данной предметной ситуации и данного контекста конфигурацией языковых и внеязыковых факторов. Как следствие, вид эквивалентности может меняться, а её уровень либо понижаться либо повышаться.

В определённом смысле механизм установления эквивалентности можно сравнить с применяемым в радиотехнике индикатором высоты и тональности звука, в котором соответствующие параметры регистрируются с помощью светового столбика, периодически меняющего цвет и то движущегося вверх, то падающего до низшей отметки. Пояним сказанное на примере:

When we came in she held us silent for a moment with a raised hand.

Увидев нас, она предостерегающе подняла руку.

Коммуникативная установка этого сегмента текста состоит в том, чтобы передать информацию об определённой предметной ситуации, образуемой рядом одушевлённых и неодушевлённых предметов и связывающих эти предметы отношений. Иными словами, речь идёт о передаче смысла оригинала и установлении денотативной эквивалентности. В отношении каждого из подчёркнутых отрезков текста решение об уровне эквивалентности принимается отдельно.

Так, в соответствии с нормами русского языка при описании данной предметной ситуации желательно использование одного субъекта. Поэтому обстоятельствоное придаточное предложение "When we came in" в русском тексте заменяется деепричастным оборотом «Увидев нас». Перевод осуществляется на ситуативном уровне посредством метонимического сдвига, основанного на причинно-следственных отношениях: мы вошли (причина) – она нас увидела (следствие).

Наш световой индикатор с третьего уровня денотативной эквивалентности тут же опускается до формального уровня при пере-

даче английского субъекта "she" русским «она». Затем он вновь поднимается до находящегося выше компонентного уровня, на котором, как говорилось, для установления эквивалентности используются различные грамматические преобразования при сохранении того же, что и в исходном высказывании, набора семантических компонентов: "raised hand" – «подняла руку».

И, наконец, при передаче оборота "held us silent for a moment" русским «предостерегающе» воображаемый индикатор поднимается ещё выше до последнего в иерархическом ряду уровня цели общения: применяется характерный для этого уровня и в данном случае реализуемый посредством компрессии метод поясняющего перевода (для чего она просила нас хранить молчание? – чтобы предостеречь).

Для лучшего усвоения учащимися изложенных выше теоретических положений базовый курс перевода должен содержать раздел, включающий упражнения по всем видам и уровням эквивалентности. Каждое упражнение может содержать несколько заданий, в том числе: ознакомление с тем, как данная переводческая проблема решается другими переводчиками, редакционную правку предлагаемых вариантов перевода, самостоятельный перевод.

Работа с упражнениями готовит слушателей к следующему этапу учебного процесса – переводу отдельных текстов. К текстам, располагающимся по возрастающей степени сложности, прилагается подробный переводческий комментарий. В комментарии указывается характер переводческих проблем и предлагаются возможные пути их решения. И упражнения, и тексты снабжены ключами.

Таким в общих чертах представляется возможный базовый курс перевода с английского языка на русский. Хочется выразить надежду на то, что его разработка и широкое творческое применение внесут свой вклад в решение проблем, стоящих в наши дни перед теми, кто преподаёт перевод, директивными органами и переводческим сообществом в целом.

Хоть довинчивай (окончание)

Д.И. Ермолович

Как уже говорилось, роман Д. Брауна «Код да Винчи» насыщен научными экскурсами, из которых и складывается содержательная ткань и внутренняя интрига книги. Поэтому научная информация, сообщаемая в книге, не терпит искажений ни в том, как её понимать, ни в том, как её называть. К сожалению, читая русский перевод «Кода да Винчи», постоянно натываешься на смысловые и терминологические искажения, особенно в области религиоведения, математики и информатики.

Христиане всех стран, объединяйтесь!

Начнём с религиозной тематики. Вот показательный отрывок из романа и анализируемого перевода:

As the prophesied Messiah, Jesus toppled kings, inspired millions, and founded new philosophies. As a descendant of the lines of King Solomon and King David, Jesus possessed a rightful claim to the throne of the King of the Jews. Understandably, His life was recorded by thousands of followers across the land.

Как и было предсказано Мессией, Иисус свергал царей, вдохновлял миллионы людей, явился родоначальником новых философий. Потомок царя Соломона и царя Давида, Иисус имел полное право претендовать на трон **владельца евреев**. Его жизнь была описана тысячами последователей **по всему миру**, что и понятно.

Здесь выделены те отрезки текста, которые оказались или неверно истолкованы, или неверно названы в переводе. Так, эпитет

Иисуса Христа – the prophesied Messiah (*Мессия, чей приход был предсказан пророками*) трансформировался в упоминание о некоем ином мессии-предсказателе. Кто бы это мог быть? И нужно ли объяснять, что никакого другого мессии, кроме Иисуса, в христианстве нет и быть не может?

Ещё один устойчивый эпитет Христа – King of the Jews – превращён во «властителя евреев», что мало похоже на библейскую формулу *Царь Иудейский*, необходимую в данном случае. Будь эта формула известна переводчику, она, возможно, помогла бы ему избежать ещё одной ошибки в конце этого абзаца: Иудея, контекстуально обозначенная в оригинале как the land (*страна*), расширилась в переводе до масштабов *всего мира* (будущи, вероятно, истолкована как «суша»).

Если уж говорить об отходе от устоявшихся формул, не могу не отметить и следующую фразу:

... the hidden letter M ... is emblazoned on the altar of Our Lady of Paris in London...

Замаскированная буква «М» ... украшает алтарь **Матери нашей Богородицы** в Лондоне.

Английскому обороту «Our Lady of + название города» соответствует в русской традиции сочетание «**Богоматерь** (*Божья мать*) + прилагательное от названия города» (например, *Казанская Божья мать*, *Богоматерь Владимирская*). Это выражение обозначает образ Богоматери (икону или фреску). В честь такого образа и названа церковь, о которой говорится в романе; её более точное название – Notre Dame de France Church.

¹ Первая часть настоящей рецензии на русский перевод книги Дэна Брауна «Код да Винчи» опубликована в «Мостах» №3/11 (2006).

В переводе не только употреблена нестандартная формулировка, но и исчезло прилагательное *Парижская*. Неужели забылся «Собор Парижской Богоматери», великий роман Пюго, многократно воплощённый к тому же в балетах, фильмах и мюзиклах? А может быть, у переводчика возникли сомнения в том, каким образом церковь Богоматери Парижской могла оказаться в Лондоне?

Но это цветочки. Как вам следующее заявление:

Церковь в стремлении защититься от власти Марии Магдалины объявила её **шлюхой**.

О нет, церковь никогда не пользовалась этим словом; *whore* в религиозном контексте — это, конечно, *блудница* (вспомним хотя бы the *Whore of Babylon* — *вавилонская блудница*).

Не было найдено в переводе «Кода да Винчи» и соответствие слову *revelation*: то оно передано как «открытие», то как «разоблачение»... Вместо правильного *откровение*.

Впрочем, я не могу утверждать, что все историко-религиоведческие накладки русского перевода связаны с незнанием терминов. В разделе данной статьи, озаглавленном «Налетай, в Ватикане подешевело», приводился страдающий искажениями и отсебятиной перевод рассуждения о церковных таинствах и обрядах. Несмотря на неточности, название одного из таинств — *communion* — было верно передано там по-русски словом *причастие*. И тем не менее в другом месте перевода тому же самому религиозному обряду крупно не повезло — он превратился в призыв к объединению всех христиан:

Jesus passed a single chalice of wine, just as modern Christians do at **communion**. [Иисус дал всем отпить вина из одной чаши, и именно так поступают современные христиане во время **причастия**. — Перевод мой — Д.Е.]

Христос передавал из рук в руки один-единственный сосуд с вином, как бы подчёркивая тем самым, что все христиане **должны объединиться**.

Небрежность? Невнимательность? Трудно сказать. Однако ещё труднее объяснить те места в переводе, где термины из истории религии просто выброшены, вот как здесь:

Constantine needed to strengthen the new Christian tradition, and held a famous ecumenical gathering known as the **Council of Nicaea**. **Sophie had heard of it only insofar as its being the birthplace of the Nicene Creed**.

“At this gathering,” Teabing said, “many aspects of Christianity were debated and voted upon...”

Константину нужно было укрепить новую христианскую традицию, и он созвал знаменитый Вселенский собор. На этом собрании обсуждались, принимались и отвергались многие аспекты христианства...

Легко видеть, что отрезку оригинала, выделенному полужирным шрифтом, в переводе не соответствует ничего. Виной этому, вероятно, заковыристые термины: the Council of Nicaea (*Никейский собор*) и the Nicene Creed (*Никейский*, или точнее *Никео-Константинопольский*, *символ веры*). Не хочется верить, что переводчику негде было справиться об их русской передаче. Но пусть уж о вероятной причине такой небрежности читатель судит сам.

В картишки дуемся

Я вполне могу понять тех людей, кто не любит играть в карты и плохо в них разбирается. Однако, если уж приходится делать перевод на эту тему, особенно об экзотических для нас картах таро, имеет смысл сначала что-то о них разузнать. Это не так сложно в наши дни, когда существует обильная литература на сей счёт, а из Интернета можно скачать не только изображения карт, но даже методику гадания по ним.

В русском «Код да Винчи» почти всё, что касается карт таро, перепутано и превратилось в бессмыслицу. Не утомляя читателя длинными цитатами, приведу лишь несколько предложений.

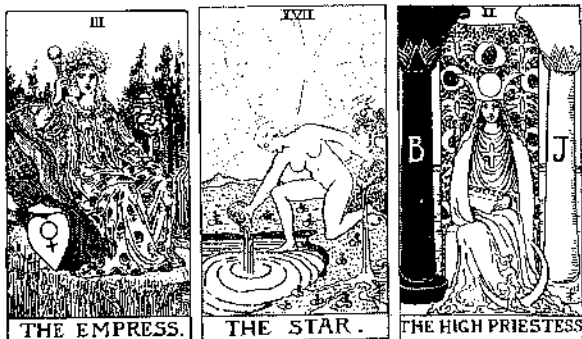
We used to play Tarot cards for fun, and my **indicator card** always turned out to be from **the suit of pentacles**. I'm sure he **stacked the deck**, but **pentacles** got to be our little joke. ... **The game's twenty-two cards** bore names like **The Female Pope**, **The Empress**, and **The Star**.

Мы играли в карты таро, и моя **указующая карта** всегда оказывалась из **набора пентаклов**. Уверена, дед мне **подыгрывал**, но с тех пор **пентакл** имел для нас особый смысл. ... **Игры в двадцать две карты** назывались «**Женщина-папа**», «**Императрица**» и «**Звезда**».

Рецензия

Не рассчитывая, что все читатели данной статьи — эксперты по таро, поясню, что именно здесь не так. Suit — не «набор», а *масть*. Indicator card — не «указующая карта», а *базовая карта* (на которую в стопку выкладываются другие карты при гадании или пасьянсе). Pentacles — не «пентаклы», а *денарии* — одна из мастей таро, наряду с жезлами, мечами и кубками. (Любопытно, что далее в тексте перевода «пентаклы» заменены на «пятиконечные звёзды».)

Stack the deck — не «подыгрывать», а *подтасовывать колоду*. The game's twenty-two cards — это не «игры в 22 карты», а те двадцать две карты колоды таро, которые пронумерованы римскими цифрами от I до XXII (так называемые *Старшие арканы*). У этих карт нет мастей, на них нанесены аллегорические образы, которыми карты и называются. The Female Pope (синоним: The High Priestess), The Empress, The Star и пр. — это названия не карточных игр, как получилось в русском переводе, а самих карт (см. иллюстрацию). Ну и, конечно, The Female Pope — это не «женщина-папа», а *папесса* (слово, связанное с легендой о папессе Иоанне — женщине, выдававшей себя за мужчину, ставшей монахом и впоследствии якобы занявшей папский престол). Впрочем, это уже не столько карточный, сколько религиозный термин, а мы уже убедились, что религиозная лексика не относится к сильным сторонам перевода.

Новый терминатор

Не блещет русский перевод и познаниями в области точных наук, особенно математики и информационных технологий. А математических экскурсов в романе предостаточно. Ведь одним из ключей к разгадке кода является важная для математики величина, которая в английском оригинале романа обозначается как Φ .

Как ни странно, таким же образом — прописными латинскими буквами — это число обозначено и в русском переводе. А ведь это не что иное, как греческая буква ϕ , и если уж использование греческого символа вызвало какие-то затруднения, то почему было не отобразить в переводе её название русскими буквами — «фи»?

Беда с этими греческими буквами в англо-русском переводе: их почти никто не узнаёт! Вспоминая начало восьмидесятых годов прошлого века, когда была популярна американская компьютерная программа под названием CHI-WRITER, позволявшая набирать математические и иные формулы с использованием греческих букв (обычные текстовые редакторы не давали тогда такой возможности). Как вы, должно быть, догадались, программа была так названа «в честь» греческой буквы χ («хи»), которую американцы на латинице обозначают CHI, а произносят, в соответствии с правилами чтения английского языка, как [kai].

Общаясь с отечественными компьютерщиками, я как-то упомянул эту программу в соответствии с оригинальным произношением — «Кай-райтер». Никто не понял, о чём речь. Я поправил себя, прибегнув к этимологическому принципу, — «Хи-райтер». Мои собеседники пожалы плечами. И лишь после дополнительных разъяснений спецы догадались, посмеялись, снисходительно похлопали меня по плечу и назидательно сообщили мне, что надо говорить «Чи-райтер» (как, по их мнению, должно было читаться название программы).

Вот и букву ϕ в оригинале романа произносят по-разному. В переводе же случились, как сейчас говорят, сплошные «непонятки».

"That's the number PHI." He pronounced it fee.

– Это число PHI. – Произносит он его как «фи-и».

Поясню смысл авторской ремарки "He pronounced it fee". Дело в том, что греческую букву φ американцы обычно называют [faɪ]. Однако студент, о котором идёт речь, придерживается иного варианта – [fi:]. Вероятно, он считает нужным более точно следовать оригинальному произношению в греческом языке.

А в русском переводе получается, что, говоря о букве «фи» (а по-русски её название не может звучать иначе), студент просто тянет последний звук: «фи-и». К чему бы это? Одно из двух: или он как-то связывает это с пренебрежительным междометием «фи!», или он просто кривляка.

Конечно, в переводе следовало эту ремарку опустить по двум причинам: 1) её смысл построен вокруг чисто языкового явления, не имеющего аналога в языке перевода, а это или непереводаемо, или требует пространных комментариев; 2) данное сообщение не играет важной роли в структуре повествования, и опустить его – меньше зло, чем загружать читателя языковедческими примечаниями об экзотических для него речевых феноменах. И, конечно, та невнятица, которую мы обнаруживаем в русском тексте, – это самый неудачный выход из положения.

Ещё фрагмент романа на математическую тему:

"But it appears their reality is false."

"No more false than that of a mathematical cryptographer who believes in the imaginary number 'i' be-cause it helps her break codes."

– А тут вдруг выяснится, что эта их реальность – фальшь. Что они заблуждались...

– Ну, заблуждались они не больше, чем какая-нибудь помешанная на математике шифровальщица, свято верящая в воображаемое число "i" лишь на том основании, что оно помогает разгадывать коды.

По-моему, даже в программу средней школы входят сведения о мнимой единице i , представляющей собой квадратный корень из минус единицы. Мнимые числа – это термин без вариантов. В рецензируемом же переводе число i названо не мнимым, а «воображаемым» и, видимо, сочтено настолько большой глупостью, что математик-криптограф пре-

вращён в «помешанную на математике шифровальщицу, свято верящую» в это число. (Замечу в скобках, что в оригинале вовсе не идёт речь именно о женщине, а местоимение her употреблено здесь в обобщённом смысле как дань политкорректности).

Когда доходит до компьютерных терминов, то тут в русском переводе полная катастрофа. Чего стоит следующий пассаж:

For your own security, if the computer does not recognize your account number, this system will automatically shut down.

"Fonction terminée," Sophie said, frowning.

В случае отказа компьютера принять номер вашего счёта в целях вашей же безопасности система автоматически блокируется.

– Да тут у них функциональный терминатор, – хмурясь, заметила Софи.

Так и представляю себе Арнольда Шварценеггера в знаменитой роли робота-терминатора. Камнем преткновения стало, вероятно, и то, что Софи повторила на французском языке сообщение, появившееся на экране монитора. Сообщение это означает: «Операция завершена».

Чем дальше, тем больше усиливается впечатление о компьютерной безграмотности русского перевода. Не буду утомлять читателя полными контекстами, а приведу лишь некоторые термины с правильным переводом и теми, так сказать, «эквивалентами», которые мы находим в русской версии «Кода да Винчи».

Рецензия

Английский термин	Правильный перевод	Как это переведено в «Коде да Винчи»
to digitize and catalog texts	оцифровка и каталогизация текстов	обработка и систематизация текстов
keyword hits along with mono prelogs and triple postlog for context	найденные ключевые слова в контексте из одного предшествующего и трёх последующих слов	отдельные строки из общего контекста, где встречаются выделенные ключевые слова
hypertext title	название с гипертекстовой ссылкой	название
flatbed scanner	планшетный сканер	сканер
optical character recognition software	программа оптического распознавания символов (или текста)	компьютерная методика поиска
a straight Boolean	простое булево (или логическое) выражение	поисковая система

Можно видеть, что здесь, как и в рассуждениях на религиозную тему, многие «трудности перевода» просто оставлены без перевода. Примеры такого переводческого «метода» будут приведены и дальше.

Как они ёрзали на могилах

Среди моих специализаций в лингвистике – теория и практика передачи собственных имён, поэтому я никак не могу пройти мимо многочисленных искажений имён и названий в русском переводе романа Брауна. Так, Seracini (*Серачини*) превратился в «Серазини», Legaludec (*Легалудек*) – в «Легалудек», St. Thuriat (*Сен-Турьяль*) – в «Сен-Туриал». Знаменитый французский художник XVII века Жорж де ла Тур (Georges de la Tour), картины которого висят и в российских музеях, обангличился и стал «Джорджем».

Как мы видим, ошибки допущены в основном в именах из третьих языков – французского, итальянского, немецкого. Но не избежали ущерба и английские имена. Один из главных персонажей книги – Leigh Teabing (*Ли Тибинг*) – переkreщён в переводе в «Лью Тибинга».

Перечисленным персонажам и объектам ещё повезло: они пусть и на глазок, но хоть как-то названы в русском переводе. А многие просто-напросто выброшены. Например, в романе упоминается город, где находится могила Вагнера – “Wagner’s tomb in Bayreuth, Germany”. Этот баварский город знаменит ещё

и тем, что в нём по инициативе Рихарда Вагнера был создан театр и основан ежегодный музыкальный фестиваль. Название звучит по-немецки как «Байройт», но в русской музыковедческой традиции закрепилось в форме *Байрейт*. В переводе же в этом месте читаем: «могила Вагнера находится в Германии». Очень точное указание, ничего не скажешь.

Та же участь постигла и другие известные города – французские Амьен и Шартр, а заодно с ними и английский Кентерберн:

Designed in the style of the great cathedrals of Amiens, Chartres and Canterbury, Westminster Abbey is considered neither cathedral nor parish church.

Построенное в стиле **других** величественных соборов Европы, Вестминстерское аббатство не считается ни кафедральным собором, ни просто церковью для прихожан.

Благодаря «методу» выбрасывания из перевода трудных для передачи имён получилось, будто и другие величественные соборы Европы построены в одном стиле с Вестминстерским аббатством. Это очевидная бессмыслица.

Раз уж мы упомянули Вестминстерское аббатство, процитирую фрагмент перевода, из которого можно заключить, что там происходят странные радения каких-то фанатиков:

Лэнгдон увидел нескольких человек, стоявших на четвереньках. Он знал, что подобные сцены в Уголке поэтов не редкость, и все равно **позы этих людей неприятно поразили его. Ёрзают, как полотеры, только вместо обычного пола под плитами тела усопших.**

Думаю, что данный фрагмент задаёт русскому читателю загадку, не предусмотренную Доном Брауном, — несмотря на то, что в примечании к русскому переводу поясняется: Уголок поэтов — это «часть Вестминстерского аббатства, где похоронены... известные поэты и писатели». Так, хорошо. Но что же это за маньяки, которые «ёрзают, как полотёры» над телами усопших писателей, принимая при этом неприятные взору позы? Боюсь, эту загадку невозможно решить, не заглянув в оригинальный текст. А там сказано:

Langdon saw several people crawling on their hands and knees. This prostrate pilgrimage was a common occurrence in Poel's Corner, although it was far less holy than it appeared. **Tourists doing grave rubbings.**

Последняя фраза этого отрывка является ключевой для его понимания, но она оказалась выброшенной из перевода. **Tourists doing grave rubbings** — это туристы, снимающие копии с каменной резьбы (или барельефов) надгробных плит методом *притирания*. Вспомните, вы наверняка в школьные годы пользовались этим методом: когда на монетку накладывался листок бумаги и заштриховывается мягким карандашом, на листке проступает точная копия рисунка монеты.

* * *

Можно было бы привести ещё много примеров ошибок и несуразиц, которые подстерегают читателя русского перевода «Кода да Винчи». Однако рецензия и без того получилась длинновата, так что на этом я, пожалуй, остановлюсь и попробую резюмировать своё общее впечатление от этой переводческой работы. Нет, несмотря на все огрехи, я не стану однозначно ставить ей «двойку»: встречаются переводы намного хуже, а здесь, как я уже говорил, текст читабелен, с грамматикой всё в порядке, лексическая палитра отнюдь не бедна.

Однако из-за многочисленных смысловых и терминологических искажений рецензируемый перевод ассоциируется у меня с автомобилем «Жигули», только что сошедшим с конвейера: ездить-то он кое-как ездит, но болты и гайки в нём не довинчены, и разумный автовладелец обязательно отправит его на «инструментальную доводку».

Вот и этот перевод явно не довинчен — он требует огромного объёма доводки в виде тщательного редактирования.

Кстати, о конвейере. Может быть, это слово кое-что объясняет?

Из сообщений в Интернет-форуме «Что мы читаем»

(<http://forum.materinstvo.ru/index.php?showtopic=31009>)

IRINA: Я читаю тут с учеником «Код да Винчи» в оригинале. Потом в переводе стала читать. И я озадачена, удивлена и ничего не понимаю. Или у меня проблемы с оригинальным текстом, или с текстом русского перевода, или переводчик просто приврал с три короба.

Ну ладно его вольности — “He recoiled” превратилось в «Он мысленно задумался», потом какой-то холостой выстрел приплёл там, где человека убили

(как можно было убить холостым выстрелом?), и т.д. Но как можно было перевести “His body is so oddly positioned” (там мёртвый человек на фотографии) как «Его тело отравлено»? Нет, я просто отказываюсь верить. Не могли же любителю поручить переводить бестселлер. Не мог же он перелутать *positioned* and *poisoned*!

В недоумении верчу оригинал и перевод. Этот переводчик... придаёт абсолютно другие значения словам. *Machismo* превратилось в «воинствующий феминизм». *Esteemed* — в «любопытный». *Very suave* — в «Просто прелестно», *horseshoe* — в «лошадиное копыто». Такое ощущение, что или студент первого курса переводил, или он просто поиздевался над издателем и читателями.

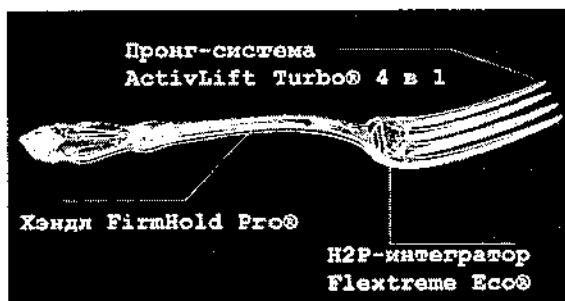
Дюжина вилок в спину мэйнстрима

У.Я. Полуэктович

С любезного разрешения журнала «Трэнды & Брэнды» (русская версия журнала *Good Buy*) приводим опубликованную в ноябрьском номере этого издания статью, представляющую собой характерный образец как переводных, так и оригинальных материалов на подобную тему.

С форком по жизни

//«Трэнды & Брэнды» (русская версия журнала *Good Buy*). – Ноябрь 2006.

Все ещё пользуетесь вилоккой? В новом сезоне это уже не актуально! Компания EasyFood, мировой лидер в производстве кухонных принадлежностей (утенсилов), специально для тебя создала Grip'n'Go – уникальный форк кухонного формата для лучшего и здорового питания!

Говорит Анна Клатц, региональный брэнд-менеджер категории мультипронговых утенсилов в EasyFood: «Grip'n'Go – это эксклюзивный продукт, не имеющий аналогов в мире. Мы позиционируем его в премиальном сегменте утенсилов как современное трендовое решение, обеспечивающее оптимальный контроль за едой с максимальным комфортом для пользователя».

СПРАВКА «Трэнды & Брэнды»: Форк (от англ. *prong* – улавливать) – это инновационный кухонный инструмент, гарантирующий эффективное принятие пищи в 24-часовом режиме. В отличие от обычной

вилки, форк оснащён особым хэндлом (ручкой) и запатентованной системой соединения хэндла с пронгами (выполняющими функцию зубьев).

Мы спросили госпожу Клатц об особенностях новой линейки форков.

Тъ&Бъ: Насколько актуален такой продукт, как форк, для российских потребителей и потребительниц?

Клатц: Если посмотреть на недавний кейс с моноблейдовыми найфами, то мы увидим, что для российского утенсил-рынка характерен один и тот же тренд. С повышением доходов населения всё больше потребителей отказываются от кухонного масс-маркета и декларируют желание переключиться на сегмент премиум. Я могу вам озвучить прогноз, что в течение двух-трёх месяцев после лонча наши форки должны стать бестселлером в категории портативных утенсиллов.

Тъ&Бъ: Какую медиа-активность и промоуши вы планируете для поддержки лонча?

Клатц: В сотрудничестве с нашим креативным агентством и медиа-баером мы разработали оригинальную рекламную концепцию и целую систему агрессивных промо-акций. В рекламном ролике будет показана семья (мама, папа и двое детей), которая садится обедать. Консервативный папа ест традиционной вилоккой и случайно раскалывает тарелку пополам. Дети пытаются поддеть макароны дебрэндированными баночками типа «Растишка», но у них выходит фак-ап («слово из четырех букв» – прим. «Тъ&Бъ»). Продвинутая мама даёт всем по форку, они пробуют есть, кричат: «Wow! Это просто работает!» и бегут её целовать. Слоган: «Совет от EasyFood послушай – с Grip'n'Go удобно кушать!»

Тъ&Бъ: Какое место в маркетинговой концепции EasyFood уделено проблеме здорового питания?

Клатц: EasyFood — мировой эксперт в области безопасного питания. Наши utensily сертифицированы по самым жёстким мировым стандартам в сфере нутриции. Например, хэндл Grip'n'Go изготовлен из 100%-ного аллю, что позволяет его использовать даже приверженцам и приверженкам органической, кошерной и халяльной пищи и делает Vanu еду бескомпромиссно деликатной.

Тъ&Бъ: Можно ли говорить о том, что в России сформировалась культура потребления форков?

Клатц: На самом деле этот вопрос — достаточно серьёзный вызов для компании. Мы стремимся развивать культуру форкинга в этой стране при помощи специальных образовательных акций по нашей целевой аудитории. Наш главный месседж потребителю: форк — это концептуальный продукт, с которым ты всегда добьёшься успеха. В этом году мы планируем провести серию тренингов, например «От макарон к пасте: Реконцепция Вашей кухни» и «Динамичный форкинг как основа агрессивного имиджа», фестиваль экстремальных форкеров Meat-Zone, ди-джей-пати саlPHORKnication и рок-концерт «Четыре дырки» с участием Тайгера Ложковички, барда-афроамериканца из Польши. Кроме того, в среднесрочной перспективе мы запустим тематический блог vilke.net, а дайнинг-клуб Smart Belly (от русск. «смарт» (вид карты) — прим. «Тъ&Бъ») иницирует VIP-форкинг-сессию с участием трендсеттеров и celebrities.

Тъ&Бъ: Госпожа Клатц, вам не кажется, что EasyFood решила «зайти» на российский рынок в не самый позитивный момент? Ведь сегодня главные деньги сфокусированы в среднем сегменте, который развивается за счет консьюмеристской активности среднего класса.

Клатц: Для нас сейчас стратегическая задача состоит в адекватном проведении двух политик. С одной стороны, чётко «отстроиться» от сегмента casual-нержавейки, а с другой, не уйти в стагнирующую зону luxury.

Тъ&Бъ: Можно ли считать Grip'n'Go фэшн-брэндом от utensilов?

Клатц: В сегменте fashion лидирует продукт Forqué наших конкурентов из Haute Utensilerie. Они делают ставку на «гламур» и предлагают потребителю весь спектр услуг от разработки дизайнерских hi-tech форков до кастомизации (персонализации — прим. «Тъ&Бъ») форкфуюов. Мы же продвигаем Grip'n'Go как топовый гаджет для успешных клиентов и клиенток, идентифицирующих себя с буржуазным бэкграундом, но дистанцирующихся от мэйнстрима.

Тъ&Бъ: Каковы перспективы EasyFood на прогнозируемое будущее?

Клатц: Этот вопрос лучше прокомментирует наш старший супервайзор департамента инновационных проектов Мишель Жарр-Фогель-младший.

Жарр-Фогель: Уже в ближайшем будущем есть окно возможности для достаточно прорывных подвижек в смысле апгрейда. Наша команда запустила рисеч-проект топ-hi-end аксессуаров для интерактивного форкинга и спунинга в режиме off-table с использованием «элитных» пород «дерева», идентичных натуральным. Проще говоря, в пайплайн (труба — прим. «Тъ&Бъ») «залит» Wi-Fi-форк нектового generation'a, отточенный (? — прим. «Тъ&Бъ») и «заточенный» под нидсы таргет 20+. Каждый день.

Тъ&Бъ: Бьём ч'ёлом!™

«Тр'эндъ & Бр'эндъ» и «Бьём ч'ёлом!» являются зарегистрированными торговыми марками издательского дома «Тр'ь-Бр'ь Media».

Примечание: Все имена, товары и персонажи в данной статье вымышлены. Всякое замеченное в ней сходство с литературным русским языком случайно.

От редакции журнала «Мосты»:

Что происходит с русским языком? Выстоит ли он в бурном потоке заимствований, варваризмов и калек, сохранит ли свою чистоту и самобытность — и нужно ли ставить такую цель? Какую роль в процессах «американизации» русского языка и противостояния ей играют переводчики? Что делать, если сами пользователи (простите, — юзеры) русского языка говорят и пишут подчас

так, что без знания английского их не понять? Какую позицию должны в этой связи занимать профессионалы и практики перевода?

Вопросы эти задаются со всех сторон, но ясных ответов, а главное практически применимых рекомендаций слышно мало. Всё больше вздохи о добрых старых временах, когда на каждого пере-

водчика приходилось по два редактора, или цитаты из Шишкова и Пушкина.

Давайте обострим тему. Этой злой, но очень меткой пародией редакция журнала «Мосты» приглашает к разговору на эту тему всех, кому не всё равно, на каком языке мы все говорим сегодня и будем говорить завтра.

Переводческий дебют, или «Наше сотрудничество будет очень-очень плодотворным»

С.С. Польская

Вспоминая сегодня своё первое «серьёзное» выступление в качестве переводчика, я вздрагиваю, покрываюсь мурашками и мысленно желаю здоровья всем тем людям, которые прилежно пытались выслушать всю ту ахиню, которую я несла. Более того — не поколотили меня после этого.

...Я прилетела на конференцию в Красноярск в составе огромной делегации. Профсоюзные деятели некоторых стран: индусы, корейцы, афганцы, плюс несколько европейцев для солидности — должны были проехаться на теплоходе по Енисею, погулять на славу и ещё раз убедиться в том, какая это загадочная страна — Россия. Большинство участников конференции составляли русские профсоюзные дядечки, для которых конференция была лишь поводом лишний раз собраться вместе и крепко выпить, так, чтобы спустя несколько недель после события, сидя уже в своих кабинетах, предаваться неге воспоминаний: «А Григорий Васильич-то, помнишь, стул прямо в реку как кинет...», ну и тому подобное. Но внешний антураж, как водится, был соблюден: пресс-релизы, программы каждого дня, круглые столы и т.п.

Я была совершенно спокойна, и даже малейшие сомнения в моей компетентности как переводчика не закрадывались в мою душу. Я училась уже на четвёртом курсе Инъяза и искренне не понимала, как кто-то может знать язык лучше меня. И хотя наши мудрые преподаватели неустанно повторяли нам, что прежде чем отправиться куда-то и что-то переводить, необходимо по мере возможности ознакомиться с предстоящей тематикой перевода, я легкомысленно решила для себя, что профсоюзы — они и есть профсоюзы, ну какая там может быть специфика: так, *работа — зарплата, мир, труд, май...* Короче, не ядерная физика. Это сегодня, когда за плечами уже столько всего переведённого, я нудно выпрашиваю, что и как, долго готовлюсь, читаю всё, что возможно прочесть по этому вопросу, а потом дрожу осиновым листом, ибо говорящий способен употребить в своей речи всё, что угодно, начиная от «пробега подвижного состава на своих осях» (!) и заканчивая народными мудростями, кладезем которых неожиданно оказываются люди, которых невозможно в этом заподозрить («хватит сидеть одной задницей на двух стульях»). Более того, наши

умные и опытные наставники советовали даже отказываться от потенциальной работы, если тематика предстоящего перевода могла оказаться слишком узко специализированной и сложной, дабы не потерять лица и не разрушить свою хрупкую пока репутацию возможным фиаско, но тогда этот вариант даже не рассматривался мною.

Да, тогда в голове моей не было места никаким сомнениям, до этого мне уже приходилось переводить, но весьма локально, для нескольких человек, ведущих неспешные беседы за жизнь, поэтому я с нетерпением предвкушала, как я буду переводить по-настоящему, для огромного зала.

И вот я сижу в президиуме, на трибуну поднялся первый докладчик — то ли афганец, то ли иранец. Поприветствовав собравшихся, он начал говорить, и я вздрогнула, поскольку мне показалось, что он говорит не на английском, а на своём родном языке. Я с извиняющейся улыбкой уставилась в зал, показывая всем своим видом: мол, ошибся человек, стал на своём языке доклад читать, но вдруг заметила, что зал вопросительно смотрит на меня. Попутно я стала улавливать кое-какие знакомые вкрапления типа «трейд-юнион» или «бизнес-кооперейн». Он говорил по-английски! Но как?! Это потом, лет через пять-шесть моё ухо станет настолько натренированным на английскую речь японских, индийских, китайских и прочих господ, что даже мои коллеги, округляя глаза, будут вопрошать меня: «И как ты их понимаешь?» Но это потом, а в тот момент я не понимала ничего или практически ничего.

А люди ждали. Пауза явно затягивалась. В полном отчаянии я выдавила из себя первое, что мне пришло в голову: «Дамы и господа! Я надеюсь, что наше деловое сотрудничество будет плодотворным и длительным». Фраза эта мне почему-то очень понравилась, и я принялась ею всячески играть. В конце концов мой мозг, от ужаса переставший сообщать было вообще, всё-таки начал воспринимать какие-то отдельные предложения, и я начала переводить, лопоча что-то о совместных предприятиях и обстановке в мире. Попутно выяснилось, что у профсоюзов тоже

имеется своя собственная лексика, в частности неведомые мне загадочные аббревиатуры типа ILO (как я выяснила позже — International Labour Organization). Это я просто опускала и продолжала упрямо держаться за спасительный круг под названием «наше сотрудничество будет плодотворным», буквально каждые две минуты хватаясь за него, как утопающий за соломинку. Постепенно я освоилась. Мой голос перестал дрожать, а микрофон — прыгать у меня в руках. Правда, не очень-то получалось совладать с собственной мимикой. Каждый раз, когда фраза докладчика вызывала у меня серьёзные сомнения, мои глаза в ужасе округлялись, а взгляд начинал отчаянно искать поддержку в зрительном зале: мол, видите, что приходится переводить. И в который раз я выдавала фразу про сотрудничество.

Афганца сменил индус, но легче от этого не стало. Зал явно потерял интерес к докладчикам: во-первых, чего слушать, если все говорят только про шлодотворное сотрудничество, во-вторых, все уже предвкушали банкет.

В перерыве ко мне подошли два русских профсоюзных мужичка и, хохоча, посоветовали всё-таки следить за выражением лица, а то первые пять рядов видят, когда я перевожу правильно, а когда неправильно. Я посмеялась вместе с ними и вернулась на своё место в президиуме. В воздухе снова упрямо витало «плодотворное сотрудничество». Кстати, когда всё закончилось, некоторые даже меня хвалили. К счастью, когда тебе чуть за двадцать, многое прощается.

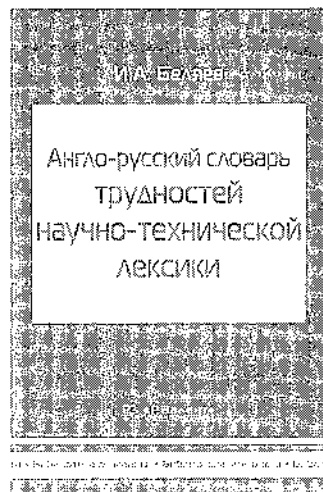
Самое ужасное заключалось в том, что я была весьма довольна собой. Я считала, что с честью выдержала боевое крещение и вступила в ряды настоящих переводчиков. На банкете веселилась и плясала больше всех. Для молодости характерно подобное положительное восприятие жизни. К слову сказать, конференция прошла замечательно. А сколько наподписывали договоров о намерениях да соглашений о создании совместных предприятий — не перечислять. А самое главное — я как в воду глядела! — сотрудничество было «плодотворным и длительным».

И.А. Беляев

И.А. Беляев

«Англо-русский словарь трудностей научно-технической лексики». – М.: «Р.Валент», 2007. – 352 с. Тираж 2000 экз.

Предлагаемый вниманию читателя словарь составлен на базе оригинальных англоязычных (в основном — американских) источников, с которыми составителю пришлось иметь дело на протяжении нескольких десятков лет в качестве научного редактора переводного американского журнала *“The Transactions of the American Society of Mechanical Engineers”* («Труды Американского общества инженеров-механиков») в издательстве «Мир» и в качестве переводчика и редактора технической документации нескольких крупных проектов в России и США.

Как считает автор словаря, «первопроходцами» в составлении аналогичных подборок, справочников и словарей-справочников были А.И. Чёрная, Б.Н. Климзо, Л.И. Борисова и др. (см. *Лексикографические источники*). Свой вклад в решение этой проблемы внёс также коллектив авторов под общим руководством В.В. Акуленко, хотя содержательно составленный ими словарь можно отнести, скорее, к общеупотребительной, а не научно-технической лексике.

Для включения в словарь составитель отбирал, *насколько это возможно*, словарные статьи и их русские эквиваленты, которые

нельзя найти в наиболее полном и авторитетном издании, каковым является, например, БАРС. Так, для слова *assumed*, помимо имеющихся в БАРС'е значений, предлагаются следующие русские эквиваленты, встречающиеся в научно-технической литературе: «1) условный 2) гипотетический 3) принятый (*условно*); принятый к качеству допущения»: для слова *infrequent*, помимо имеющихся в БАРС'е «редкий» и очевидного «нечастый», предлагаются «эпизодический; разовый; случающийся время от времени»; для слова *random* — «1) неупорядоченный; разупорядоченный 2) беспорядочный 3) бессистемный 4) несистематический 5) летучий (в знач. эпизодический, неупорядоченный) *random checks* летучие проверки (*напр., хода работ на производственных площадках*) 6) спорадический *at random* 1. спорадически 2. как попало» и т.д.

Имея в виду специализацию составителя, читатель не должен удивляться обилию примеров, не имеющих, казалось бы, отношения ни к науке, ни к технике, и, в частности, многочисленным примерам, связанным не только с техникой безопасности (это более или менее понятно), но и с регулированием трудовых отношений — вплоть до *отпуска по бе-*

ременности и родам. Дело в том, что на основании многолетнего опыта участия в обработке проектной техдокументации составитель убедился в том буквально *колоссальном* значении, которое придаётся этим проблемам в любом более или менее крупном проекте. По своему объёму документация, касающаяся охраны окружающей среды, техники безопасности, строгого (*строжайшего!*) соблюдения правил внутреннего распорядка на рабочей площадке¹, взаимоотношений работодателя и работника и т.д. и т.п., занимает едва ли не 30% общего объёма проекта.

Особое, сугубое, подчёркнутое внимание уделяется в словаре всякого рода неологизмам, «ложным друзьям переводчика»² и «коварным врагам переводчика»³. Настолько подчёркнуто, что они выделены пометами (ЛДП) и (КВП), причём иногда — с указанием эквивалентов, не рекомендуемых к употреблению. В отношении таких слов составитель, на базе многолетнего опыта, может порекомендовать метод «временного воздержания». «сознательного отказа», «кратковременной потери памяти» и т.д. — дело не в названии. Суть этой рекомендации заключается в том, чтобы, встретив, например, в тексте слова *adequate, concept, conservatively, identify/identification, specification* и ещё несколько сот других ЛДП, которые можно *транслитерировать* кириллицей, забыть — на время! — о существовании такого слова в русском языке, собрать в кулак всю свою волю и отказаться от вариантов *адекватный, концепция, консервативно, идентифицировать/идентификация, спецификация*, потому что в подавляющем числе случаев такой перевод — не только неточный, но и просто неправильный. Точно так же, столкнувшись с КВП типа *application,*

limitation, promising, proper/properly, sensitive и др., не спешить использовать сомнительные эквиваленты вроде *применение/приложение, ограничение, обещающий* (пусть даже — *многообещающий*), *надлежащий/надлежащим образом* и *чувствительный*. Тогда нам, скорее всего, удастся обойтись без подстрочников типа непонятного «*консервативно низкий*» для *conservatively low*⁴, бессмысленного «*идентификация обещающей концепции*» для *identification of a promising concept*⁵ и удручающих *спецификаций* по любому поводу — будь то технические условия, технические характеристики или нормативный документ, в то время как в русскоязычной технической литературе слово *спецификация* означает совсем «четвёртое».

Разумеется, автор не призывает к тотальному запрету на использование англоязычных слов, как это было, например, в период борьбы с «*низкопоклонством перед Западом*»⁶ или как это имело место совсем недавно во Франции. Равным образом, в цели автора словаря не входит также полностью отказаться от имеющихся в известных словарях эквивалентов, а лишь желание привлечь внимание пользователя к практически неисчерпаемым возможностям *русского* языка. Разумеется, в английском языке много слов и выражений, для которых в русском языке нет или не найдено (*будем надеяться — только пока!*) точных эквивалентов. Но эквиваленты очень и очень многих слов и словосочетаний, перевод которых отсутствует в известных словарях, можно найти, если немного напрячься, подумать, покопаться в памяти, помучиться, а не брать первое попавшееся словарное значение. Ведь то, что происходит на наших глазах, очень и очень прискорбно.

⁴ Вместо, например, *сильно заниженный* — помните недавнюю историю с оценкой активов ЮКОС'а германским *Dresdner Bank*'ом?

⁵ Вместо, например, *выбор перспективного варианта*.

⁶ Люди старшего поколения это помнят. В те времена из средств массовой информации искоренению подвергались такие слова, как *матч* — полагалось говорить *состязание* (например, *футбольное состязание*), *джаз-оркестр* — только и исключительно *инструментальный ансамбль*, *репродуктор*, который следовало «отображать» как *грозиковогователя*, и т.д.

¹ Попробуйте, например, появиться на площадке без защитной каски — вас уволят или немедленно, или начиная со следующей вахты. В проходной производственного объекта обязательно висит до десятка касок для разовых посетителей. И будь вы хоть президентом компании, хоть президентом США, вас не впустят на территорию предприятия без каски.

² Утвердившийся термин.

³ Термин, используемый составителем и построенный по аналогии с ЛДП.

Издательство «Р. Валент» предлагает

Ну, почему, в закадровом переводе кинофильма мы должны услышать *Держите ваш огонь!* (*Hold your fire!*)? Ведь по-русски так не говорят!⁷ Откуда взялось это *Он получил месседж* (*He's got the message*)? Почему не вспомнить, что по-русски не говорят *Ты (я, он и т.д.) – мёртвый* с вариантами: *Ты (я, он и т.д.) – мёртвый человек* или *Ты (я, он и т.д.) – покойник* (*You are dead* или: *You are a dead man*)?⁸ А все эти нескончаемые *Я сделал это, Ты сделал это, Мы сделали это, Они сделали это...*

Составитель полностью отдаёт себе отчёт в том, что предлагаемый словарь не лишён

⁷ По-русски говорят либо *Не стрелять!* или *Огня не открывать!*, либо, если огонь уже вёлся, *Прекратить огонь!*

⁸ Ведь есть прекрасное русское выражение *Тебе (мне, ему и т.д.) конец*.

недостатков. Вполне возможно, что кое с чем в нём можно поспорить, кое в чём усомниться, а кое-что просто отвергнуть. Поэтому любые замечания и любая критика – пусть жёсткая и даже беспощадная, но объективная и доброжелательная, будут с искренней благодарностью приняты. И тогда – все вместе – мы сделаем ещё один шаг (пусть это будет крошечный шаг) на пути постижения *Великого Английского языка средствами Великого Русского языка*.

Высокое искусство

К.И. Чуковский

Плохие переводчики страдают своеобразным малокровием мозга, которое делает их текст художочным... Похоже, что они только о том и заботятся, как бы обескровить гениальные подлинники. У таких переводчиков нищенски убогий словарь: каждое иностранное слово имеет для них одно-единственное значение. Запас синонимов у них скуден до крайности...

Словесное художочие надо лечить. Конечно, если болезнь запущена, окончательное выздоровление едва ли возможно. Но всё же мы должны озаботиться, чтобы анемия приняла менее тяжёлую форму, а для этого переводчикам следует изо дня в день пополнять свои скудные запасы синонимов.

Богатый словарь нужен переводчику именно для того, чтобы переводить не дословно. Здесь своеобразный парадокс диалектики: если хочешь приблизиться к подлиннику, отойди возможно дальше от него, от его словарной оболочки и переводи его главную суть: его мысль, его стиль, его пафос (как выражался Белинский). Не букву буквой нужно воспроизводить в переводе, а (я готов повторять это тысячу раз!) улыбку – улыбкой, музыку – музыкой, душевную тональность – душевной тональностью.

Переводчики часто попадают впросак из-за того, что им остаются неведомы самые элементарные идиомы и прихоти чужого языка. Следовало бы составлять особые словари таких языковых причуд.

Беляев Игорь Алексеевич – переводчик и редактор научно-технической литературы с 40-летним стажем. Окончил МВТУ им. Н.Э. Баумана (инженер-механик) и спецфак ИВЯ (японское отделение) при МГУ им. М.В. Ломоносова. Член АТА (American Translators Association). В качестве научного редактора и переводчика участвовал в реализации трех крупных нефтегазовых проектов — в Баку, Усинске (Республика Коми) и Хьюстоне (США).

Бреус Евгений Васильевич – синхронный переводчик, преподаватель перевода. Кандидат филологических наук, профессор кафедры перевода факультета иностранных языков Университета Российской Академии образования. Окончил переводческий факультет МГПИИЯ им. М. Тореза. Автор многочисленных публикаций по теории и практике перевода.

Бродский Михаил Юрьевич – переводчик-синхронист, преподаватель перевода и стилистики. Кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой перевода в Институте международных связей (Екатеринбург). Окончил факультет иностранных языков Свердловского государственного педагогического института. Автор научных работ по лингвистике и переводу, словарей.

Волкова Злата Николаевна – синхронный переводчик, доктор филологических наук, профессор, академик Международной Академии информатизации. Декан факультета иностранных языков Университета Российской Академии образования. Окончила МГПИИЯ им. М. Тореза. Автор более 100 публикаций по лингвистике, в том числе учебных пособий по переводу и словарей.

Ермолович Дмитрий Иванович – синхронный и письменный переводчик, лингвист и лексикограф. Доктор филологических наук. Профессор кафедры перевода английского языка МГЛУ. Окончил переводческий факультет МГПИИЯ им. М. Тореза. Работает в международных организациях. Автор научных работ по лингвистике и теории перевода, учебных пособий и словарей.

Зубанова Ирина Владимировна – профессиональный переводчик, доцент кафедры теории и практики перевода ФПИ МГЛУ, преподаватель ряда переводческих школ. Окончила МГПИИЯ им. М. Тореза.

Климзо Борис Николаевич – переводчик и редактор научно-технической литературы, инженер-энергетик, лингвист. Окончил МЭИ им. М.В. Молотова. Автор многих статей, а также автор-составитель Большого фразеологического словаря («Русско-английский словарь общеупотребительных слов и словосочетаний научно-технической литературы», тома 1 и 2).

Ланчиков Виктор Константинович – переводчик художественной литературы, преподаватель перевода. Кандидат филологических наук, профессор кафедры перевода английского языка МГЛУ. Окончил переводческий факультет МГПИИЯ им. М. Тореза. Автор ряда теоретических работ.

Ларина Татьяна Викторовна – доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков РУДН и МГЛУ (МИПК). Автор многочисленных публикаций на тему межкультурной коммуникации.

Масловский Евгений Константинович – переводчик и редактор научно-технической литературы. Кандидат технических наук. Окончил Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта. Автор, редактор и соавтор ряда тематических и научно-технических книг и словарей. Член правления Союза переводчиков России, руководитель секции научно-технического перевода и специальных словарей.

Некрасова Тамара Петровна – начальник отдела переводов российской юридической компании «Пепеляев, Гольцблат и партнеры». Окончила МГПИИЯ им. М. Тореза.

Польская Светлана Сергеевна – переводчик (устный, письменный). Окончила МГЛУ. Преподаватель английского языка (эконом. перевод) в МГИМО.

Шайффеле Эберхард – PhD, дипломированный психолог и специалист по психодраме, автор многих публикаций на английском, немецком и русском (в переводах).

Шахова Наталья Гелиевна – переводчик, автор публикаций о практических аспектах деятельности переводчиков. Кандидат физико-математических наук. Окончила механико-математический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. Руководитель агентства переводов EnRus, специализирующегося на переводах компьютерной тематики.

Восемь вопросов профессионалу

Отвечает Д.И. Ермолович. № 1(9)

Отвечает М.А. Загот. № 3(11)

Отвечает И.В. Зубанова. № 4(12)

Отвечает В.М. Суходрев. № 2(10)

Лицо профессии

И.В. Зубанова. Гелий, от слова «солнечный», или Воспоминания о переводческой молодости рядом с Г.В. Черновым. № 1(9)

И.В. Зубанова. Гелий, от слова «солнечный», или Воспоминания о переводческой молодости рядом с Г.В. Черновым (оконч.). № 2(10)

Памяти С.Ф. Гончаренко (подборка материалов). № 2(10)

Воспоминания о болгарском переводчике М. Матлиеве: *С.И. Влахов.* Отрывки о друге.

А. Аврамова, З. Сахатчиева. Радетель за чистоту языка и нравов.

А. Дилова. Один из первых. № 3(11)

Наследие

С.Ф. Гончаренко. Перевод поэзии: кое-что из доказанного и забываемого. № 2(10)

В.Н. Комиссаров. Перевод и языковое посредничество. № 4(12)

Анализ практики

М. Берди, В.К. Ланчиков. Успех и успешность. Русская классика в переводах Р. Певира и Л. Волохонской. № 1(9)

Д.М. Бузаджи. Норма ненормативного. Ругаемся адекватно. № 1(9)

Д.М. Бузаджи. Белье нитки. Логические аспекты перевода. № 3(11)

В.К. Ланчиков. Шпиннат по-английски. № 2(10)

В.К. Ланчиков. Работа над ошибками (О передаче библенизмов в художественном переводе). № 3(11)

О.Н. Лукшская. Воспаление бедра, или Особенности перевода медицинских текстов с испанского и английского языков. № 3(11)

Т.П. Некрасова. Что бы это значило, или Туманные звёзды российского законодательства в переводе на английский. № 1(9)

Т.П. Некрасова. Юридические термины в кино. № 2(10)

Т.П. Некрасова. Предлоги и налоги: переводим «досадные мелочи». № 4(12)

П.Р. Палащенко. Семь смертных грехов (и семь даров святого духа), или О пользе дискуссий в Интернете. № 1(9)

А.Р. Станиславский. Адаптация: произвол или практическая необходимость. О переводе учебной литературы по письменному переводу. № 2(10)

М.Я. Цвиллинг. Переводческие «сюрпризы» (Непредсказуемое в устном переводе). № 2(10)

Давайте говорить правильно/А как это по-русски?

Д.И. Ермолович, М.Ю. Бродский. Мой адрес – не «хаус» и не «стрит». Диалог о написании русских адресов и имён собственных в латинской графике. № 1(9)

Заказчик – переводчик

В.И. Ермолович. О военном переводе и переводе «иньязовском». № 3(11)

В.А. Иовенко. О ситуационном переводе, ситуационном произволе и корпоративной этике. № 2(10)

И.Ю. ИONOBA. О пользе обратной связи с заказчиком перевода. № 2(10)

В.К. Ланчиков. «... Не стараясь угодить». Ещё один взгляд на параллельные миры. № 4(12)

И.В. Полуян. Учение Г.И. Гурджиева и синхронный перевод. № 4(12)

Н.Г. Шахова. Параллельные миры. № 2(10)

Н.Г. Шахова. Записки не верблюда. № 4(12)

Э. Шайффеле, М.Ю. Бродский. «Как важно быть серьёзным... при переводе на психотренинге». № 4(12)

Проблемы технического перевода

Б.Н. Климзо. Справочная база технического переводчика. № 2(10)

Б.Н. Климзо. Ещё раз о проблеме уточнения автора переводчиком. № 3(11)

Б.Н. Климзо. Роль переводчика в построении эквивалентов для заимствуемых иноязычных терминов. № 4(12)

Е.К. Масловский. Никто не виноват... Но что делать? № 1(9)

Е. К. Масловский. Так дальше жить нельзя. О бездумных иноязычных заимствованиях в научно-технических переводах. № 4(12)

Рабочее место переводчика

Э.М. Пройдаков, Л.А. Теплицкий. Наш словарь и наши проблемы. № 2(10)

Переводя культуру

Д.А. Туганбаев. Ривенделл против Разлола. № 3(11)

Т.В. Ларина. A Smile Opens Many Doors: Эмоции в коммуникации и переводе, или К вопросу о выражении эмоций в разных культурах. № 4(12)

Переводчик и право

В.В. Гусев. Переводчик – автор перевода. № 1(9)

В.В. Гусев. Работа переводчика по договору с издательством. № 3(11)

Подготовка переводчиков

Е.В. Бреус, З.Н. Волкова. Преподавание перевода в высшей школе: нынешнее состояние и перспективы. № 4(12)

Что про нас сочинили

В.К. Лапчиков. Василий Иванович, именуемый «Заказчик» (о рассказе И.Ф. Горбунова «Нана»). № 1(9)

Кинозал

М.А. Загот. Кинофестиваль. № 2(10)

Азбука бизнеса

И.Г. Шахова. Не ЧаВо. Ответы на типичные вопросы начинающих. № 3(11)

XX век – глазами переводчика

П.Р. Палажченко. В эпизодах. № 2(10)

Cum grano salis

А.И. Никольская. Как я «удаляла простату». № 1(9)

А.И. Никольская. Русский дзен. № 2(10)

У.Я. Полуэктович. Дюжина вилок в спину мэйнстрима. № 4(12)

С.С. Польская. Переводческий дебют, или «Наше сотрудничество будет очень-очень плодотворным». № 4(12)

Из записной книжки

О.А. Лебедева. Непредсказуемая гемба. № 3(11)

Д. Толмачёва-Драгоманова. Это загадочное слово синхрон. Ещё раз про синхрон. № 1(9)

Д. Толмачёва-Драгоманова. Говорящие коробочки. От всей души. № 4(12)

Из переводческих ляпсусов

- «Любовь – это слово из четырёх букв”. Этот гениальный слоган...». № 3(11)
М. Берди. Перевозбуждённые вентиляторы. № 4(12)

Издательство «Р.Валент» предлагает

- О книге И.А. Беляева «Англо-русский словарь трудностей научно-технической лексики». №4(12)
 О книге С.И. Влахова и С.П. Флорина «Непереводимое в переводе». № 3(11)
 О книге Б.Н. Климзо «Ремесло технического переводчика». № 2(10)
 Казнить ли Панду? (О книге Линн Трасс «Казнить нельзя помиловать») № 2(10)

Рецензия

- Д.И. Ермолович*. Хоть довинчивай (о книге Д. Брауна «Код да Винчи»). № 3(11)
Д.И. Ермолович. Хоть довинчивай (оконч.). № 4(12)
М.Я. Цвиллинг. Лоция в море словарей (о книге В.Д. Девкина «Немецкая лексикография»). № 1(9)

Дайджест

- Звёзды мира переводов (пресс-конференция в РИА «Новости»). № 1(9)
 Из сообщений в Интернет-форуме «Что мы читаем»
 (<http://forum.mateinstvo.ru/index.php?showtopic=31009>) (24 марта 2005 г.). № 4(12)
О. Лувеску. Европа спорит о том, как писать euro (Би-би-си, 14.10.2004). № 1(9)
 Переводчики. Культура подаёт апелляцию («Шпигель», № 49,5.12.2005). № 1(9)
 Первая премия за перевод британской литературы (Книжная ярмарка на ВВЦ). № 1(9)

Об искусстве перевода/Просто цитата

- И. Бабель*. «Пон де Мопассан» (Так это делалось в Одессе). № 3(11)
Н.С. Гумилёв. «Читая эту книгу...». № 1(9)
Н.А. Заболоцкий. «Перевод – экзамен твоей литературной речи...». № 2(10)
Н.А. Заболоцкий. «Перед переводчиком две чаши весов...». № 2(10)
Н.А. Заболоцкий. «Успех перевода зависит...». № 2(10)
А. Кундзин. «Есть переводчики, которые не только не отстаивают...». № 4(12)
Н.С. Лесков – переводчику К.А. Грве. № 1(9)
Г.Г. Маркес. «Читая на чужом языке...». № 4(12)
С.Я. Маршак. «Когда-то академик А.Ф. Конн...». № 4(12)
А.Н. Островский – А.Ф. Демичу. («Антония и Клеопатру» я прошу...) № 2(10)
Дж. Свифт. «Справедливее всего обложить налогом пороки и безрассудства...». № 4(12)
И.С. Тургенев. «Люди с самобытным талантом...» № 1(9)
К.И. Чуковский. «...Плохие переводчики страдают своеобразным малокровием мозга...». № 4(12)
Дж. Б. Шоу. «Дайте женщинам право голоса...». № 4(12)

Поэзия

- С.Ф. Гончаренко*. Ars Convertendi (Искусство перевода) № 2(10)
С.Ф. Гончаренко. Назло всему не отвергать надежды.... № 2(10)
С.Ф. Гончаренко. Исповедь переводчика. № 2(10)
С.Ф. Гончаренко. Сонет о переводе. № 2(10)
М.А. Загот. Переводчик (текст и ноты гимна) № 3(11)

Corrigenda к статье И.В. Полуяна «“Переупаковка” с русского на английский», «Мосты» 4/2004:

В примере 6. *на стр. 86* следует читать: In the course of the debt restructuring the percentage of shares belonging to (managed by) the federal government went up.

В последнем абзаце *на стр. 87* следует читать: вербализации, адвербиализации.

Bridging the Communication Gap

4(12)/2006

Bridges

Translators and Interpreters' Journal

D. Yermolovich concludes his postmortem on the Russian translation of the Da Vinci Code.

B. Klimzo

The Translator Finds Equivalents for Borrowed Foreign Terms: Why and How?

E. Maslovsky

It's a Total Disgrace.

On careless foreign borrowings in technical translations

E. Breus. Z. Volkova

Teaching Translation in College: State of the Art, Challenges and Solutions.

as well as

theory, practice and useful information for translators, teachers and students from top professionals

ISSN 1539-0154

785934 392 124

